ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Капков Сергей Александрович

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ)

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор Жукоцкая А.В.

Москва 2020

Оглавление

Введение ……... 3

Глава 1. Город и общество в социальной философии …….. 24

1.1. Поиск «идеального города» в социально-философской мысли (от Античности к Новому времени) ……. 24

1.2. Город как зеркало социальной модернизации XIX – XX вв. …... 46

1.3. Город и общество в XXI веке: актуализация общественных пространств …….. 66

Глава 2. Онтологические и аксиологические основания трансформации городских общественных пространств …….. 80

2.1. Историческая эволюция городских общественных пространств 80

2.2. Онтологические основания развития городских общественных пространств ……... 93

2.3. Аксиологические основания развития городских общественных пространств ……... 111

Глава 3. Трансформация социально-культурных практик в городских общественных пространствах ……. 121

3.1. Современный мегаполис в управленческой перспективе: случай Москвы в контексте мировых тенденций …….. 121

3.2. Основные векторы трансформаций городских общественных пространств Москвы …….. 136

Заключение …….. 167

Список использованной литературы ……. 171

Приложение. Городские праздники как социально-культурные практики и их трансформации ……... 189

Введение

Актуальность темы исследования. Исследование города как социального феномена, проблем города, развития и трансформации городских общественных пространств – одна из актуальных и интенсивно развивающихся областей социального знания в нашей стране и за рубежом. Современные исследования города уже нельзя считать строго дисциплинарно отграниченными, они имеют междисциплинарный, точнее – кроссдисциплинарный характер. В этих исследованиях переплетаются идеи урбанистики, социологии, социальной философии и психологии, культурологии, географии, градостроительства, экономики, этнографии и т. д. Это не случайно: общественные пространства – одновременно узлы важных городских проблем и те точки, которые могут определить будущее городов, их привлекательность для жителей, безопасность и экономическую успешность. Таким образом, сегодняшние исследования города, городских общественных пространств обеспечивают ученым широкий и содержательный контекст.

Многопараметральность, многоаспектность, нечеткая локализованность в пространстве и времени феномена современного города детерминируют и выбор методологического инструментария – приходится отходить от дисциплинарных канонов и опираться не только на классические, канонические общенаучные методы социального познания, но и заимствовать частные методы из других областей знания – от экономики до семантического анализа.

В последние десятилетия специфической особенностью исследований города, его проблем и общественных пространств является отход от системного анализа самого феномена в пользу теоретического осмысления отдельных актуальных проблем, аспектов, исторических сюжетов и эпизодов формирования и развития городов. Например, часто рассматриваются

специфика урбанизации в странах незападного мира, понятия «информационный город», «глобальный город», субурбанизация и т. д. Проблема нашего исследования также касается не города вообще, а развития общественных пространств города. Когда мы говорим об общественном пространстве города, то представляем себе в первую очередь парки, улицы, площади, огромные моллы, а также библиотеки, музеи, театры, концертные залы – места, где протекает социальная и культурная жизнь горожан. Все эти места чрезвычайно сложны и амбивалентны. В каждом центре и крупного, и небольшого города существуют мультикультурные и социально насыщенные публичные пространства, в которых горожане могут свободно коммуницировать. Общественные пространства – лаборатория социальной жизни, в них становится очевидным все городское разнообразие, происходит процесс воспроизводства культуры и формирования общества как такового, его идентичности.

В последние несколько десятилетий доля городского населения стремительно растет в подавляющем большинстве стран. Если в 1960 г. уровень урбанизации составлял только 34%, к 2018 г. он вырос до 55%, т. е. более половины населения планеты живет в городах[1]. Согласно исследованиям ЮНЕСКО, в одной трети всех стран уровень урбанизации уже сейчас составляет более 75%, а к 2050 г. такой уровень будет наблюдаться в половине государств. Всего в городах будут проживать две трети мирового населения – 66%[2].

В такой ситуации города конкурируют за ресурсы, за возможности для роста и развития и, конечно, за людей, прежде всего высококвалифицированных специалистов в области производства знания,

---

[1] Urban population // The World Bank. 2018. [Электронный ресурс]: URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.in.zs (дата обращения: 7.10.2019).

[2] World Urbanization Prospects. The 2014 Revision. New York: The United Nations, 2015. P. 7–8.

инноваций и технологий, – тех, кто при переходе от индустриальной экономики к экономике знаний играет ключевую роль в привлечении крупных компаний и инвестиций, в обеспечении роста городской экономики и в конечном счете – в развитии городов и их стабильном будущем.

При этом уже в начале XXI века молодые профессионалы в развитых странах при выборе места работы ориентируются на городскую среду и атмосферу, а не на конкретные условия труда[3]. Таким образом, одним из ключевых факторов процветания и устойчивого развития современных городов является их благоприятная среда и привлекательность для жизни.

Говоря о привлекательности или удобстве города, представители городских властей разных стран продолжают мыслить категориями пирамиды потребностей А. Маслоу, считая, что главное при выборе места жительства – удовлетворение базовых потребностей нижних уровней. С их точки зрения, успешный город или район – это безопасные улицы, современная инфраструктура, удобная транспортная система и жилье, хорошие школы. Потребности в любви, принадлежности, уважении и самоактуализации, а также добавленная Маслоу в более позднее время потребность в знании и вечная жажда красоты рассматриваются как возникающие лишь после удовлетворения базовых потребностей, а значит, как актуальные для обеспеченных и успешных горожан. Но современные исследования показывают, что вершина пирамиды не кажется людям роскошью, независимо от их текущего статуса, – помимо базовых услуг, людям нужны и участие в общественной жизни, и городские события, и красивые улицы и парки[4].

---

[3] Например, исследования CEOsforCities (ceosforcities.org) за 2004 год демонстрировали, что в развитых странах эта ситуация справедлива для 70% молодых профессионалов, хотя двадцатью годами ранее эта доля составляла только 20%.

[4] *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М., 2014. С. 161–162.

Роль общественных пространств в структуре современного города – ключевая. Городские общественные пространства аккумулируют большой комплекс постоянных функций: они обеспечивают то разнообразие коммуникаций, которое необходимо современной экономике, объединяют городское сообщество, формируют и поддерживают идентификацию жителей с городом, являются местами проведения досуга, формируют образ города на мировой карте, выступают «точками сборки» для проявления гражданской активности.

Именно поэтому описанные выше проблемы обсуждаются не только теоретиками и практиками городского развития, но и широким кругом горожан. Об этом можно судить по активно разворачивающимся дискуссиям в СМИ, в социальных сетях, в блогах. Например, городу, городским практикам, общественному пространству города, городским улицам был посвящен симпозиум (сентябрь, 2015 г.), прошедший в Кентском университете при поддержке журнала «The Sociological review»; а в августе 2018 г. в Москве, в рамках проекта «Университет, открытый городу: Вышка в Парке Горького» проходила публичная лекция И.Р. Медведева (Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ) «Право на город: Разрешение городских конфликтов». Люди не ограничиваются обсуждениями, они создают сообщества, организации, целью которых является трансформация городов (и в первую очередь городских общественных пространств) в желаемом направлении[5].

Происходящие изменения находят отражение и в теоретических исследованиях города. Очень важно, на наш взгляд, что современные исследования города, помимо привычного анализа социальных связей, все чаще сосредоточены на изучении аспектов, поддерживающих социальное

[5] В качестве примера такого сообщества можно привести сообщество CEOsforCities, на главной интернет-странице которого размещен призыв: «Присоединяйся к нам и меняй мир». См.: https://ceosforcities.org/

доверие, толерантность, формирование добрососедских чувств. Ведь культурное разнообразие городов и межкультурная коммуникация объективируются в определенных местах и событиях. Каждая этническая группа отмечает свои праздники, говорит на своем языке, а город должен обеспечить им возможность рассказать о своей культуре, поделиться знаниями, языком, традициями, праздниками. Немалую роль в этом играет и функционирование общественных пространств. Не случайно более десяти лет назад Советом Европы был инициирован проект «Интеркультурные города», который функционирует и по сей день. Его цель – сделать общественное пространство и услуги доступными для всех социальных и этнических групп, а также минимизировать этническую напряженность и конфликты[6]. Это очень важно потому, что современный город – это не только место гармонии, но и конфликтов. Его общественное пространство постоянно трансформируется и наполняется новыми жителями, с подчас противоречивыми интересами. О конфликтогенном потенциале города пишут и урбанисты, и социологи, и юристы, этот факт осмысливают и социальные философы. Так, британский социолог и культуролог Пол Гилрой, рассматривая дружелюбие и взаимное расположение людей в мультикультурном пространстве через призму их повседневного существования, взаимодействия в общественных местах, использует термин «культура добрососедства» (conviviality culture)[7].

Совершенно очевидно, что общественные пространства должны становиться площадками для толерантного общения, диалога культур, максимально вовлекая все слои населения в жизнь города. Однако для этого необходимо новое понимание города в целом и городских общественных пространств в частности. Для целей нашего исследования важно

---

[6] Intercultural cities. Council of Europe [Электронный ресурс] URL: https://www.coe.int/en/web/interculturalcities/about (дата обращения: 21.04.2018).

[7] См.: *Bates Ch*. Conviviality, disability and design in the city // Sociological review. 2018. Vol. 66. №5. P. 985.

подчеркнуть, что если до середины XX века город рассматривался преимущественно как «физическое пространство» с размещенными в нем архитектурными сооружениями, то с середины XX века город стал восприниматься скорее как объект социальный. Отечественный исследователь С.В. Пирогов отмечает, что «город как географическое пространство и его репрезентация в сознании – это разные реальности, лишь частично изоморфные друг другу. Люди ведут себя не только (а порой и не столько) в соответствии с объективными параметрами среды, но и в соответствии с оценками этой среды и в соответствии с квазиобъектами – предметами, существующими лишь в воображении»[8]. На первое место в исследованиях города и городских общественных пространств выходят жители, их повседневные практики, их интересы, ценности, их ментальность. Исследователи осознали, что городское пространство — это не просто физическая реальность. Теперь никого не удивит утверждение, что «помимо физического и социального уровней городского пространства, существует третий – ментальный, включающий в себя наши представления о месте обитания («ощущение города») и его идеальном состоянии»[9]. Уже привычными для урбанистов стали так называемые ментальные карты города, учитывающие личностные представления о фрагментах городской среды и городе в целом (классиками этого направления считаются С. Милграмм, К. Линч, Дж. Голд[10]). Очевидно, что без учета всех трех уровней — физического, социального и ментального — урегулировать конфликты и создать толерантную городскую среду невозможно.

Актуальность трансформации городских общественных пространств определяется также возросшим осознанием жителей городов своего «права

---

[8] *Пирогов С.В.* Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 35.

[9] *Медведев И.Р.* Право на город: разрешение городских конфликтов [Электронный ресурс]: URL: http:www.youtube.com/watch?v=-R-0xGRoSIQ (дата обращения: 10.09.2018).

[10] См.: *Митин И.И.* Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 3 (8). С. 64-79.

на город». Еще французский историк и философ А. Лефевр отмечал такую особенность, как «перенос», когда, например, городские архитектурные объекты переносятся в эмоциональную сферу людей. Люди как бы «присваивают» городское пространство, превращают его в личностный фактор, тем самым утверждая некое «право» на город. И. Медведев отмечает, что каждый из нас имеет некое пространство, территорию, которую он считает родной, «своей». Это могут быть дорога с работы домой или на работу, места уличных игр в детстве, любимые районы и т. д. Если представить себе город как единую карту, то она будет складываться из совокупности таких «индивидуальных» карт горожан[11]. Такие «индивидуальные» общественные пространства, безусловно, нуждаются в защите от разрушений: сносов архитектурных памятников, точечных и несанкционированных застроек и т. д. Все чаще и чаще такую защиту обеспечивают себе сами граждане, что является проявлением гражданской активности и умением отстаивать свои интересы. В перспективе — это возможность создать город, в котором хочется жить.

Итак, все сказанное выше позволяет нам утверждать, что во втором десятилетии XXI века проблема городских общественных пространств и их трансформации стала особо актуальной.

На наш взгляд, такому обостренному интересу к городской проблематике способствует ряд новых явлений:

– становление креативной экономики, в которой, наряду с промышленным производством и потреблением, ведущее место сейчас занимают культурное производство и культурное потребление, развитие городской среды, коммуникации, творческий обмен и творческая конкуренция;

---

[11] *Медведев И.Р.* Право на город: разрешение городских конфликтов [Электронный ресурс]: URL: http:www.youtube.com/watch?v=-R-0xGRoSIQ (дата обращения: 10.09.2018).

– активная ревитализация городских пространств, утративших свое экономическое, политическое и социальное значение (необщественные пространства становятся общественными и наоборот);

– развитие инклюзии – включение людей, чьи возможности по разным причинам ограничены, в более интенсивные городские коммуникации;

– развитие общественных движений в разных регионах мира, в том числе протестных, манифестирующих себя в общественных пространствах;

– необходимость сохранения безопасности в связи с террористическими актами и угрозами, выбирающими своей целью общественные пространства, места больших скоплений людей.

Значительное количество теоретических исследований, посвященных рассмотрению процессов, связанных с формированием и развитием городов и городских общественных пространств, обусловлено сложностью и динамичностью самого объекта исследования. Он постоянно ставит перед исследователями новые задачи, решение которых, на наш взгляд, будет успешным и эффективным при использовании кроссдисциплинарного подхода, являющегося методологическим основанием данного исследования.

В понимании сущности того, что есть общественное пространство города, имеются два аспекта: социальный и культурный. Социальный аспект выражается в формировании и развитии общественной сферы, где происходит коммуникация людей разной этничности, разного возраста, социального статуса, конфессиональной принадлежности и т.д., и где они должны уметь адекватно реагировать на «иное», «другое» поведение, отличное от привычного им. Культурный аспект общественного пространства выражается в постоянном формировании и воспроизводстве не только городской культуры, городского образа жизни, но и наивысших образцов культурной деятельности.

Автор настоящей работы непосредственно соприкоснулся со многими особенностями и проблемами управления развитием и трансформациями

городских общественных пространств, будучи сначала в должности директора Центрального парка культуры и отдыха им. Горького в Москве (март–сентябрь 2011 г.), а затем руководителя Департамента культуры Москвы в ранге министра Правительства Москвы в 2011–2015 гг. Осуществляя эту деятельность, мы постоянно опирались на мнение большого круга компетентных экспертов. Не только полученные позитивные результаты, но и возникшие проблемы стали побудительным мотивом для анализа этого опыта в теоретическом контексте социальной философия, центральными вопросами которой являются «вопросы воспроизводства и обновления общества»[12].

Сама форма организации городских общественных пространств и те социально-культурные практики, которые в них разворачиваются, отражают и устойчиво воспроизводят универсальные черты городского образа жизни и специфические особенности, характерные для общественной жизни конкретных городов и стран в определенные исторические периоды. Вместе с тем изменения в организации общественных пространств, предпринимаемые той или иной городской властью, тесно связаны с переменами, происходящими в обществе, и не случайно они становятся предметом широких общественных дискуссий. Эта связь пространственных форм и их репрезентации в сознании людей, социокультурных практик и общественных перемен и стала предметом социально-философской рефлексии.

В настоящей работе предпринята попытка увязать социально-философские аспекты развития городских общественных пространств (онтологический и аксиологический) с практическими вопросами трансформации городских общественных пространств (на примере Москвы) и актуальными вопросами управления такими трансформациями.

---

[12] *Кемеров В.Е.* Введение в социальную философию. М., 2001. С. 41–46.

Онтология в данной работе понимается как «онтология предметной области», ее структуры (то есть городских общественных пространств), ее терминологической базы и как выявление наиболее существенных свойств и отношений между элементами этой структуры[13]. Аксиология в контексте данного исследования понимается как ценностный потенциал, ценностные аспекты городских общественных пространств и их трансформации. Понятие «городское общественное пространство» подробно анализируется во второй главе. Здесь лишь заметим, что под городским общественным пространством мы понимаем городские территории, потенциально доступные всем членам городского сообщества, выполняющие общественно полезные функции, способствующие формированию городской идентичности.

Степень разработанности проблемы исследования. Философская рефлексия по поводу города, взаимодействия города и общества берет свое начало в Античности и является одной из стержневых линий в социальной философии вплоть до наших дней. Основные вехи этой рефлексии – образы идеального города в Античности (Платон, Аристотель), учение Аврелия Августина о граде земном и граде Небесном, утопические романы XVI–XVIII веков, политическая философия Н. Макиавелли, дискуссии эпохи Просвещения, возникновение научной социологии, историософия О. Шпенглера, социальные интерпретации советского опыта городского планирования, антиутопии XX века, идеи гипермодерна, теоретико-практические идеи «новой урбанистики» (развитие общественных пространств, «город для машин или город для людей?») и наконец – выделение урбанистики в самостоятельную академическую дисциплину.

Традиция *систематического* изучения города сложилась прежде всего в социологии XIX века. Это и понятно, так как предметом социологического

---

[13] «Ontology is the theory of objects and their ties. It provides criteria for distinguishing different types of objects (concrete and abstract, existent and nonexistent, real and ideal, independent and dependent) and their ties (relations, dependencies and predication)». См.: Ontology: Its Role in Modern Philosophy [Электронный ресурс]: URL: https://www.ontology.co.

знания было буржуазное общество, а оно общество «городское». Бурное развитие городов, происходящие в них социальные процессы будили не только социологическую, но и социально-политическую, экономическую мысль. Например: «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса; исследование города Лондона, проведенное Ч. Бутом и его сотрудниками; движение социальных обследований в Великобритании и США; «цивика» П. Геддеса и др.

XX век – это время глубокого теоретического осмысления феномена города, его развития, его проблем, репрезентированных в работах М. Вебера, Г. Зиммеля, Ф. Тённиса, У.Л. Уорнера, Р.Э. Парка, Л. Вирта, П. Геддеса и др. Во второй половине XX в. развитие городов осмысливается в контексте марксистской и критической теории (В. Беньямин, А. Лефевр); а в конце XX в. на все социальное знание оказывает влияние постмодернизм и его «культурная» проблематика, связанная с критической теорией и социальным конструктивизмом интеллектуальных движений (феминизм, гендерные исследования и т. д.). В связи с глобализацией и формированием «информационного общества» в конце XX в. формируются идеи «информационного города» и «глобального города» (М. Кастельс, С. Сассен и др.). В новейших городских исследованиях доминируют идеи «новых экологий», «семантических (виртуальных) городов» и модели акторно-сетевой теории (Э. Амин и Н. Трифт).

Проблема функционирования городских общественных пространств как самостоятельная тема начала обсуждаться еще в XX веке.

Роли площадей, парков, бульваров и улиц в городах Нового времени посвящены страницы работ представителя Франкфуртской школы политической философии и социологии Вальтера Беньямина («Улица с

односторонним движением» (1928); «Центральный парк» (1930-е); «Париж, столица XIX столетия» (1935) и др.)[14].

В 1968 году была опубликована книга французского социального философа Анри Лефевра «Право на город»[15], утверждавшая широкое право горожан на доступ ко всем возможностям и площадкам городской жизни и предвосхитившая многие идеи, ставшие актуальными десятилетия спустя.

Важный вклад в понимание взаимодействия общества и городских пространств, таких как кофейни, кафе, салоны, магазины, редакции газет, театры, места спортивных состязаний, внес немецкий философ Юрген Хабермас, исследовавший развитие *публичной сферы* в Европе в Новое время[16].

Проблематика общественных пространств явилась одной из центральных тем в работах представителей направления, получившего название «новой урбанистики» (Дж. Джекобс[17], Р. Ольденбург[18], Я. Гейл[19], Р. Сеннетт[20], Ш. Зукин[21] и другие).

На рубеже тысячелетий взаимодействие человека, общества и городских пространств становится одной из центральных тем концепций

---

[14] *Беньямин В.* Озарения. М., 2000; *Беньямин В.* Улица с односторонним движением. М., 2012.

[15] *Lefebvre H.* Le Droit à la ville. Paris, 1968; *Лефевр А.* Производство пространства. М., 2015.

[16] *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016. См. также сб.: Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. М., 2013; *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge, Mass., 1989.

[17] *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011.

[18] *Ольденбург Р.* Третье место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014.

[19] *Гейл Я.* Города для людей. М., 2012; *Гейл Я., Сварре Б.* Как изучать городскую жизнь. М., 2016.

[20] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М., 2002.

[21] *Зукин Ш.* Культуры городов. М., 2015.

креативной экономики (Дж. Хокинс[22]), креативного города (Ч. Лэндри[23]) и креативного класса (Р. Флорида[24]).

В современной России проблемы философии города во взаимосвязи с динамикой развития общества и историческим изменением ценностных ориентиров ставились в исследованиях социологов, социальных философов, урбанистов, историков архитектуры, культурологов, во многом носящих кроссдисциплинарный характер (А.А. Высоковский[25], В.Л. Глазычев[26], Е.В. Зеленцова[27], В.З. Паперный[28], Е.Г. Трубина[29] и др.). В 2000-е годы социально-философские и культурологические вопросы развития городских общественных пространств становятся темой целого ряда отечественных диссертаций по социологии и социальной философии. Отметим исследования Г.В. Горновой[30], М.А. Загорской[31], В.Б. Звоновского[32], И.А. Спиридонова[33], Д.Н. Суховской[34], О.Ф. Филимоновой[35] и др.

---

[22] *Howkins J.* The Creative Economy. How People Make Money From Ideas. London, 2001; рус. пер.: *Хокинс Дж.* Креативная экономика: Как превратить идеи в деньги. М., 2011.

[23] *Лэндри Ч.* Креативный город. М., 2006; *Пахтер М., Лэндри Ч.* Культура на перепутье. М., 2000.

[24] *Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М., 2005; *Он же.* Большая перезагрузка: Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. М., 2012; *Он же.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М., 2014; *Он же.* Новый кризис городов. М., 2018.

[25] *Высоковский А.А.* Сочинения: В 3 т. Т. I. Theory. II. Practic. III. Public. М., 2015.

[26] *Глазычев В.Л.* Урбанистика. М., 2008; *Он же.* Политическая экономия города. М., 2009; *Он же.* Город без границ. М., 2011.

[27] *Зеленцова Е.В., Гладких Н.В.* Творческие индустрии: Теории и практики. М., 2010; *Зеленцова Е.В., Мельвиль Е.Х.* Культурная политика и экономика культуры: тезисы для сборки региональных стратегий. М., 2010.

[28] *Паперный В.З.* Культура Два. 2-е изд. М., 2006.

[29] *Трубина Е.Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2013.

[30] *Горнова Г.В.* Антиномичность городской культуры: Дисс. … д-ра фил. наук. Омск, 2011.

[31] *Загорская М.А.* Философия и методология формирования общественных пространств: Магистерская дис. по философии. М.: Московский архитектурный институт, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://refleader.ru/poljgejgeujgjge.html

[32] *Звоновский В.Б.* Социальное освоение пространства повседневности в условиях трансформации общества: Дис. …д-ра социол. наук. Волгоград, 2013.

[33] *Спиридонов И.А.* Теоретико-методологические особенности изучения социального пространства города: Дис. …канд. социол. наук. Саратов, 2011.

Значительная часть этих работ выполнена на региональном материале и показывает, что за текущее десятилетие проблематика развития общественных пространств стала актуальной для многих российских городов. В этих работах в определенной степени отражен и опыт московских трансформаций, а также осмысляются и адаптируются мировые тенденции. Концептуально важными, раскрывающими социально-философскую сущность города, общественных пространств, проблемы городской идентичности, управления развитием города для нас являются работы Г.В. Горновой[36], а также работы И.В. Бабаян,[37] В.В. Ванчугова[38], Е.Г. Кривых[39], С.В. Пирогова[40], С.А. Смирнова[41], и др. Ограничимся в данном исследовании лишь этим кратким обзором, так как список работ, посвящённых городской проблематике, огромен и постоянно пополняется,

---

[34] *Суховская Д.Н.* Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности: Дис. … канд. филос. наук. Пятигорск, 2015.

[35] *Филимонова О.Ф.* Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры: Дис. …д-ра филос. наук. Саратов, 2011.

[36] *Горнова Г.В.* Философия города. М., 2014*; Она же.* Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. №3(17); *Она же.* Урбанистические истоки демократии и либерализма // Вестник Омского педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. №4(17) и др.

[37] *Бабаян И.В., Пашинина Е.И.* Городские аллюзии: режимы видимости в общественном пространстве города // Урбанистика: опыт исследований, современные практики, стратегия развития городов, 2017. С. 19-20.

[38] *Ванчугов В.В.* Москвософия & Петербургология: Философия города. М., 1997.

[39] *Кривых Е.Г.* Публичное пространство в современном городе: философский аспект // Развитие фундаментальных основ науки и образования в строительстве: Сборник тезисов XIV Международной научно-практической конференции, 2017; *Кривых Е.Г.* Динамика общественного пространства мегаполиса: философско-методологический аспект // Общество: философия, история, культура. 2017. №12.

[40] *Пирогов С.В.* Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. Серия «Экономика». 2011. №2; *Он же.* Образы города и техники как системы вещей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7.
и др.

[41] *Смирнов С.А.* Антропология города, или О судьбах философии урбанизма в России // Философская антропология [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/smirseal/ancity_1.html (дата обращения: 13.10.2019).

отражая все новые и новые тенденции развития городов и городских общественных пространств.

Объектом исследования являются феномены города и городских общественных пространств и развернутые в них социально-культурные практики.

Предмет исследования – трансформация городских общественных пространств.

Цель исследования – выявить онтологические и аксиологические основания трансформаций городских общественных пространств.

Для достижения цели необходимо было решить следующие **задачи:**

- Выявить особенности репрезентации города в социально-философском дискурсе.
- Выявить специфику трансформации городских общественных пространств в историко-философском контексте.
- Рассмотреть онтологические основания развития городских общественных пространств.
- Проанализировать аксиологические основания развития городских общественных пространств.
- Охарактеризовать социокультурную ситуацию, вызвавшую изменение функционала городского общественного пространства в конце XX – начале XXI вв. (на примере г. Москвы).
- Показать роль ценностных установок горожан и городской власти в управлении изменениями городских общественных пространств (на примере г. Москвы).

Теоретическая и методологическая база исследования. Исследование опирается на *кроссдисциплинарный* подход к изучению проблем города, сложившийся в работах представителей новой урбанистики (в первую очередь Р. Ольденбурга и Р. Сеннетта), социальных философов (Ю. Хабермас), теоретиков креативной экономики (Дж. Хокинс, Ч. Лэндри,

Р. Флорида и др.), исследованиях российских урбанистов (Г.В. Горнова, В.Л. Глазычев, А.А. Высоковский, Е.Г. Трубина и др.), историков архитектуры (В.З. Паперный) и культурологов (Е.В. Зеленцова).

Теоретико-методологической основой исследования является анализ различных концептуальных взглядов и методологических подходов к изучению феномена города и городских общественных пространств. В исследовании использованы компаративистский подход и универсальная методологическая процедура интерпретации.

Автор для достижения цели исследования использовал также сравнительно-исторический метод, метод интерпретации, метод эмпирического познания, в частности метод включенного наблюдения; философскую рефлексию над результатами социального и управленческого опыта, полученного автором и его командой, а также метод моделирования применительно к управленческому процессу.

Источниковую базу 3-й главы составили программы и отчеты Департамента культуры Москвы 2011–2015 гг., документы федеральной и московской культурной политики, исследования Московского института социально-культурных программ, а также публикации в СМИ, подробно освещавшие реформы городских общественных пространств в исследуемый период.

Положения, выносимые на защиту:

1. Спецификой репрезентации города в социально-философском дискурсе является рассмотрение феномена города в контексте моделей и проектов «идеального общественного устройства», включающие в себя аксиологические константы (представления о социальной справедливости, равенстве, гражданских добродетелях, долге и др.). В XX–XXI вв. феномены города и общественного городского пространства становятся объектами кроссдисциплинарных научных исследований, в которых репрезентируются основные

социальные проблемы: стандартизация, формализация, гомогенизация, анонимизация многих сторон индивидуальной и общественной жизни.

2. Город как зеркало отражает сущность происходящих социальных изменений. Городские общественные пространства складываются из совокупности социальных практик его жителей, наделяющих городское «жизненное» пространство устойчивыми социальными смыслами. В свою очередь сами городские социальные пространства выполняют конструирующую и формирующую функцию по организации системы города.
3. Трансформация городских общественных пространств детерминирована в первую очередь изменениями, происходящими в политической, культурной и социальной сферах общества. Если в XVIII–XIX вв. основными стимулирующими факторами интенсивного развития общественного городского пространства и изменения его роли и функций являлись демократизация общества, уменьшение социальной дифференциации и развитие публичной сферы, то в конце XX – начале XXI вв. их «сокращение» и «клонирование» (Ж. Бодрийяр) обусловлены процессами индивидуализации, атомизации, массовизации, обезличивания и «раскультуривания» современного сетевого общества.
4. Городские общественные пространства формируют новую форму идентификации и новый тип городской идентичности – подвижный, меняющийся. Базовая онтологическая роль городских общественных пространств при этом остается неизменной – они воспроизводят городское сообщество как сообщество свободных людей, поведение и поступки которых не сводимы только лишь к их социальным ролям и функциям.

5. Трансформация городских общественных пространств детерминирована аксиологическими основаниями, репрезентированными сложной, многоуровневой, иерархической системой ценностей: от совокупности материально-духовных ценностей культуры, сконцентрированных в городе, до ценностей и предпочтений горожанина. Аксиологический «сплав», рождающийся в ходе городских практик, является основанием воспроизводства города как уникального целого.
6. Московский опыт трансформации общественных пространств в 2011–2015 гг., существенно изменивший образ столицы, основывался на изменении ценностей («вертикальный» город стал переосмысляться как «горизонтальный», «закрытый» – как «открытый», «город для бизнеса» – как «город для жизни» и т. д.). Ведущая современная стратегия развития городов – это формирование и развитие общественных пространств как средоточия культурной жизни. В московском мегаполисе эта стратегия показала свою жизнеспособность и перспективность и может быть использована при разработке стратегии развития других городов.

Научная новизна исследования обусловлена соединением практического управленческого подхода и философской рефлексии. Теоретическое осмысление базируется на конкретном опыте автора и его команды и в свою очередь служит основой для выработки рекомендаций по методологии культурной политики. В частности, в работе:

1. Доказано положение о том, что в философском дискурсе феномен города и городское общественное пространство всегда анализировались в более широком, аксиологическом, контексте идей о совершенном (идеальном) общественном устройстве.

2. Выявлено, что в XX–XXI вв. феномены города и общественных городских пространств входят в контекст кроссдисциплинарных урбанистических исследований. Городские общественные пространства рассматриваются как конструирующие и формирующие социальные смыслы и атмосферу города и начинают использоваться для решения проблем, стоящих перед городом и обществом.
3. Выделены основные этапы трансформации городских общественных пространств в соответствии с основными движущими факторами: 1 этап – эпоха Античности, Средневековья и Возрождения (общественные пространства выполняют чисто утилитарные или сакральные функции); 2 этап – XVIII – пер. пол. XX вв. – (быстрый рост общественных пространств, изменения их роли и функций: деполитизация, коммуникационные и рекреационные функции); 3 этап – вторая пол. XX – нач. XXI века (тенденция деградации городских общественных пространств, возникновение «не-мест», псевдо-общественные пространства, замещение реального пространства виртуальным и т.д.).
4. Доказано, что онтологическими основаниями эволюции и трансформации социально-культурных практик в городских общественных пространствах являются исторические, социально-экономические и политические процессы, детерминирующие принципы организации городского пространства.
5. Обосновано положение о системообразующей функции городских общественных пространств по формированию специфической подвижной городской идентичности, которая участвует в воспроизводстве городского сообщества как сообщества свободных людей, поведение и поступки которых не сводимы только к их социальным ролям.

6. Обосновано положение о детерминированности трансформаций общественных городских пространств аксиологическими основаниями, формирующими в конечном итоге баланс ценностей, который играет ведущую роль в воспроизводстве города как уникального целого.
7. Использован праксиологический метод – интегрированы основы практического управленческого подхода и философской рефлексии для теоретического осмысления трансформации городских общественных пространств (на примере г. Москвы). Также выявлены причины жизнеспособности стратегии трансформации городских общественных пространств г. Москвы (2011–2015 гг.), существенно изменившей образ столицы: соответствие управленческой политики в этой области изменившимся потребностям и ценностным установкам горожан.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей концептуальной разработки понятия «городское общественное пространство» и расширения тематического поля, связанного с данным феноменом. Помимо этого, результаты и выводы данного исследования могут послужить основой для внедрения отрефлексированного опыта преобразования городских общественных пространств в управленческую деятельность по развитию современных российских городов. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в процессе обучения и практической подготовки студентов и аспирантов специальностей «урбанистика», «социальная философия», «социология», «креативная экономика», «культурология», «менеджмент и городское планирование».

Апробация материалов исследования. Материалы диссертационного исследования были представлены на региональных и международных научно-практических конференциях и «круглых столах», среди которых: «Глазычевские чтения. Городское развитие в регионах: государственные стратегии и управленческие технологии» (РАНХиГС, г. Москва, 17 февраля

2017 г.); «круглый стол» «Культурные рынки современного мегаполиса: как креативные индустрии меняют городские пространства» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 22 ноября 2017 г.); дискуссия «Какими будут Москва и мир в 2035 году?» (МГПУ, г. Москва, 27 марта 2018 г.); XIX международная научно-практическая конференция «Российская наука в современном мире» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 30 декабря 2018 г.).

Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в семи публикациях, в том числе в пяти публикациях в журналах, включенных в перечень ВАК.

Материалы диссертационного исследования использовались в ходе работы в должности заведующего учебно-научной лабораторией «Центр исследований экономики культуры, городского развития и креативных индустрий» Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (с 2015 года по настоящее время).

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения, общий объём – 198 страниц.

Глава 1. Город и общество в социальной философии

1.1. Поиск «идеального города» в социально-философской мысли (от Античности к Новому времени)

Город – одна из древнейших форм социализации человека. Появление городов связано с двумя потребностями человеческих сообществ. Во-первых, потребность обособления и защиты «своих» от «чужих», поэтому древние города, как правило, были обнесены стенами. Во-вторых, потребность коммуникации с внешним миром – ни один город не мог долго существовать изолированно, на собственных ресурсах; чем защищеннее был город и чем успешнее плодились его жители, тем больше еды, пространства и услуг им требовалось. Поэтому приток новых людей, продуктов и товаров становился залогом городской устойчивости и процветания.

На этих двух факторах – частичном обособлении (то есть сохранении своего национального, исторического и культурного лица) и привлечении новых ресурсов – зиждется и динамика жизни современных городов. Из этих же факторов по-прежнему вытекают многие проблемы.

Считается, что самые ранние города появились на Ближнем Востоке в районе Междуречья на рубеже IV–III тысячелетий до н. э., к этому же времени относятся и первые письменные упоминания о правилах строительства городов. Недалеко по времени от них отстоят города Древнего Египта и Северной Индии. В.Л. Глазычев отмечает, что первые упоминания о городах относятся к VIII тыс. до н.э., а идеи градостроительного проектирования и их реализация возникают в IV тыс. до н. э. в Египте и Месопотамии[42].

---

[42] *Глазычев В.* Социально-экологическая интерпретация городской среды [Электронный ресурс]. URL: http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog_1.htm (дата обращения: 20.06.2017).

Несмотря на то, что древние города были невелики по современным стандартам (так, Вавилон, оставшийся в культурной памяти как город смешения языков и народов, занимал площадь всего 8,3 кв. км и в эпоху расцвета имел численность примерно в 15–20 тыс. человек[43]), их возникновение было связано с аккумуляцией ресурсов древних земледельческих культур[44] и развитием новых видов деятельности. Быстрый рост городов всегда приходился на переломные моменты в жизни народов и сопровождался большими социальными трансформациями. Города оказывались некими «электрическими трансформаторами». «Они, – как писал Ф. Бродель, – повышают напряжение, ускоряют обмен, они беспрестанно вершат жизнь людей»[45]. Любые социальные трансформации порождают новые социальные проблемы. Так и возникновение городов, породив, определенные проблемы, стимулировало и социально-философскую мысль искать их решения.

Городские проблемы уже в древности становятся предметом разностороннего осмысления. Однако сегодня сведения о *реальном* функционировании городов мы извлекаем из фольклорных, литературных, исторических, политических, географических, юридических, хозяйственных источников.

Фактически до рубежа XIX–XX веков, до появления научной социологии, основным предметом философской рефлексии было моделирование *идеального города*. Видимо, проектирование наилучшего устройства общества и соответствующих ему форм внешней организации,

---

[43] *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 516.

[44] Отдельные современные урбанисты утверждают, что город и городская жизнь возникли раньше, чем земледельческие общества (см., например: *Трубина Е.Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2013. С. 515). Историческую динамику взаимовлияния деревни и города подробно рассматривает французский историк Фернан Бродель (*Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. Т. 1. М., 1986. С. 514–520).

[45] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. Т. 1. М., 1986. С. 509.

включающих городское пространство, понималось как практическая работа философа, по крайней мере, до конца XVIII века.

Первые размышления об образцовом городском устройстве принадлежат крупнейшим греческим мыслителям – Платону («Государство», «Законы») и Аристотелю («Политика», «Афинская полития»). В классической Греции государство представляло собой город-полис с прилегающими территориями, поэтому фактически теории идеального государства, которые разрабатывали Платон и Аристотель, были теориями идеального города. В Античности это было связано в первую очередь с самим государственным устройством Греции. Город — это город-государство, полис.

Античные представления о социальном бытии, безусловно, отличались от современных. Дело в том, что сам «социум» как таковой еще не был вычленен из политики и этики. Осмысление идеи общества в Древней Греции было тесно связано, во-первых, непосредственно с человеческой деятельностью, во-вторых, с противопоставлением природного и искусственного и, в-третьих, с полисной организацией жизни греков.

В античной культуре понятие «природное» понималось как деятельностное, как выражение человеческой активности, а «искусственное» противопоставлялось «естественному». «Искусственное» - это государство, нравы, язык – все, что возникает как конвенция. Искусственное – это особая реальность, возникшая из человеческой практики. К такому искусственному относился и полис как пространство общественной и личной жизни человека.

По своим размерам и количеству населения греческие полисы были очень разными, но наиболее распространенный тип греческого полиса имел территорию порядка 100–200 кв. км, и население в 5–10 тыс. человек[46]. Каждый греческий полис, независимо от размеров, был сугубо индивидуальным явлением. Полис принято определять как город-

[46] История Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1996. С. 127.

государство, несмотря на то, что на территории полиса имелось несколько сельских поселений, но городской центр был один.

Сам полис понимается Платоном (и греками) как общественное пространство: «Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства»[47].

Современного читателя может удивить, что, например, важным общественным пространством у Платона оказывается казарма, где живет воинское сословие стражей, охраняющих и поддерживающих порядок в городе, – это не техническая деталь, а принципиальный момент общественного устройства: стражи живут сообща, питаются все вместе, а их жены и дети также являются общими, чтобы не возникало внутреннего неравенства и несправедливости внутри сословия. Уравнительное понимание Платоном социальной справедливости не раз подвергалось критике в поздней европейской философии, наиболее развернуто – в работе К. Поппера «Открытое общество и его враги» (1945), где подчеркивается, что принудительное подчинение коллективистскому диктату отнимает у индивида возможность саморазвития[48]. Однако идея демократии в противовес идее царского правления в древневосточных обществах, предполагала, что люди равны между собой: «господство (kratos, archē, dynasteia) не располагается более на вершине социальной лестницы, а помещено в центре (es meson), в середине человеческой группы». Новое социальное пространство ориентировано на центр, но оно в то же время «зависит от тех, кого называют “средними” (oi messoi), так как, находясь на равном от крайностей расстоянии, они составляют фиксированную точку равновесия города»[49]. Идея равенства граждан Аристотелем воплощается в

---

[47] *Платон.* Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 111.
[48] *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги: В 2 т. Т. 1. Чары Платона. М., 1992.
[49] *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. С. 150–151.

теории среднего класса и выделении двух видов равенства – геометрического и арифметического. В теории Платона она принимает крайнюю форму отрицания частной собственности. «По отношению к центру все индивиды и группы занимают симметричное положение. *Агора* образует центр общего для всех пространства. Все, кто сюда попадают, тем самым одинаково определяются как равные (isoi)»[50].

Не случайно Платон в диалогах «Тимей» и «Критий», рассказывая об острове Атлантида, рисует образ идеализированных Афин, какими они были в некоей утраченной праистории: «… До великой катастрофы потопа у нынешних афинян был город, сильнейший в военных делах, но особенно сильный отличным по всем вопросам законодательством. Ему приписывают прекраснейшие дела и прекраснейшее гражданское устройство из всех, какие, по дошедшим до нас слухам, существовали под солнцем»[51]. Диалоги содержат подробное описание центрального города, акрополя, царского дворца и храмов. Однако главной силой Атлантиды было то, что ее цари и жители «… держались истинно и действительно высокого образа мыслей»[52]. На первом месте в описании выходит хорошее, говоря словами древних греков, добродетельное устройство: «взирая на все, кроме добродетели, с пренебрежением»[53]. «Общее дружелюбие» – вот главная черта; атмосфера – одна из главных составляющих идеального города-государства. Когда же греки преисполнились «неправого духа корысти и силы», это привело к тому, что боги уничтожили остров. До сих пор нет достоверного ответа, является ли рассказ об Атлантиде мифом или отголоском реальных событий, но вряд ли можно сомневаться, что Платон использует его как философскую притчу о том, что не богатство и сила обеспечивают истинное процветание полиса. В

---

[50] Там же.
[51] *Платон*. Тимей, или О природе // *Платон*. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2013. С. 975.
[52] Там же. С. 1027.
[53] Там же. С. 1027.

какой-то мере эта история смыкается с ветхозаветным рассказом об уничтожении Содома и Гоморры, но в Библии более заострена идея греха, там весь конфликт лежит в сфере морали – в Содоме не находится даже десяти праведников[54]. Платон более социален, он сосредоточен на вопросах обустройства города-государства, и не случайно в обоих названных диалогах рассказ о катастрофе Атлантиды возникает в контексте разговора об Афинах, их прошлом и настоящем.

«Политика» Аристотеля – также трактат о наилучшем городском (государственном) устройстве. Книга начинается такими знаменательными словами: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся (stokhadzontai) к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим»[55]. Далее Аристотель отмечает, что «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части…. Очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому»[56].

Не обошел вниманием Аристотель и устройство общественных пространств города. Рассуждая о государственных должностях, в ведении которых находятся «благораспорядок и благопристойность», Аристотель пишет: «Первое место среди необходимых забот занимает попечение о

[54] Быт. 18: 23–33.
[55] Аристотель. Политика. М., 1997. С. 35.
[56] Там же. С. 38.

городской площади [выделено нами. – *С.К.*]; для этого должна существовать какая-нибудь власть, наблюдающая за заключением торговых сделок и вообще за благочинием на площади, ведь всем государствам неизбежно приходится для удовлетворения необходимых взаимных нужд иметь дело с куплей и продажей; это служит самым сподручным средством для достижения того самодовления, ради которого люди, очевидно, и объединились в одну гражданскую общину»[57].

Исследователь древнегреческой мысли Ж.-П. Вернан, отвечая на вопрос «Почему же философская мысль зародилась (расцвела) именно в Древней Греции?», сравнивает греческий и восточный город: «Теперь городские постройки больше не группируются вокруг обнесенного укреплениями царского дворца. Центром города отныне становится agora, общее пространство, место общего Очага (Hestia koinē), площадь, где обсуждаются проблемы, представляющие общий интерес»[58]. С возникновением демократического устройства возникает и новое социальное пространство. «С момента, когда город стал ориентироваться на общественную площадь как на центр, он становится *полисом* уже в полном смысле этого слова»[59]. Теперь народные собрания, суды, объявления войны и мира – все происходит в общественном пространстве[60].

И хотя «Афинская полития» Аристотеля – трактат о государственном устройстве Афин с описанием эволюции форм власти на протяжении V–IV веков до н. э., из него можно извлечь ценные сведения об устройстве города, например, о том, как центральная площадь (агора) Афин служила местом принятия важнейших общественных решений. Так, во время Пелопонесской войны граждане города изгнали проспартанскую власть Тридцати Тиранов: «…городское население <…> собралось на следующий день на площадь и

---

[57] *Аристотель*. Политика. Афинская полития. М., 1997. С. 215.
[58] *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. С. 67.
[59] Там же.
[60] Там же. С. 73–74.

низложило власть Тридцати; тут оно избрало десятерых из граждан и дало им неограниченные полномочия для прекращения войны»[61]. Известно, что все важные решения в период демократии принимались именно на городской площади. Послы других городов обязаны были зачитывать свои послания на площади перед общим собранием народа. Демократический принцип устройства полиса требовал внимания к общественным пространствам. И дело не ограничивалось Агорой.

Аристотель описывает работу судов в святилищах под открытым небом, жертвоприношения в честь павших, поминки героев и другие события и ритуалы, совершавшиеся в общественных местах.

В обязанность государственным лицам вменялось поддержание и забота об улицах, источниках, гаванях и даже частных зданиях.

Заметим, что в отечественной традиции изучения античных городов существуют подчас противоположные точки зрения относительно правил и норм организации городских пространств. Так, В.Л. Глазычев, например, полагает, что в античном мире существовали нормы градостроительного проектирования[62]. А В.Д. Блаватский пишет об обратном, утверждая, что, несмотря на компактность проживания, целенаправленного проектирования домов и межевания местности не существовало: «Спецификой античного города была его стихийность, включающая в себя беспорядочную планировку, как, например, жилые кварталы Афин»[63]. Анализируя труды Аристотеля, Г.А. Кошеленко в монографии «Греческий полис на эллинском Востоке» обращает внимание на то, что Аристотель, описывая форму общности, цель жизни общности и свойства индивидов, подчеркивает основное качество – свободу, которая и является основополагающим

---

[61] *Аристотель.* Указ. соч. С. 308.
[62] *Глазычев В.* Социально-экологическая интерпретация городской среды [Электронный ресурс]. URL: http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog_1.htm (дата обращения: 20.06.2017).
[63] *Блаватский В.Д.* Античный город. М., 1963. С. 11.

признаком полиса, а не территорию, имевшую городской центр[64]. Всем известно, какой ценностью для греков обладало это понятие, отличающееся по своей сути от современного понимания свободы.

Заметим, что традиционная и общепринятая трактовка греческих городов как полисов некоторыми исследователями-историками подвергается сомнению и критике. Например, Г.А. Кошеленко предлагает различать понятия «город» и «полис», утверждая, что они «принадлежат к различным таксонометрическим системам»[65]. Он обращается к анализу трудов Геродота и других греческих авторов, которые понимали полис, как «определенный коллектив, определенным образом организованную общность людей»[66]. Некое скопление домов приобретало статус общины, полиса именно в силу наличия законов, которыми регулировалось поведение людей в общности. Об этом размышляла и Х. Арендт: «…У греков законодательство рассматривалось как “стена закона”, как “ограда”, а именно: без закона город считался не общиной, не полисом, а неким скоплением домов».[67] Отметим также, что не все урбанологи связывают понятие города с городским пространством, с территорией. Непохожесть взглядов, позиций, точек зрения различных авторов в трактовке понятий «полис», «античный город» лишний раз убеждает нас в сложности самого феномена античного города и выполняемых им функций.

Идеал образцового политико-экономического устройства города был присущ не только греко-римской, но и древним восточным цивилизациям.

---

[64] *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинском Востоке. М., 1979. С. 6.

[65] *Кошеленко Г.А.* Классики марксизма-ленинизма о двух путях формирования древнегреческой государственности // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города: Материалы методологического семинара кафедры истории древнего мира и средних веков МГПИ им. В.И. Ленина: Сб. науч. трудов. М., 1984. С. 5-10.

[66] *Кошеленко Г.А.* Полис и город: к постановке проблемы // Вестник древней истории. 1980. №1. С. 289.

[67] Цит. по: *Хейфец М.* Ханна Арендт. Условия бытия человека на Земле. М., 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://berkovich-zametki.com/2007/Starina/Nomer2/Heyfec1.htm (Дата обращения: 20.09.2019).

Так, между IV и III веками до н. э. (по альтернативным датировкам – в первых веках н. э.) на санскрите был написан трактат Каутильи «Артхашастра» («Наука политики», «Наука о государственном устройстве»), в котором были систематизированы древнеиндийские представления об образцовом политико-экономическом устройстве. В трактате значительное место отводится вопросам военно-хозяйственной организации крепости – от определения наилучшего места для расположения царского дворца до стойл для скота и т. п.[68] Отдельные разделы описывают обязанности градоначальника (в частности, организацию шпионажа в городской среде), устройство судов, способы защиты города и ведения осады, меры по прекращению вражды между городами и многие другие аспекты городской общественной жизни. Эта мысль о древних городах, функционирующих как крепости, многократно подтверждалась известными исследователями-социологами – К. Марксом, М. Вебером, В. Массоном, Г. Чайлдом и др. При определении того, что такое есть древний город, почти все исследователи подчеркивают, что «город в рассматриваемое время является центром тяготеющей к нему населенной округи: город – центр округи в хозяйственном отношении; город – центр округи в политическом отношении, как средоточие иерархии общинных органов самоуправления и как резиденция государственной администрации; наконец, город – ее центр в идеологическом отношении»[69]. То есть признаки места, защищенность, наличие органов власти и идеология рассматриваются как существенные признаки города.

В христианской философии идея идеального города приобретает теологическое измерение. В Откровении Иоанна Богослова используется образ Вавилона как воплощения языческих пороков для характеристики ложной церкви – «Вавилонской блудницы», а средоточием грехов мира

---

[68] Артхашастра, или Наука политики. М., 1993. С. 60–62.

[69] *Дьяконов И.М.* Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э.: (По материалам Ура) // Древний Восток: Сб. ст. Вып. 1: Города и торговля: III–I тыс. до н. э. Ереван, 1973. С. 31.

выступают города Гог и Магог, на смену которым должен прийти Небесный Иерусалим. Это противопоставление получает развитие в трактате Блаженного Августина «О граде Божьем» (413–427), где град Божий и град земной выступают не как конкретные локусы, а как пронизывающие весь мир метафизические сущности – царство потомков Каина и царство потомков Авеля. Град Божий – это «горний град», в котором «законом служит умная и непреложная воля Божия»[70]. «На этой земле гражданин первого царства выглядит повелителем и господином мира, гражданин небесного града – пилигримом, странником»[71]. Очевидно, что Августин – идеолог: отрицая идею свободной воли и возможность свободного выбора, он использовал символику двух градов для объяснения и оправдания детерминированного социального устройства в период крушения Римской империи. Но само представление о граде Небесном все же было неким отложенным обещанием справедливого воздаяния, когда каждый должен получить место у престола Христова по своим добродетелям или грехам, а не по месту в земной иерархии. Августин пишет: «Так как бессмертные и блаженные существа, обитающие в небесных жилищах и вместе утешающиеся общением со своим Творцом, вечностью Которого они крепки, истиной непоколебимы, дарами святы, любят нас, смертных и злополучных, из милосердия, чтобы мы стали бессмертными и блаженными, то они не желают, конечно, чтобы жертву мы приносили им, а не Тому, Кому вместе с нами и они сами приносят жертву. С ними составляем мы один град Божий, к которому обращены слова псалма: “Славное возвещается о тебе, град Божий!” (Пс. LXXXVI, 3)».[72]

Вплоть до XX века библейская риторика будет использоваться для обличения пороков капиталистического урбанизированного города с его

---

[70] *Августин Аврелий.* О граде Божьем. Кн. 2. Гл. 19. М.; Минск, 2000. С. 84.
[71] Цит. по: *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. II. Средневековье (От Библейского послания до Макиавелли). СПб., 1995. С. 73.
[72] *Августин Аврелий.* О граде Божьем. Кн. 10. Гл. VII. М.; Минск, 2000. С. 457.

контрастами и неприглядной изнанкой (Лондон как город Вавилонской блудницы у Вильяма Блейка, апокалиптические образы цикла «Лазарь» Огюста Барбье, «Господь, большие города обречены небесным карам…» у Р.М. Рильке и т. п.).

Несмотря на библейскую риторику, можно констатировать преемственность с идеями Античности:град – это город-государство, идеальный город – это идеальное государство. Как и в Античности, мыслитель делает акцент на духовной (ментальной, как бы написали в наши дни) составляющей города-государства. Город не воспринимается как просто некая физическая реальность, он – нечто большее.

Однако заметны и различия. Если в античные времена философы уделяли много внимания устройству собственно общественного городского пространства, в средневековье этот вопрос отходит на второй план. Это вполне объяснимо: само общественное пространство средневековых городов сокращается до минимума. Политическое устройство средневековых государств не предполагало ни свобод граждан (да и жители городов так не именовались), ни тем более свободных сборищ и обсуждений общественных вопросов. Агоры и форумы потеряли прежнее назначение, стали застраиваться; широкие улицы сузились и искривились и в целом общественные пространства средневековых городов стали «сворачиваться»[73]. Сама идея рационального устроения городского пространства, идея создания гармоничной городской среды на время забывается.

С ростом городов в Высоком Средневековье (середина XI – конец XIV вв.), появлением крупных монастырских центров и первых университетов связано становление схоластической философии. Городская проблематика не входила в круг ее артикулированных интересов, однако

---

[73] *Шабуров П.В.* Трансформация пространства и ландшафта площадей городов Европы в Средневековье // Архитектура и современные информационные технологии. 2014. №4 (29). [Электронная публикация] URL: https://marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/shaburov/shaburov.pdf

чрезвычайно интересна идея немецко-американского историка и теоретика искусства Эрвина Панофского (1892–1968) о структурном родстве текстов Высокой Схоластики и построек Высокой Готики. В частности, Панофский отмечает, что в это время преодолевается упрощенная дихотомия духовного и тварного, свойственная Библии и Августину, – земные формы (в том числе архитектурные) стремятся выразить высшее, духовное содержание[74].

Эпоха Возрождения как бы «реабилитирует» идею возможности идеального земного города. На стыке философии и художественной литературы появляется жанр утопического романа, цель которого – смоделировать «наилучшее государственное устройство» (можно перевести и как «наилучшее общественное устройство», *optimo rei publicae statu* от *res pulica* «народное дело»), как говорится в заглавии родоначальника этого жанра. «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516) Томаса Мора описывает вымышленное островное государство, название которого образовано от греческого u-topos («место, которого нет»). На нем расположены 54 города: «Кто узнает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии: до такой степени сильно похожи все они друг на друга»[75]. Мало чем выделяется и столица острова – Амаурот (от греческого *amauros* «исчезающий»). В каждом городе по 6 тысяч семей, насчитывающих от 10 до 16 человек. Каждая семья занимается определенным ремеслом (разрешен переход из одной семьи в другую). Для работы в прилегающей к городу сельской местности образуются «деревенские семьи» (от 40 взрослых), в которых житель города обязан проработать не менее двух лет. На острове осуждаются войны, практически ликвидированы преступления; все должности выборные; нет частной собственности, ликвидированы деньги, а золото используется для изготовления ночных горшков.

---

[74] *Панофский Э.* Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004.
[75] *Мор Т.* Утопия // Утопический роман XVI–XVII веков. М., 1971. С. 80.

Для целей нашей работы особый интерес представляет идея обязательного обустройства города садами. Сады функционируют как городские общественные пространства: «Сады они [утопийцы] ценят высоко. Здесь имеются виноград, плоды, травы, цветы; все содержится в таком блестящем виде и так возделано, что нигде не видал я большего плодородия, большего изящества. В этом отношении усердие их разжигается не только самым удовольствием, но и взаимным соревнованием улиц об уходе каждой за своим садом. И, во всяком случае, нелегко можно найти в целом городе что-либо более пригодное для пользы граждан или для удовольствия. Поэтому основатель города ни о чем, по-видимому, не заботился в такой степени, как об этих садах»[76]. Сад – нечто, имеющее не столько практическую функции, сколько эстетическую и коммуникативную. Ведь город – это город для людей. Примерно в это же время, в XVI веке, в Европе, первоначально в Италии, появляются первые городские сады, которые затем будут превращаться в парки. Томас Мор не рассматривал городские площади в качестве значимых объектов общественного пространства, в отличие от садов и парков. Его можно считать пионером-пропагандистом садово-паркового искусства. Занимают его и другие аспекты функционирования городских общественных пространств – организация рынков, расчистка отхожих мест, ширина улиц и расстояние между постройками, устройство больниц и специальных дворцов для коллективных обедов.

Существуют разные точки зрения на историческое место утопических произведений. «Французский социолог Жак Эллюль полагает, что интеллектуалы не способны выработать социально полезный и социально эффективный образ будущего общества. Так, например, утопии Кампанеллы, Томаса Мора или Шарля Фурье не сыграли даже ничтожной роли в развитии исторических событий своего времени. В этих утопиях не содержалось и

[76] Там же. С. 81.

предвидений, которые осуществились бы сегодня»[77]. В то же время «Л. Фирпо[78] не без основания заметил, что “Утопия” одна из немногих книг, о которых можно сказать, что они повлияли на ход истории: “В них человек, измученный насилием несправедливого общества, заявляет протест, который никогда уже не будет заглушен. Первый из бессильных реформаторов, замкнутый в мире чрезмерно глухом и слишком враждебном для того, чтобы выслушать его, он обучал, как вести борьбу тем единственным способом, который остается безоружным людям культуры, которые, обращаясь к будущим векам, набрасывают программу не затем, чтобы призывать к непосредственному действию, но чтобы будоражить сознание. И по сей день блестящие реалисты, которых мир называет словом “утописты”, делают именно то единственное, что им дано: как мореплаватели, потерпевшие кораблекрушение у необитаемого острова, они бросают потомкам сообщение в бутылке”»[79].

Культурное влияние книги Мора было, безусловно, огромным – за ней последовала целая линия утопических романов: «Город Солнца, или Идеальная республика» Томмазо Кампанеллы (1602, опубл. 1623), «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона (1627), «Иной свет, или Комическая история о государствах и империях Луны» и «Государства Солнца» Сирано де Бержерака (1647–1650), «История севарамбов» Дени де Вераса (1675–1679), «Южное открытие, произведенное летающим человеком, или Французский Дедал» Ретифа де Ла Бретонна (1781), «Путешествие в Икарию» Этьена Кабе (1838) и другие, и все авторы этих произведений заслуженно считаются предшественниками теоретического социализма. В этих текстах можно найти по крайней мере элементы социальной инженерии, и, как произведения

---

[77] *Гуревич П.С.* А волны истории плещут… // Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010. С. 7.
[78] *Фирпо Луиджи* (1915–1989) – итальянский историк и политический деятель, публикатор и крупнейший исследователь наследия Томмазо Кампанеллы.
[79] *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. II. Средневековье (От Библейского послания до Макиавелли). СПб., 1995. С. 319.

своего времени, они перекликаются с идеями идеальных городов, которые можно найти на рисунках и чертежах художников и архитекторов, также обогнавших свои эпохи, – Леонардо да Винчи (1452–1519), Этьена Луи Буле (1728–1799), Клода-Никола Леду (1736–1806)[80].

Мы не будем отдельно останавливаться на этих произведениях, отметим еще лишь один момент. Социальные утопии, которые рисовали авторы эпохи Возрождения, не свободны от определенного противоречия – равенство жителей той же Утопии предполагает элемент насилия. Так, в Утопии есть рабство: помимо военнопленных или так называемых добровольных рабов (жителей соседних государств, добровольно ставших рабами утопийцев), в Утопии можно встретить и граждан Утопии, обращенных в рабство за серьезные преступления, например, за оскорбление брачного союза[81]. Именно рабами исполняются «…все работы, требующие несколько большей грязи и труда»[82], чем то, что делают обычные утопийцы. Такие места в текстах – тоже своего рода предвидение, они предвосхищают появление противоположного по смыслу жанра – антиутопии.

Может быть, нагляднее всего это видно на примере описания Телемского аббатства в первой книге романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533). Главный девиз, написанный на воротах аббатства: «Делай, что хочешь». Это одна из самых ярких возрожденческих утопий, в которой, в отличие от книги Мора, фактор «разумного» принуждения как будто отсутствует вообще.

А.Ф. Лосев в книге «Эстетика Возрождения», комментируя ее, задается вопросом: «На какие же средства будет существовать такого рода райское блаженство и кто же будет трудиться?». И сам же отвечает: «На все такого рода вопросы Рабле дает невинный и очень милый ответ: все это попросту содержится за счет государства. Нам представляется, что большей критики и

---

[80] См. об этом: *Рагон М.* Города будущего. М., 1969. С. 34–38.
[81] *Мор Т.* Утопия // Утопический роман XVI–XVII веков. М., 1971. С. 110-113.
[82] Там же. С. 90.

большего издевательства над всем возрожденческим индивидуализмом нельзя себе и представить. И тут уже неважно, сознательно или вполне бессознательно проявлялась у Рабле эта глупая мечта о самоутверждении человеческой личности. Во всяком случае такая утопия не могла быть осуществлена без планомерно проводимой системы рабства. И если этой самокритики возрожденческого индивидуализма сам Рабле не замечал, то тем хуже для него»[83].

Алексей Федорович Лосев, приговоренный в 1930 году к 10 годам лишения свободы и почти потерявший зрение на строительстве Беломорско-Балтийского канала, возможно, даже подумал о том, что Рабле не столько «не замечал», сколько *предвидел*, как в действительности будет устроено «идеальное» общество будущего, но автор «Эстетики Возрождения» не мог об этом написать, когда вышло советское издание его книги.

Внимательное чтение классических утопий глазами человека с опытом XX века вскрывает в них потенциал как будущих антиутопий, так и воплотившихся в практику «идеальных городов». Непредсказуемые или недооцененные стороны реализации прекрасных планов и проектов – явление, с которым нередко приходится сталкиваться и сегодняшнему городскому планировщику.

Социальное проектирование города в эпоху Возрождения носит и непосредственно практический характер. «Десять книг о зодчестве» Леона Баттисты Альберти (1452), первый трактат об архитектуре Нового времени, рисуют идеальный город, рационально спланированный, функциональный и совершенный по форме. На смену беспорядочной планировке средневекового города приходит строгая геометрия – прямоугольная или образующая концентрические круги. В центре располагаются дворцы правителей и административные здания, по окраинам – кварталы

---

[83] *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М., 1998. С. 604.

ремесленников и мелких торговцев. Отделение жилищ бедноты от богатых районов должно предотвратить пагубные последствия возможных народных волнений. Однако Альберти стремится к благоустройству всех частей города и к тому, чтобы общественные учреждения – театры, школы и т. д. – были доступны горожанам любого статуса. «Возрождение отмечено первым подъемом сознательного градостроительства»[84]. При этом старые города частично перестраиваются, а города с геометрической планировкой нередко возводятся на новых, пустых местах, где ничто не может помешать воплощению идеальных форм площадей, улиц и зданий (наиболее последовательной реализацией этих идей станет архитектурный классицизм в XVII–XIX веках, а в России образец такого города – Санкт-Петербург).

Одновременно развиваются вполне прагматические политологические концепции, самая известная из которых – макиавеллизм. Никколо Макиавелли пишет целый комплекс трактатов, посвященных урокам древней истории («Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», 1531), военному делу («О военном искусстве», 1519–1520), вопросам и практическим урокам управления (знаменитый трактат «Государь», ок. 1513, опубл. 1532, более точно «Князь», *«Il Principe»*, поскольку речь идет о правителе итальянского города-государства, и примыкающие к нему: «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны», 1502; «Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеретто Да Фермо, синьора Паоло и герцога Гравина Орсини», 1502, и др.), наконец, объемную историю города, сыгравшего ключевую роль в истории всей эпохи («История Флоренции», 1520–1525). Основой общества Макиавелли полагал борьбу и жестокую конкуренцию между людьми и считал, что политик, защищающий интересы своего социума, не должен обременять себя принципами религии и морали. Как пишут современные историки философии, «произошел

---

[84] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 526.

окончательный разрыв с мировоззрением св. Августина: все помыслы и все творчество Макиавелли увязывались с пафосом Града Человеческого, а не Града Божьего»[85].

В Эпоху Просвещения разные аспекты городской проблематики широко обсуждаются философами – опять же в контексте наилучшего общественного и государственного устройства и в контексте становления публичной культурной жизни. XVIII век – это время бурного развития институтов публичной сферы[86], включающих кофейни, клубы, театры, библиотеки, издательства и редакции журналов и газет и т. п. Обсуждение общественных пространств переходит в практическую сферу. Так, например, в 1734 г. Вольтер публикует «Английские письма», в которых пропагандирует формы публичной жизни в Англии.

Некоторые институты публичной сферы, например, такие, как театр, вызывали бурные споры, неоднозначные оценки. В конце 50-х гг. XVIII в. Между Д'Аламбером и Руссо разгорается полемика после публикации в «Энциклопедии» статьи Д'Аламбера «Женева», где автор говорит, что « …управление Женевы обладает всеми преимуществами демократии без единого ее недостатка», но единственное, в чем он упрекает этот прекрасный город, – в отсутствии театра: «Пребывание в этом городе, которое многие французы из-за отсутствия спектаклей считают унылым, стало бы приятным благодаря благопристойным развлечениям, каким оно является благодаря философии и свободе»[87]; Ж.-Ж. Руссо ответил более чем 100-страничным «Письмом Д'Аламберу о зрелищах», где развивал свой тезис о пагубном

---

[85] *Грицанов А.А., Румянцева Т.Г., Можейко М.А.* Макиавелли // История философии: Энциклопедия. Минск: Книжный Дом, 2002: [Электронный ресурс]: URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/287/МАКИАВЕЛЛИ.

[86] *Хабермас Ю.* Социоструктурная трансформация публичной сферы; Трансформация политической функции публичной сферы // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. М., 2013; *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

[87] *Д'Аламбер Ж.Л.* Женева // Философия в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. М., 1994. С. 231.

влиянии искусства (в его современных формах) на общественные нравы; парадоксальным образом Руссо настаивает на том, что театр – явление асоциальное: «В театр идут, чтобы провести время вместе, но как раз там-то и проводят время врозь: там забывают друзей, соседей, близких, для того чтобы увлечься выдумками, оплакивать несчастия мертвых или осмеивать живых»[88]. До сих пор мы рассматривали специфику осмысления темы города в истории западной философской мысли. Для полноты картины обратимся к некоторым особенностям восприятия городской проблематики в русской философии.

Несмотря на специфику русской философской мысли, основные тенденции осмысления проблемы «город и общество» совпадают с описанными выше подходами в зарубежной философии. В России рост городов начался несколько позже, чем в Западной Европе, что стало одной из причин, почему проблематика города рассматривалась в контексте модернизации и европеизации страны в целом и шире – в контексте идеального (правильного) общества. Открывая для себя Европу, русские интеллектуалы естественно сравнивают русский образ жизни и образ города с образом жизни на Западе. Так, Н.М. Карамзин («Письма русского путешественника») рисует широкую и богатую панораму жизни североевропейских городов от Кёнигсберга до Лондона, а А.Н. Радищев («Путешествие из Петербурга в Москву»), наоборот, описывает русские города. Однако оба автора делают акцент не на территориальном (пространственном) устройстве города, а на атмосфере, господствующей в нем; оба, как и западные мыслители, описывают человеческие качества и оценивают их с точки зрения соответствия добродетели. Корыстолюбие – «мощный побудитель человеческих деяний», по мнению Карамзина[89]. Взгляд просвещенного дворянина, учившегося праву в Лейпцигском

---

[88] *Руссо Ж.-Ж.* Письмо Д'Аламберу о зрелищах // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. в 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 76.

[89] *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 74.

университете, едущего из европеизированной столицы в Москву, на картины отсталости, человеческого торга, рекрутчины, распутства, мздоимства чиновников, конечно, не мог не быть остро критичным. Заботит автора и участь жителей, многие из которых «не для себя работают»[90].

Комментаторы спорят о том, был ли Радищев либеральным реформатором в соответствии с «Проектом в будущее», помещенным в главе «Хотилов», или радикальным революционером, призывающим к крестьянской революции, как восприняла текст Екатерина II, но, видимо, Радищев – главный претендент на звание первого русского социального философа, посмотревшего на реальное русское общество с точки зрения ценности человеческой жизни.

Эта линия размышлений о нравственной составляющей и ее связи с выбором пути будет продолжена П.Я. Чаадаевым и спором славянофилов и западников, определившим принципиальное отношение к вопросам развития российского общества, – должна ли Россия стремиться к модернизации по западному образцу или должна идти своим уникальным путем?

К сожалению, нам не удалось найти какой-либо позитивной и систематической концептуализации славянофильской позиции в отношении того, каким должен быть *русский город* в отличие от западного. Вероятно, славянофилы не выработали своей отдельной модели города, поскольку их положительным ориентиром были крестьянские общины, «…из союза которых могла бы возникнуть свободная Русь»[91]. Уже и к Московскому государству, и к допетровской Руси вождь славянофилов И.С. Аксаков относился критично.

Интерес представляет текст А.И. Кошелева «Поездка русского земледельца в Англию» (1852), в котором он подробно описывает свою поездку на Всемирную выставку в Лондоне 1851 года. Описывает

---

[90] Там же.

[91] *Греков В.Н.* «Московский сборник» И.С. Аксакова в контексте русской культуры // Московский сборник. СПб., 2014. С. 857.

подробнейшим образом, с рисунками, рассказывает о паровых машинах, плугах, боронах, глыбодробительных машинах, сеялках, молотилках и других технических новинках, внедряемых в британское сельское хозяйство, а кроме того, о пароходах, военной технике и т.д. Описание он завершает словами: «Мы водворяем к себе роскошь Запада, его безнравственность, его холодность к религии, его умничанье, а не понимаем, что это лишь больные побеги дерева просвещения»[92]. Несмотря на пример А.И. Кошелева, изучавшего на лондонской выставке новейшие орудия труда, в целом пафос славянофильства был антимодернизационным и антиурбанистским.

Славянофилы одни из первых зафиксировали отрицательные последствия роста городов в искаженной форме, но отметили те ценностные изменения, которые в связи с переходом к капитализму на Западе начались гораздо раньше, чем в России[93].

Для российской философской и социальной мысли городская проблематика фокусируется вокруг вопроса о модернизации и вестернизации всего общества, но оценка необходимости или пагубности этого процесса оказывается противоположной в зависимости от того, на какие ценности ориентируется мыслитель. Приоритет ценностей общины ведет к представлению о городе как об источнике угрозы, разрушающем традиционные (позитивно оцениваемые) общественные устои. Позитивный образ города представители этой позиции не сформировали.

---

[92] *Кошелев А.И.* Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку // Московский сборник. СПб., 2014. С. 172–173.

[93] Видимо, не случайно в послевоенное советское время преемниками этой почвеннической, патриотической традиции считались писатели-«деревенщики», с одной стороны, воспевавшие красоту традиционного уклада русской жизни («Лад» Василия Белова, 1982), с другой, – показавшие трагизм исчезновения старых деревень («Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, 1976), трудности адаптации сельского человека в городе (рассказы и повести Василия Шукшина). В повести В. Распутина «Пожар» (1985) изображен поселок, где выходцы из деревни – положительные герои, а горожане – носители перевернутой трудовой морали, когда увильнуть от работы – достойное дело.

Таким образом, мы видим, что город как феномен – результат сложных исторических, политических, социально-экономических процессов, которые происходили и происходят внутри общества. Философская рефлексия этого феномена и разнообразной городской проблематики со времен Античности и до Нового времени преимущественно стремилась выработать представление о том, каким город «должен быть». Долгое время модели городского устройства представляли собой утопические проекты «идеального города». Все они имплицитно содержали в себе представления о социальной справедливости, гражданских добродетелях, равенстве, другими словами, были аксиологически нагружены. Поэтому город представлялся живым организмом более, чем просто пространственной структурой. Проблематика общественных пространств также была неразрывно связана с нравственностью и добродетелями человека. Практическая направленность этих идеальных моделей стала проявляться лишь в эпоху Просвещения. При этом утопические проекты «идеальных городов» в явном или неявном виде отражали специфику своей исторической формации: будущее образцовое устройство общества не исключало в них элементов неравенства – рабства и крепостничества.

1.2. Город как зеркало социальной модернизации XIX-XX вв.

Развитие капитализма, научно-техническая революция, индустриализация и урбанизация в последней трети XIX века ознаменовали начало новой эпохи, которую называют эпохой модерна (modernity). Маховик прогресса в западных городах, который раскручивался с эпохи Возрождения, привел к самому радикальному разрыву современной жизни с жизнью в традиционных обществах. Круто изменились ритм и мобильность. Если в «до-модерном» мире люди в основных чертах воспроизводили образ жизни

своих отцов и дедов, то теперь граница между поколениями стала разделять два совершенно разных мира.

Именно в это время европейская общественная мысль кристаллизуется в новую науку – *социологию*, изучающую общество, его системы, его функционирование и развитие, социальные институты, закономерности социальных действий и массового поведения людей, а также отношения между личностью и обществом. Не удивительно, что с самого начала город как ключевой социальный институт стал одной из главных тем изучения представителей этой науки.

Соглашаясь с тезисом К.Х. Момджяна о предметном пересечении социальной философии и общей социологии, рождающем феномен «бинарного» философско-социологического познания общества[94], мы считаем нужным сделать хотя бы краткий обзор основных социологических концепций города. Но в силу заявленной проблематики данного исследования («трансформация городских общественных пространств») мы позволим себе ограничиться лишь общей характеристикой ключевых социологических текстов К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Зиммеля и М. Вебера и в дальнейшем не будем останавливаться на теориях Чикагской школы, исследованиях Д. Харви, М. Кастельса и ряда других современных авторов. Нам представляется, что это более специализированная и очень объемная область городских штудий, и такая работа качественно сделана самими социологами, в частности, это глава «Современный урбанизм» в образцовом учебнике Энтони Гидденса «Социология»[95], кроме того, такая работа блестяще проделана отечественными урбанистами – Г.В. Горновой, Е.Г. Кривых С.В. Пироговым, Е.Г. Трубиной, О.Ф. Филимоновой, И.В. Бабаян и др. [96]

---

[94] *Момджян К.Х.* Введение в социальную философию. М., 1997. С. 111.
[95] *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 516–542.
[96] См.: *Горнова Г.В.* Философия города. М., 2014; *Горнова Г.В.* Антиномичность культуры // Вестник Омского государственного педагогического университета.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса тематика городского развития занимала внушительное место – указатель к их Полному собранию сочинений содержит свыше 350 референций к слову «город», а также более 100 референций к понятию «город в Германии». Основоположники исторического материализма писали об истории, экономических процессах и социальных движениях. «Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности», – писал К. Маркс в «Капитале»[97]. Актуальность этой мысли особенно очевидна в третьем тысячелетии, в середине которого, по прогнозам, в городах будет проживать две трети населения планеты[98]. Е. Трубина полагает, что по тем временам новаторская работа Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845), материал для которой автор собирал непосредственно в Лондоне, Дублине и десятке других городов и районов страны, «…делает его предтечей и городской антропологии, и социальной географии»[99].

Первые монографические работы непосредственно по социологии города относятся к началу XX века – это эссе «Большие города и духовное развитие» Георга Зиммеля (1903) и «Город» Макса Вебера (1921).

Гуманитарные исследования. 2014. №3(4); *Горнова Г.В.* Понятие «город» в аспекте философии культуры // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2013. №1(1); *Pirogov S.V., Kashpur V.V.* Differences between social engineering and socio-cultural design // The european proceedings of social & behavioural sciences international conference. national research tomsk polytechnic university, 2017; *Пирогов С.В., Петухов А.С.* Феноменолого-когнитивная концепция города и ее теоретические экстраполяции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 3А; *Бабаян И.В., Пашинина Е.И.* Городские аллюзии: режимы видимости в общественном пространстве города // Урбанистика: опыт исследований, современные практики, стратегия развития городов. М., 2017; *Филимонова О.Ф.* Публичное пространство города. Саратов, 2017; *Филимонова О.Ф.* Зодчие утопического: «город без имени» В.Ф. Одоевского // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: философия. психология, педагогика. 2017. Т. 17. №2.

[97] *Маркс К.* Капитал / Пер. с нем. В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 365.

[98] World Urbanization Prospects. The 2014 Revision. New York, 2015. P. 7–8.

[99] *Трубина Е.Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2013. С. 223.

В центре внимания Зиммеля – становление городского типа личности. Городская жизнь подвергает жителя интенсивному воздействию образов и впечатлений, как форма защиты у него вырабатываются пресыщенность, скептицизм и незаинтересованность. Объем внешнего давления таков, что «…в зданиях и учебных заведениях, в чудесах и комфорте техники, в формах общественной жизни и внешних государственных институтах сказывается такая подавляющая масса кристаллизованного, обезличенного духа, что перед ним личность, можно сказать, совсем бессильна». Жизнь для нее становится, с одной стороны, бесконечно легкой, человек как будто плывет в потоке, с другой стороны, именно эта ситуация порождает сопротивление, направленное на «спасение личности», на сохранение ее своеобразия и особенности[100]. Функция города определяется исследователем как «давать место для спора и попыток к слиянию обоих[функций]»[101]. С его точки зрения, мы не можем одобрять или критиковать происходящее, «наша задача не обвинять и не оправдывать, но понимать» [102].

Сравнительно-историческое исследование Вебера – вероятно, самый тщательный опыт раскрытия самого понятия «город». Автор последовательно рассматривает его в разных срезах – правовом, экономическом, социальном, политическом, военном, историко-географическом. Отдельная глава посвящена «Западному городу»: развитие средневекового города к северу от Альп «…носит идеально-типический характер во всей его чистоте»[103], следующие главы посвящены различным типам городов древности и Средневековья по форме их управления и политико-административных институтов. Существенным признаком города является тот факт, что город есть «рыночное поселение» (Marktansiedelung). Но это лишь экономическая сторона. Важно еще и другое: город – сложный

---

[100] *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 33–34.
[101] Там же.
[102] Там же.
[103] *Вебер М.* Город // *Вебер М.* Избранное: Образ общества. М.; СПб., 2012. С. 345.

комплекс явлений, живой организм, конкретно-историческое образование, которое надо рассматривать во всей сложности и многообразии. М. Вебер рассматривает целый ряд признаков, характеризующих город, помимо торгово-промышленного его характера, это и укрепления, и рынок, и собственный суд, и право объединения бюргеров, и специфический характер корпоративности и связанная с ним автономия и автокефалия и некоторые другие. Конечно, не все признаки были обязательно присущи всем городам, так, восточные города не были автономными общинами и корпорациями в силу родоплеменного устройства общества. Поэтому М. Вебер отмечал, что город в хозяйственном смысле надо отличать от города в административно-политическом смысле. Происхождение города, по М. Веберу, надо представлять себе как сложный процесс, в котором все признаки существуют и сливаются не последовательно и постепенно, а одновременно – и экономические, и военно-политические.

В истории социальной философии заметный след оставила вышедшая в 1918 году книга Освальда Шпенглера «Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории» (*«Der Untergang des Abendlandes»,* другой перевод названия – «Закат Западного мира»), которая произвела сенсацию на фоне последствий Первой мировой войны. Автор отказывается рассматривать мировую историю как единый линейный процесс и выделяет несколько типов культур, каждая из которых переживает в своем развитии фазы становления, подъема и упадка. Фаза упадка связана с превращением культуры в цивилизацию, то есть с очерствением и окостенением всех институтов – языка, государства, сфер духовной жизни. Европейскую культуру Шпенглер назвал фаустовской, ее движущие силы – познание, изобретение и своеволие, а триумф науки и техники в XIX веке – это ее закат. Культура теснейшим образом связана с образованием городов, но интенсивная урбанизация – один из главных признаков цивилизации.

Глава «Душа города» из II тома книги звучит как подлинный гимн городу. Становление города – естественный процесс, пока он не переходит определенную грань и не превращается в *большой город*, в котором теряется его *душа*. «Факт, что все великие культуры – культуры городские, является абсолютно определяющим и в полном своем значении так и не оценен. Высший человек второго периода – градопостроящее животное. Вот подлинный критерий “всемирной истории”, четко выделяющий ее из истории человечества вообще: всемирная история – это история городского человека. Народы, государства, политика и религия, все искусства, все науки покоятся на единственном прафеномене человеческого существования, на городе» [104].

Для целей нашего исследования особое значение имеет и мысль М. Вебера о том, что город – сложный живой организм, и четкая постановка Шпенглером проблемы души города, рождение которой он описывает как «подлинное чудо»: «Из стоящих друг подле друга деревенских усадеб, у каждой из которых – своя собственная история, возникает единое целое. И это целое живет, дышит, растет, обретает облик, внутреннюю форму и историю. Начиная с этого момента не только отдельный дом, собор или дворец, но также и образ самого города представляет собой предметное единство языка форм и истории стиля, которое присутствует во всем жизненном течении культуры»[105].

Шпенглер отмечает, что развитие города имеет тенденцию превращаться в самоцель, теряется всякая связь с почвой, с крестьянским домом, здания устремляются в небо, это уже не «органический рост» (Шпенглер), а неорганическое нагромождение атомизированных ячеек. «Именно теперь и возникают эти искусственные, математические, абсолютно чуждые земле образования, порожденные чисто духовной радостью от целесообразного, – города, градостроителей, которые во всех цивилизациях

---

[104] *Шпенглер О.* Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 92-93.
[105] Там же.

стремятся к одному и тому же – к виду шахматной доски, символу обездушенности»[106].

Шпенглеровские образы, в которых он описывает вырождение городской фаустовской цивилизации, наверняка пришлись бы по душе многим славянофилам. Русской культуре автор «Заката Европы» посвятил небольшой фрагмент главы «Исторические псевдоморфозы», в котором успел отреагировать на свершившуюся революцию. *Псевдоморфозами* он называет «…случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. <…> Колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издалека силе»[107]. Петровская Русь – такой характерный псевдоморфоз, когда самобытная русско-сибирская, еще молодая культура пошла по «чужому» пути. Большевики же «…не есть народ, ни даже его часть. Они низший слой “общества”, чуждый, западный, как и оно, однако им не признанный и потому полный низменной ненависти. Все это от крупных городов, от цивилизации – социально-политический момент, прогресс, интеллигенция, вся русская литература, вначале грезившая о свободах и улучшениях в духе романтическом, а затем – политико-экономическом»[108].

Освальда Шпенглера называют представителем консервативно-националистского направления. Славянофильство также рассматривается рядом ученых как национальная разновидность европейского консервативного романтизма[109]. Суть консервативного национализма в том,

---

[106] Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 103.
[107] Там же. С. 193.
[108] Там же. С. 201.
[109] *Маслин М.А.* Анджей Валицкий. Интеллектуальный портрет польского историка русской философии // Гуманитарные науки. 2012. № 4(8). С. 91–92.

что это реакция обществ и государств с более запаздывающим развитием на вызовы модернизации, на факт существования мировой экономической, политической, технологической и в какой-то мере культурной конкуренции. Логика немецкого философа и логика русских мыслителей, считающих технологический путь развития западных стран не переносимым на другие страны, общества, культуры, закономерным образом сходятся. Как мы увидим дальше, эта дискуссия и сегодня с повестки дня не снята, и для нее появляются даже новые основания.

Наука всегда оперирует «идеальными типами» (М. Вебер) – это конструкты, вбирающие в себя основные, существенные черты реального феномена. Понятие «город» как раз являет собой пример такого идеального типа. За абстрактным понятием всегда стоит конкретный, реальный, многоаспектный и сложный объект. В этом методологическая сложность, возникающая при изучении таких феноменов. Город вбирает в себя и переплавляет утопические проекты и философские идеи, практики градостроения, управления, социальные процессы и движения, культуру и искусство, образование, отдых и досуг и пр. Эта его особенность детерминирует специфику методологического подхода к изучению города – кроссдисциплинарность. Проблемы современного города рассматриваются в рамках всего спектра социально-гуманитарного знания, а также – в архитектурно-строительной сфере, сфере логистики и транспорта. Город как системный и полифункциональный объект исследования, наполненный множеством смыслов, заставляет любого исследователя подниматься до уровня философских обобщений. В качестве примера приведем книгу историка архитектуры В. Паперного, посвященную советскому градостроению и архитектуре – «Культура Два». В ней показана эволюция проектирования пространства в советский период в целом и связь смены пространственных парадигм с идеей ценностей. Условно говоря, «культура

один» выражает идею равенства и проявляется в горизонтальности, конструктивности, как бы «растекании» объектов (в том числе городов) в пространстве, «культура два» выражает идею сталинской империи и проявляется в вертикальных формах, иерархии, субординации и «центростремительности».

В конструировании и созидании городов и городского пространства активно участвовали не только идеи, но и социально-политические процессы, получившие отражение в философско-литературном творчестве и публицистике. На наш взгляд, ярким примером синкретического подхода к проблеме города и общества является творчество А. Зиновьева. В книге «Логическая социология» он описывает «логику» и идеологию советского градостроительства. Автор исходит из противопоставления двух типов эффективности: «В капиталистическом обществе доминирует экономический подход к производственной деятельности людей, в коммунистическом – социальный. Они не совпадают. Коммунизм имеет более высокую степень социальной эффективности сравнительно с капитализмом, но более низкую степень экономической эффективности. Социальная эффективность экономики характеризуется многими факторами. Среди них – способность существовать без безработицы и без ликвидации экономически нерентабельных предприятий, сравнительно легкие условия труда, способность ограничивать и вообще не допускать избыточные предприятия и сферы производства, не являющиеся абсолютно необходимыми, способность сосредоточивать большие средства и силы на решении исторически важной задачи, милитаризация страны и другие»[110]. Заметим, сетка городов в СССР проектировалась, исходя из социальной эффективности в стране, в целом изолированной от мировой экономики (разделение труда на уровне стран действовало главным образом в рамках Варшавского договора), главным

---

[110] *Зиновьев А.А.* Логическая социология. М., 2002. С. 225–226.

было освоение территорий, равномерное распределение населения и формирование однородной структуры общества.

Американские советологи Фиона Хилл и Клиффорд Гэдди, оценивая модернизацию Советской России, также приходят к выводу, что с точки зрения *рыночной* эффективности ресурсы распределялись неэффективно. По их мнению, «коммунисты размещали фабрики, оборудование и людей в неправильных местах», ущерб усугублялся размерами страны, позволявшей совершать не просто ошибки, а большие ошибки[111]. Речь идет о том, что в СССР появились десятки городов, некоторые с миллионным населением, в местах с низкими среднегодовыми температурами. В аналогичных местах в Канаде, США, Скандинавских странах люди практически не живут; если там ведутся какие-либо разработки, туда приезжают в летнее время сезонные рабочие.[112] Все, кто писал о проблемах городов в XX веке, отмечали, что так называемая модернизация приводит в конечном итоге к дискомфорту самих горожан, делая города все меньше пригодными для проживания. Эти идеи можно найти как в научных трудах, так и в литературном творчестве.

Если философская мысль Нового времени выразила свои идеи об идеальном обществе, идеальном государстве, идеальном городе в жанре утопии, то в XX веке писатели, внимательно наблюдавшие за тем, что происходит и в Советской России, и на самом Западе, воплотили свои тревоги в *антиутопии* – жанре-перевертыше, изображающем города и общество будущего, которому лучше бы не наступать. Классические образцы этого жанра – «Мы» Евгения Замятина (1920), «О дивный новый мир!» Олдоса Хаксли (1932), «1984» Джорджа Оруэлла (1948), «Котлован» Андрея

---

[111] *Hill F., Gaddy C.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington: The Brookings Institution Press, 2003 [Электронный ресурс]: URL: http://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctt127wsp (дата обращения: 29.11.2017).

[112] Не секрет, что значительную часть этих «городов будущего» строили заключенные ГУЛАГа. В этом контексте вспоминается и армия обслуживающего персонала, живущего вокруг Телемского аббатства, описанного в романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Платонова (1930) и целый ряд других произведений. Антиутопии аккумулируют негативные черты и коммунистической, и капиталистической систем, моделируя худшие последствия как различных проектов «идеального» обустройства мира, так и эмпирически наблюдаемых тенденций его развития.

В 1997 году вышла в свет очень своеобразная антиутопия, которую вряд ли можно отнести к художественной литературе, но ее вполне уместно рассматривать в контексте социальной философии. Ее автор – уже упоминавшийся нами российский философ, – Александр Зиновьев. Написанный в жанре «социального романа», но с чертами, характерными для аналитических работ Зиновьева, «Глобальный человейник» сочетает в себе художественный вымысел с детальным описанием моделей – «коммунизм как реальность», «Запад» и других. Глобальный человейник – это описание деградации общества, у членов которого атрофированы индивидуальные интересы. Выполнение функций в целом стало настолько механизированным и бюрократизированным, что человек превратился в пассивного потребителя, только имитирующего какую-то активность.

В книге представлена картина пороков технологической цивилизации. Главный из этих пороков – претензия на безальтернативность: утратив противостоящую социальную модель, которой являлся коммунизм, западный тип социального устройства стал глобальным. Этот социум устроен, как иерархическая пирамида: вверху находятся западные (североамериканские и европейские) элиты, управляющие своим массовидным населением, не имеющим собственной воли, но потребляющим значительную долю мировых материальных благ. Остальные сообщества устроены аналогично, но только их доли в распределении материальных благ значительно меньше. Пирамида управляется с помощью громадного, сложно иерархизированного слоя чиновников. Управление малоэффективно, так как обратной связи фактически нет. Автор отмечает, что в этом обществе все роботизировано и

компьютеризировано, в том числе и образование. Человеческие контакты между педагогом и учеником, между учеником и другими учениками из образования вообще исключены. Мы не случайно обратили внимание и на этот момент, опасаясь за судьбу и будущее нашего образования.

Но нас более всего интересует, как же А. Зиновьев смоделировал мегаполис такого общества. Гигантский город Запад-Сити «…был задуман как воплощение всех высших достижений западной цивилизации. И на самом деле получилось чудо. Только чудо в духе нашего времени <…> эффектное с точки зрения рекламы, альбомов, фильмов, празднеств и туризма, но неудобное для повседневной жизни и работы рядовых граждан»[113]. Это – «город напоказ», в нем как бы забыли о живом человеке и его реальных потребностях. Зиновьев так описывает городское общественное пространство: «Хотя во всем городе нет двух помещений, сделанных одинаково, их различия становятся столь же неприметными для обитателей и посетителей, как и внешний вид зданий, улиц, площадей, парков и садов. То же самое имеет место в отношении всех элементов нашей жизни – одежды, пищи, развлечений, слов и мыслей. Когда-то (думаю, во второй половине XX века) началось безудержное и тотальное нарушение меры, которое стало нормой нашей необычайно яркой и разнообразной на первый взгляд, но удручающе серой и однообразной по существу жизни»[114]. И далее – «Сохранилось немного мест, пригодных для отдыха. Но они предназначаются для особо важных лиц или стоят настолько дорого, что только высшие 5 процентов способны ими пользоваться», при этом 80% населения планеты «…живут в естественной, но навечно отравленной природной среде»[115]. А. Зиновьев как философ соотносит организацию городского пространства с формированием соответствующего образа жителя этого города, у которого сохранились внешние индивидуальные черты, но

---

[113] *Зиновьев А.* Глобальный человейник. М., 1997. С. 96–97.
[114] Там же. С. 98–99.
[115] Там же. С. 99.

полностью утратилась неповторимость личности. Автор пишет: «Это – безукоризненные, словно вышедшие из голливудских фильмов, журналов и рекламы западоиды, изготовленные согласно новейшим учениям об образцовом человеке высшего уровня развития мировой цивилизации. Хотя они имеют различный возраст и пол, хотя они различно одеты, хотя у них различные глаза и носы, хотя они произносят различные слова и различными голосами, эти различия остаются незаметными, скрытыми за какой-то незримой оболочкой, делающей всех их стандартно одинаковыми. Можно сказать, что жители Запад-Сити индивидуализированы, но стандартными обезличивающими методами»[116]. Деградация подлинных социальных отношений приводит к тому, что сама жизнь в верхней, наиболее «счастливой», части Глобального человейника оказывается полной имитацией. Вывод автора абсолютно пессимистичен – «Остался один путь спасения человека и вообще жизни на нашей планете – разрушение всей нашей цивилизации. Возможно ли это? Скорее всего это делается само собой. Девять десятых человечества ждет лишь подходящий момент, чтобы наброситься на нас, разрушить все, что можно разрушить, и разграбить все, что можно разграбить. Мы же, западоиды, помогаем им, доводя до абсурда все достижения нашей цивилизации и все наши успехи. <…> Когда внутреннее ослабление З<апада->С<ити> за счет вымирания западоидов и ослабления западоидости в живых достигнет критической точки, внешние силы разрушат нашу цивилизацию подобно тому, как это случилось с Римской империей»[117].

Можно по-разному относиться к такой модели современного общества, но вряд ли кто-то оспорит, что в ней обобщен и доведен до гротеска ряд объективных тенденций развития мира не только XX, но и XXI века. Кроме того, столь пристальный взгляд на модель или образ современного общества

---

[116] *Зиновьев А.А.* Глобальный человейник. М., 1997. С. 101–102.
[117] Там же. С. 454.

нам необходим потому, что оно (современное общество) как в зеркале отражается в современном городе и конструирует публичное городское пространство. А. Зиновьев полемически обозначил те крайности, до которых может дойти мир, избравший основной моделью своего развития превращение общества в огромную техническую машину по производству и потреблению материальных благ. Конечно, А. Зиновьев сгустил политические краски, обрисовав современный мир как мир окончательно победившего «западнизма». Политическая карта мира по-прежнему многосубъектна и достаточно сложна. Свои политические, экономические, социальные и культурные различия демонстрируют и Китай, и Япония, и страны Юго-Восточной Азии, и страны исламского мира, и Россия, и другие страны с вполне самостоятельным цивилизационным «лицом». Да и США, и Европа никак не сливаются в нечто единообразное, а остаются сложными политическими структурами с непростой внутренней динамикой. Э. Гидденс полагал, что «нет реальных указаний на то, что в ближайшем будущем может установиться политический консенсус, который пересилил бы противостояние интересов отдельных государств. В конце концов мировое правительство может возникнуть, но если это и произойдет, то только в результате долгого процесса преобразований»[118].

Все же есть то, что свойственно разным политическим режимам – стремление к концентрации управления, огромный бюрократический аппарат, практически отсутствующая обратная связь и такая работа СМИ, при которой правда и ложь практически неразличимы.

Примерно такое же видение ситуации предлагается в книге французского антрополога Марка Оже «Не-места: Введение в антропологию гипермодерна», оригинал которой был опубликован в 1992 году, а русский

---

[118] *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 513.

перевод вышел в 2017-м[119]. Тот факт, что проблемами города во второй половине XX века заинтересовались и социальные антропологи, лишний раз подчеркивает актуальность кроссдисциплинарного подхода к его изучению.

Многие проблемы современного города, которые описывает М. Оже, похожи на те, что поднимаются А.А. Зиновьевым. Но общий вывод французского исследователя совсем другой. В центре внимания автора те же процессы – стандартизация, гомогенизация и анонимизация многих сторон индивидуальной, социальной и культурной жизни современного общества, кристаллизованные в жизни большого города. Ключевой характеристикой гипермодерна, по Оже, является *избыточность*. Речь идет и об избытке событий – история уплотнилась, и об избытке информации, и об избытке политических скандалов, экономических кризисов, технических инноваций и других событий «большой Истории», сменяющих друг друга быстрее, чем мы успеваем осознать их смысл.

Существенной чертой современности, по мнению Оже, является ускоренное освоение пространства. Благодаря средствам массовой информации, книгам, кино и другим источникам человек может «дотянуться взглядом» практически до любой точки земного шара, не говоря о прогрессирующем освоении космоса. Этот избыточный объем пространственного знания тоже очень слабо «переваривается» сознанием. Автор делает любопытное замечание: «Мир гипермодерна не совпадает с тем, в котором мы, по нашему мнению, живем: на самом деле мы живем в мире, смотреть на который мы еще не научились»[120]. Наконец, еще одна

---

[119] *Augé M.* Non-Lieux: Introduction à une anthropologie de la surmodernité. Paris: Le Seuil, 1992. 155 p. (La Librairie du XXe siècle); рус. пер.: *Оже М.* Не-места: Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Во французском тексте использовано название *surmodernité* (над-модерн или над-модерность) – на английский его переводят как *supermodernity*; в какой степени его можно считать синонимичным и взаимозаменимым с понятием *«гипермодерн»* (hypermodern, hypermodernity), которым пользуется один из ведущих теоретиков этого направления, французский философ Жиль Липовецки, на это пока нет устоявшегося ответа.

[120] *Оже М.* Не-места: Введение в антропологию гипермодерна. М., 2017. С. 42.

черта избыточности – это избыточность идей («индивидуализация референций» – Оже). Это бесконечное многообразие представлений и их источников, а также интерпретаций, с помощью которых отдельный человек осмысляет окружающий мир. Но констатация этого факта не настраивает автора на пессимизм и релятивизм, он лишь отмечает, что «…нужно уделять внимание и фактам единичности: единичности объектов, уникальности групп или принадлежностей, всевозможным индивидуальностям, составляющим парадоксальный противовес процедурам включения в систему отношений, ускорения и делокализации, быстро сводящейся к “гомогенизации культуры” или “всемирной культуре” (и описываемым именно так)»[121]. Марк Оже не оперирует терминами «общественное пространство», «социальное пространство», но, описывая феномен избыточности, он предлагает онтологический взгляд на пространство. Но в концепции «мест» – «не-мест» фактически описывается феномен городского общественного пространства.

Марк Оже отмечает, что мир превращается для человека в динамическое единство «мест» и «не-мест». «Место» – это то, что наполнено историческим и символическим смыслом, личными ассоциациями и контекстами. «Если место может быть определено как создающее идентичность, формирующее связи и имеющее отношение к истории, то пространство, не определимое ни через идентичность, ни через связи, ни через историю, является не-местом»[122]. «Не-места» – регрессия места к чистой функции: «Мир, в который мы приходим в роддоме и из которого уходим в больнице, в котором множатся – в роскошном или, напротив, бесчеловечном обличье – пункты временного пребывания и промежуточного времяпровождения (сетевые гостиницы и сквоты, санатории и лагеря беженцев, трущобы, обреченные на снос или на длительное постепенное разложение), в котором развивается густая сеть транспортных средств, также

---

[121] *Оже М.* Не-места: Введение в антропологию гипермодерна. М., 2017. С. 46.
[122] Там же. С. 84.

оказывающихся обитаемыми пространствами, где привычность супермаркетов, платежных терминалов и кредитных карт приводит к безмолвной анонимности торговых транзакций, мир, уготованный для одиночества индивидуальности, транзитного движения, временности и эфемерности…»[123]. Нам представляется интересным сплав в творчестве М. Оже экзистенциальных мотивов и структуралистской методологии. Оже считает, что даже многие исторические места, насыщенные памятниками, бурно рекламируемые и призывающие туристов, остаются «не-местами» для тех, кто проезжает мимо них на работу, на рынок, на пляж или еще куда-то. «Место и не-место скорее являются зыбкими полярностями: первое никогда не исчезнет, а второе никогда не осуществляется полностью; вместе они представляют собой палимпсест, на котором беспрестанно заново пишутся спутанные партии идентичности и взаимосвязи»[124].

Для нашего исследования городских общественных пространств мысль о том, что роль «не-мест» в мире гипермодерна – системообразующая, очень важна. Если использовать компьютерную аналогию, это своего рода пространственный интерфейс: он по сути обезличен, но удобен, чтобы обеспечивать человеку продвижение к *месту*-цели или просто серфинг, во время которого может осуществляться выбор, куда двигаться. Движение здесь преобладает над состоянием.

В этой системе обезличен и сам человек – сведен к набору формальных идентификаторов (билет, паспорт, кредитная карта, водительские права и т. п.), но все эти предметы необходимы, чтобы устранить или насколько возможно смягчить *социальное трение*. Вспомним, что А. Зиновьев в книге «Коммунизм как реальность»[125] также отмечал, что в советской жизни «коммунальные отношения» занимали огромную часть времени, жизни и человеческой энергии. Мы так же, как и Оже, полагаем, что анонимизация

---

[123] *Оже М.* Не-места: Введение в антропологию гипермодерна. М., 2017. С. 85.
[124] Там же. С. 85–86.
[125] *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994.

современного человека является лишь частичной, она гасит *избыточность внешнего давления* на человека, но не препятствует тому, чтобы он реализовал себя там, где хочет реализовать.

Георг Зиммель в эссе «Большие города и духовная жизнь» (1903) также отмечал, что городское окружение бомбардирует жителя тысячью противоречивых стимулов. Е. Трубина полагает, что «бесчувственное равнодушие» (Зиммель) есть ни что иное, как особое культурное приспособление, с помощью которого индивиды защищают себя. Оно обусловлено постулируемой Зиммелем неспособностью взаимодействовать каждый день с обилием людей. «Эмоциональная энергия слишком легко и напрасно бы исчерпалась, захоти городские обитатели близко к сердцу принимать многочисленные контакты, на которые их обрекает город. Гораздо более психологически экономны игнорирование окружающих, избегание контакта с ними, культивирование антипатии к другим, сочетающейся с враждебностью: преобладает “конкретное деловое отношение к людям и вещам, при котором нередко формальная справедливость сочетается с беспощадной жестокостью”»[126].

Но нам кажется, что все-таки особой опасности эта ситуация не представляет. Многое при ее анализе зависит от дискурса. То, что в начале XX века было предметом тревоги, в конце его, при экспоненциальном росте социального давления в современном городе, обращается в отлаженную машину сервисов. И то, что *не-мест* в городе намного больше, чем мест, а *не-лиц* больше, чем лиц, *не-объектов* больше, чем объектов, – это может быть необходимым условием *свободы выбора* и мест, и лиц, и объектов. Так что, может быть, не все так плохо, как представлялось социологам-урбанистам начала XX века. Философские интерпретации как перспектив, так и последствий городской модернизации XIX–XX вв. (а в 1990-х–2000-х годах речь идет уже о гипермодернизации) разнообразны и нередко

[126] *Трубина Е.Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2013. С. 50.

полемичны по отношению друг к другу. Предметом дискуссий выступают явления, сопутствующие росту и модернизации города: массовизация, стандартизация, манипулирование человеком и обществом, превращение человека в машину потребления, избыточное товарное и информационное давление, социальная апатия и социальная агрессия и т. п. Сложность – одна из главных черт жизни современного человека в современном мегаполисе. Объясняющие теории тоже стали сложными и не сводятся к ранее привычным дихотомиям (Запад – Восток, капитализм – коммунизм, индивидуализм – коллективизм и т. п.).

Давление на исследователя количества факторов, которые необходимо осмыслять, многократно усугубляется скоростью изменений, динамизацией всех жизненных процессов в городе. Более того, некоторые исследователи даже ставят вопрос: «А есть ли такой объект как город?». Например, С.В. Пирогов пишет: «Не подвергая сомнению факт существования материальных и социальных структур города, обращаем внимание на третий модус реальности города – реальности представлений о городе. Эта реальность неотделима от осознания и переживания городской среды и не существует вне процесса отношения к ней. Многочисленные попытки дать только объективно-научное и окончательное определение «городу» приводят к выводу, что оно не существует». Города как такового нет, его можно представить, лишь сконструировав, основываясь на рефлексии градостроителя, жителя города, его гостей[127]. Это ставит совершенно новые проблемы как перед учеными, так и перед городскими управленцами всех уровней. Подчас решения им приходится принимать в очень сложных и быстро меняющихся условиях, взаимодействуя с огромным количеством людей и социальных групп – носителями своих интересов и ценностей. При этом управленец должен не просто реагировать и действовать, а еще и

[127] *Пирогов С.В.* Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 34.

планировать развитие города. В таких обстоятельствах грамотный управленец не может обойтись без теоретической социально-философской подготовки: приходится не только совершать теоретические экскурсы в историю формирования и развития городов, но задумываться над смыслом и содержанием понятий, входящих во все расширяющееся семантическое поле концепта «город».

Итак, в XIX–XX вв. город становится объектом исследования не только философского, но и социологического знания. Поскольку город конца XIX – XX вв. – феномен многогранный, динамичный, полифункциональный, то он становится предметом изучения множества других наук (от лингвистики до социальной антропологии), и постепенно формируется кроссдисциплинарный подход к его изучению.

Как и в прошлые эпохи, феномен города представляется исследователям уникальным живым организмом, обладающим душой (О. Шпенглер). Город как зеркало отражает все значимые социальные процессы: революции, восстания, экономические подъемы и спады, культурные изменения и т. д. Модернизация и ее последствия – стандартизация, формализация, гомогенизация, анонимизация многих сторон индивидуальной, социальной и культурной жизни современного общества отразились в жизни большого города. Постепенное превращение городов в мегаполисы кардинально меняет душу города, делая его (город) «бесчувственно равнодушным» (Г. Зиммель). В исследованиях городской проблематики появляется тема общественного городского пространства.

1.3. Город и общество в XXI веке: актуализация общественных пространств

Ситуация третьего тысячелетия подтверждает констатацию Марка Оже: избыточность и скорость событий подчас опережает их осмысление.

Не только мегаполисы, но и средние, и малые города развиваются очень быстро, новые ситуации, конфликты и проблемы требуют оперативных и при этом ответственных решений. Как уже отмечено выше, городскому управленцу тоже волей-неволей приходится занимать позицию философа – готовых рецептов недостаточно, нужно прогнозировать развитие города и последствия принятых решений, нужно делать правильный ценностный выбор, а для этого необходимо научиться работать с городскими сообществами всех видов.

Планировать городское пространство должны не чиновники, а сами горожане. Но как? Есть пространство, в котором мы живем, есть то, которое мы воспринимаем, а есть пространство, в котором мы хотели бы жить. Как это соединить? Эти вопросы были поставлены в революционной по смыслу книге французского социального философа Анри Лефевра «Право на город»[128], предвосхитившей многие идеи, обсуждаемые и сегодня. Анри Лефевр, например, очень интересовался темой повседневной уличной жизни. Улица может быть «холодной» и «абстрактной», а может быть и «теплой», может превращаться в место радости или проявления спонтанности – индивидуальной или коллективной (во время карнавала, праздников, политических протестов)[129].

Мы остановимся на некоторых аспектах взаимоотношений города и общества, которые можно считать наиболее проблемными зонами в дискуссиях последних десятилетий.

---

[128] *Lefebvre H.* Le Droit à la ville. Paris: Ed. du Seuil, 1968.

[129] См.: *Хаббард Ф., Лайон Д.* Уличная жизнь: меняющаяся социология улицы: введение // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. М., 2019. №1. С. 12.

Одной из главных площадок борьбы общества за город были общественные пространства, ставшие ключевой темой в работах представителей направления, получившего название «новой урбанистики». Ее предтечами были авторы двух книг, вышедших в Америке в 1989 году, многократно переиздававшихся и переведенных на многие языки, включая русский, – «Смерть и жизнь больших американских городов» Джейн Джекобс[130] и «Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места “тусовок” как фундамент сообщества» Рэя Ольденбурга[131].

Джейн Джекобс размышляла о судьбах улиц и парков и обнаружила, что эти пространства, как ключи, способны открыть путь ко всем проблемам большого города. Революция в представлениях, которую произвела Джекобс, состояла в продвижении идеи: современный город живет и успешно развивается не благодаря реализации самых гениальных градостроительных теорий и архитектурных фантазий, а благодаря разнообразию и гибкости механизмов саморегуляции. Так, один из главных факторов привлекательности города и его районов – безопасность жителей и приезжих. Но, отмечает исследовательница, весь опыт говорит о том, что наиболее безопасны не те места, где больше всего полиции, а те, где интенсивнее всего общественная жизнь. Такие места наиболее прозрачны, и люди сами мотивированы поддерживать в них спокойствие и порядок. Сети местных площадок и заведений – культурных, торговых, образовательных, развлекательных – формируют среду, которая адаптирует «новичков» и нейтрализует «чужаков», приучая всех к определенным правилам общения и терпимости.

«Но “Смерть и жизнь…” не помогла возродить города – напротив, после ее выхода последовали годы упадка мегаполисов и сокращение численности населения в них», – грустно комментируют современные

---

[130] *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011.
[131] *Ольденбург Р.* Третье место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014.

урбанисты[132]. «Джейн мечтала о насыщенных и живых общественных пространствах, которые будут привлекать людей и изменят их. Эти ее мечты так и остались нереализованными, но ведь никто толком и не пытался их воплотить»[133]. Однако настоящее, практическое влияние идей Джекобс стало сказываться уже в XXI веке. Итак, первую проблемную зону можно обозначить как «город – улицы». Для многих поколений социальных исследователей: социологов, культурологов, лингвистов, ученых, изучающих перформативные, аффективные и нерепрезентативные аспекты уличной коммуникации, улица всегда являлась и является своеобразной лабораторией социальной жизни. В эпоху четкого «районирования» во многих мегаполисах, огороженных частных владений, охраняемых жилых комплексов и т. д. улица остается едва ли не единственным местом, где люди могут встречаться, общаться, где могут создаваться пусть временные, но сообщества. Другое дело, что подобный уникальный статус улицы делает ее объектом повышенного внимания со стороны средств массовой информации, а также государства и закона. Действительно чрезмерная активность улицы порой может угрожать не только социальной конвенции, но и политической стабильности. Ярчайшим примером тому являются парижские улицы наших дней. Социальных исследователей всегда привлекала именно эта сложность и неоднозначность городской улицы как социального организма. Улица вплетена в социальную ткань города, подобно тому, как город вплетен в социальную ткань общества. Улица объединяет жилые дома, государственные учреждения, открытые пространства, коммерческие площадки, образовательные учреждения, торговые площади и т. д., обеспечивая связь между всеми этими компонентами. В 2015 г. в Кентском университете (г. Кентербери, Великобритания) при поддержке журнала «The sociological review» прошел симпозиум по социологии улицы, в котором

---

[132] *Садик-Хан Дж., Соломонов С.* Битва за города: Как изменить наши улицы: Революционные идеи в градостроении. М., 2018. С. 13.
[133] Там же.

приняли участие социальные антропологи, социологи, социальные философы, лингвисты, географы, культурологи, представители других отраслей социального знания. Очевидно, что улица, так же, как и город, – объект междисциплинарного (кроссдисциплинарного) исследования.

Еще в 80-х гг. прошлого века Рэй Ольденбург был озабочен стремительно сокращавшимся числом площадок неформальной городской коммуникации. Введенное им понятие «третье место» (первое место – дом, второе – работа), как правило, относится к частным коммерческим заведениям – кафе, магазинам, салонам и т. д., но перечисленные автором функции «третьих мест» во многом те же, что и у общественных пространств. «Первой и самой главной функцией» он называет объединение района; жители узнают друг друга, приучаются общаться и при необходимости решать общие проблемы. Вторая функция – ассимиляция приезжих. Третья – поиск людей с похожими интересами. «Третьи места часто служат тому, чтобы впервые свести людей вместе – людей, которые позже создадут другие формы общения»[134]. Другие функции: выявление «публичных персонажей», которые благодаря личным качествам станут играть важную роль в районе; совместный отдых молодежи и старших, взаимодействие поколений; социализация детей; поддержание социализации пенсионеров; общение ради совместного веселья, которое стоит отделять от развлечений, узурпированных индустрией; развитие чувства принадлежности к данному месту и сообществу; интеллектуальный, политический и культурный форум; наконец, третьи места могут служить офисом, когда какие-то деловые встречи и переговоры удобнее проводить в неформальной обстановке. Буквально все из перечисленных функций могут выполнять и общественные пространства, которые находятся в государственной или муниципальной собственности, – парки, библиотеки, общедоступные

---

[134] *Ольденбург Р.* Третье место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. С. 22.

площадки разнообразных культурных институций. Не случайно выражение «третье место» в современных СМИ трактуется более широко и охватывает любые места, где люди могут неформально общаться.

После огромного успеха книг Джейн Джекобс и Ольденбурга появились работы Яна Гейла, Вукана Вучика, Роберты Грац, Чарлза Лэндри, Ричарда Флориды, Шэрон Зукин, Сеты М. Лоу, Лео Холлиса и многих других авторов, серьезно затрагивающие или прямо посвященные вопросам развития общественных пространств.

Автор теории «креативного класса» Р. Флорида особое внимание уделил значению спортивных площадок и «культурных кварталов», где находит свой выход «аборигенная», то есть собственно городская *уличная культура*: «…они органически развиваются под влиянием городского окружения, которое включает большое число творческих людей и поклонников искусства. Именно это и делает такую культуру “аборигенной”. <…> Участники моих фокус-групп и интервью говорят, что уличная культура нравится им отчасти из-за возможности познакомиться не только с произведением искусства, но и с его создателем»[135].

История городского планирования включает в себя череду попыток управлять общественными пространствами таким образом, который способствовал бы развитию социальности и гражданского участия из встреч между незнакомыми людьми. Она опирается на интеллектуальную традицию, берущую начало в античности и продолженную известными социологами Г. Зиммелем, В. Беньямином, А. Лефевром, Дж. Джейкобс и современными городскими исследователями, такими как Р. Сеннетт и Ш. Зукин, утверждающими, что свободное и беспрепятственное смешение людей в условиях открытого и хорошо управляемого общественного пространства способствует развитию терпимости по отношению к другим, получению положительного опыта в городской среде, уважения к

[135] *Флорида Р.* Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М., 2005. С. 209.

общественному достоянию и интереса к общественной и политической жизни. Все они предполагают существование сильной связи между городскими общественными пространствами и чувством принадлежности к городу, вовлеченности горожан в социальные и культурные процессы[136].

Ведущие представители отечественной урбанистики В.Л. Глазычев, А.А. Высоковский во многих книгах и статьях обращались к теме развития общественных пространств. В частности, В.Л. Глазычев писал в предисловии к своему переводу книги Кевина Линча «Образ города»: «Общественное пространство является определяющим признаком города, общественное пространство и есть город. Нет общественного пространства – нет города»[137].

Второе актуальное проблемное поле – город и транспорт. Использование транспорта в повседневной жизни – это нечто большее, чем просто перемещение человека из одной точки пространства в другую. Исследователь-социолог из Новой Зеландии Хелен Фитт, опираясь на проведенные ранее исследования в области социальной географии и социологии транспорта, пришла к выводу, что это движение таит в себе некие социальные смыслы. Например, наблюдая за транспортными практиками совершенно незнакомых людей, окружающие легко делают умозаключения не только о целях их перемещений по городу, но зачастую и об их положении в обществе и даже личностных характеристиках. Фитт отмечает, что было эмпирически установлено, что передвижение с помощью того или иного вида транспорта ассоциируется в сознании людей с социальным статусом индивида или с определенным образом жизни и

---

[136] *Amin A.* Collective culture and urban public space // City. April 2008. V. 12 N. 1: [Электронный ресурс]: URL: http://www.publicspace.org/en/text-library/eng/b003-collective-culture-and-urban-public-space.

[137] *Линч К.* Образ города // Сайт В.Л. Глазычева [Электронный ресурс]: URL: http://www.glazychev.ru/books/translations/Lynch/Lynch_Image_of_the_city/Lynch_Image_of_the_city.htm (дата обращения: 23.09.2017).

ценностями[138]. И не так важно, что эти спонтанные заключения далеко не всегда соответствуют действительности. Важно другое – транспортные городские практики (впрочем, как и уличные практики) – это сущностный фрагмент жизни самого города, и он наделен социальными смыслами, как и сам город. Эти социальные смыслы фактически фокусируются во всех элементах города как системы, они имеют устойчивый характер, ассоциированы с индивидуальными и массовыми представлениями и мнениями, связаны с социальными стереотипами и нормами, в какой-то мере даже детерминируют предпочтения и социальные практики горожан, то есть – социальные действия.

XX век называют «веком Форда–Мозеса». В 1910 году Генри Форд построил конвейер для поточного выпуска автомобиля модели «Ford T», а Роберт Мозес несколько послевоенных десятилетий был «главным строителем» Нью-Йорка, активно создававшим скоростные магистрали. Вплоть до последнего десятилетия XX века строительство автомобильных дорог было одной из главных забот властей во всех мегаполисах. Это привело к тому, что общественные пространства больших городов превратились в «лежбища» для машин. К концу «века Форда–Мозеса» в Нью-Йорке было 900 автомобилей на 1000 человек, а 33 тыс. человек погибали под колесами машин ежегодно. В 2007 году комиссаром Департамента транспорта Нью-Йорка стала Джанет Садик-Хан, развернувшая широкую работу по превращению витринного города Америки в город для пешеходов и велосипедистов, и ей удалось создать новый мировой тренд, а ее книга «Борьба за город: Как изменить наши улицы» стала урбанистическим бестселлером. Приведем несколько примеров, взятых из этой книги.

---

[138] *Фитт Х.* Насколько важны социальные смыслы: их роль и влияние в сфере повседневных транспортных практик // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. М., 2019. №1. С. 26.

«Борис Джонсон, будучи мэром Лондона, начал строительство скоростной велосипедной трассы через центр города, втрое увеличив расходы на строительство велодорожек за десять лет – до 913 миллионов фунтов (1,4 миллиарда долларов США).

Мэр Парижа Анн Идальго захватила первенство среди городов, выдвинув план резкого сокращения количества личных автомобилей в центре Парижа в 2020 году и запустив свой собственный план расширения вдвое городской сети велосипедных дорожек, а увеличения количества поездок на велосипедах – втрое, до 15% всех поездок по центру города.

Испанская Севилья быстро превратилась в велосипедную столицу южной Европы – за последнее десятилетие количество велосипедных поездок в городе возросло в 11 раз и построено 120 километров защищенных велодорожек»[139].

Наблюдается и еще одно проблемное поле, правда не для всех городов, но для мегаполисов точно. Речь идет о туристических потоках, которые тоже могут оказаться «проблемой» города и общества. Как правило, развитие города осознается как позитивный фактор. Но для многих горожан оно чревато тем, что ломает уклад, привычный, любимый образ жизни и деятельности. Яркий и парадоксальный пример современного конфликта интересов развития и интересов сохранения – ситуация с Барселоной, которая широко обсуждается в последние 2,5 года.

Барселона – один из самых туристически привлекательных городов Европы (четвертый после Парижа, Лондона и Рима) с уникальными постройками Средневековья, барокко и творениями Гауди, знаменитым футбольным клубом, богатыми гастрономическими и винными традициями и т. д. Сегодня город посещают более 30 млн туристов в год, что по всем меркам должно признаваться выдающимся достижением. Основную часть

---

[139] *Садик-Хан Дж., Соломонов С.* Битва за города: Как изменить наши улицы: Революционные идеи в градостроении. М., 2018. С. 89.

бюджета составляет сфера услуг, в частности долю туризма оценивают в 12–15%. Однако опрос июня 2017 года выяснил, что большая часть барселонцев (19%) именно туризм считает главной проблемой города, в первую очередь потому, что это источник постоянно растущих цен на жилье[140].

На этом сделала свою предвыборную кампанию летом 2015 года мэр Ада Колау – выпускница философского факультета Барселонского университета, известная гражданская активистка, пообещавшая решить две проблемы: понижение цен на жилье и ограничение туристического потока. Отношение к ее деятельности на протяжении этих лет неоднозначно – ее называют популистской, для многих туристов ее имя стало одиозным, но проблема существует объективно, и Ада Колау последовательно проводит меры по ее регулированию, введя лимиты посещения популярных мест и объектов, повышенные тарифы для больших тургрупп, специальные цены на билеты в городском транспорте и многие другие. Одновременно она провела снижение оплаты коммунальных услуг, организовала социальное жилье в пустующих домах города и т. д., и все свои действия она активно разъясняет в Фейсбуке, доказывая, что выполняет предвыборные обещания[141].

Интересы туристов и жителей столкнулись, да и для самих барселонцев рост туризма выступает одновременно как благо (вклад в бюджет, развитие коммуникаций, гостиниц, ресторанов и прочее) и как бедствие, разрушающее их сложившийся образ жизни. «Консервативная» позиция мэра, ограничивающего туризм, многими осуждается. Как и многие другие истории, пока что эта история незакончена.

Мы не ставили своей целью обозначать все имеющиеся проблемные зоны взаимодействия города и общества, да это и невозможно сделать в силу

---

[140] *Гаврилова Д.* Туризмофобия в Барселоне: местные жители против туристов // Афиша. 10.08.2017; [Электронный ресурс]: URL: https://daily.afisha.ru/cities/6434-turizmofobiya-v-barselone-mestnye-zhiteli-protiv-turistov.

[141] Ada Colau Ballano // Facebook [Электронный ресурс]: URL: https://www.facebook.com/ada.colau turistov (Дата обращения: 28.12.2017).

бесчисленного числа связей и отношений в этой системе. Но не можем обойти проблемное поле, весьма болезненное для жителей Москвы. Речь идет, конечно, об архитектуре прежде всего жилого городского пространства. Не требуется доказывать, какую огромную роль играет архитектура в жизни современного мегаполиса. Здания, архитектурные сооружения, дома, в которых мы живем, – это еще и средства коммуникации в обществе. Эта идея была изложена в теории семиологии архитектуры Умберто Эко и ярко представлена в постмодернизме Жана Бодрийяра. Все архитектурные объекты рассматриваются не только с точки зрения выполняемых ими функций, но и с позиций коммуникативной концепции. За функциональным значением всякого архитектурного сооружения стоит еще глубокий символический смысл. И эти смыслы с течением времени (а архитектурные сооружения служат людям веками и тысячелетиями) исчезают, возникают иные смыслы, меняются денотаты и коннотаты. Фактически город в этом контексте – книга, написанная языком архитектуры, которую все время можно читать заново. Это герменевтика в чистом виде. И любопытно, что сам архитектор никак не может предположить, каким будет смысл его сооружения по прошествии времени.

На наш взгляд, есть безусловная, а может даже, и прямая зависимость между качеством застройки территории и качеством социальной среды, формирующейся в этом пространстве. Окружающее пространство как бы конструирует поведение людей, у них появляются определенные стереотипы мышления, речи, стиля одежды и образа жизни. Городская среда в какой-то мере может определять желания и возможности, которыми располагает человек, живя в том или ином районе. Но и жители, расселяясь в городе, также его конструируют, формируя спальные, престижные, молодежные, богемные и т. д. районы. В контексте всего сказанного обратим внимание на Москву. Конечно, функция отдельной квартиры как жилища с течением времени не изменилась, но изменились социальные смыслы, социальные

коннотации, связанные с расселением по районам. Например, в 50-60-х гг. XX территория вокруг ВДНХ была глубокой окраиной Москвы, почти деревней, теперь этот район – район «среднего» класса, другой пример – люди, жившие в коммуналках в центре, в пределах Садового кольца, мечтали получить «хрущевки» где-нибудь в Чертаново или Черкизово. Кто сейчас захочет туда поехать из центральных районов Москвы? А престижным считается теперь вообще иметь дом за пределами Москвы. Очевидно, что сегодняшних москвичей расколол спор о «реновации»: кто-то с радостью готов переехать из «хрущевских» пятиэтажек в новостройки, а кто-то переезжать категорически не хочет – это конфликт интересов. Здесь есть не только материальный аспект, но и ценностный. Почему же У. Эко считал, что городская архитектура близка к сфере обслуживания и коммуникации? Потому, что городские архитектурные сооружения удовлетворяют потребности и интересы различных общественных и социальных групп «с намерением убедить их жить так, а не иначе», поэтому она может быть определена как «массовая коммуникация»[142]. На коммуникативный аспект городских общественных пространств указывают и отечественные исследователи. Например, Е.Г. Кривых считает, что общественное пространство современного мегаполиса должно рассматриваться именно «в аспекте создания и развития в этом поле возможностей коммуникации, осуществления социального взаимодействия множества людей»[143].

---

[142] Цит. по: *Реброва Д.Д.* «Социальный портрет» городского пространства (на примере московского района Хамовники) // Вестник РГГУ. Серия «Социологические науки». 2012. № 2 (82). С. 251, 252.

[143] См. *Кривых Е.Г.* Динамика общественного пространства мегаполиса: философско-методологический аспект // Общество: философия, история, культура. 2017. №12. С. 67. Там же: *Кривых Е.Г.* Публичное пространство в современном городе: философский аспект // Развитие фундаментальных основ науки и образования в строительстве. Сборник тезисов XIV Международной научно-практической конференции (Москва-2017). М.: изд-во МГСУ, 2017. С. 110-111.

Ученые и практики едины в своем стремлении понять, как развивается город. Не случайно буквально на наших глазах урбанистика – наука о городе – превращается в самостоятельный академический предмет. Как говорит ректор Московской высшей школы социальных и экономических наук, директор Института общественных наук РАНХиГС Сергей Зуев: «До недавнего времени город и урбанистика предметом не являлись, они входили в предметы экономики, социологии и т. д. А сейчас городское становится предметом, теперь уже всю экономику мы можем изучать через язык города, в той мере, в какой процент мирового ВВП производится в городах и т. п. Всю глобальную экологическую проблематику мы можем вывернуть через городскую проблематику. <…>

С другой стороны, идет реальный процесс, который саму городскую тематику превращает в мейнстрим. Совершенно очевидно, что сегодня все экономическое, политическое, социокультурное устройство мира определяется тем, что мегаполисы, города-столицы формируют новую сеть. Оказывается, что у этих городов-столиц между собой намного больше общего, чем у отдельных городов в национальном пространстве, которые не входят в эту сеть. Формируются новые иерархии, новые связи, определяющие основной переток человеческого капитала; качество городской жизни становится решающим фактором появления проектов и вообще проекта будущего. <…>

Эти два процесса – академический и реальный – подчиняют себе все, втягивают в себя все одновременно. Недаром ведутся разговоры о том, что город – это новая политическая единица, или, если хотите, это возвращение древнего понимания полиса как города-государства, только в некоей абсолютно новой форме»[144].

---

[144] Пятые Глазычевские чтения. Городское развитие в регионах: государственные стратегии и управленческие технологии. М., 2017. С. 58–59.

Это подводит нас к следующим выводам. Во-первых, в системе город – общество всегда есть зоны больших или меньших напряжений, проблемные зоны: к ним можно отнести и городские общественные пространства, и городской транспорт, и городскую архитектуру, и так называемые «места памяти» (памятники, городские арт объекты) и т. д. Все эти проблемные зоны возникают там, где непосредственно осуществляются социальные практики горожан, то есть это – «стыковочные» узлы, если так можно выразиться, горожан с самим городом. Из совокупности этих социальных практик и складывается сам город и городское «жизненное» пространство, а также восприятие людьми самого города. Они наделяют его социальными смыслами, которые фокусируются во всех элементах города как системы. Эти социальные смыслы устойчивы, они ассоциированы как с индивидуальными представлениями, так и с общественным мнением, способны формировать социальные стереотипы, влиять на систему ценностей и норм, в какой-то мере даже детерминировать предпочтения горожан. Можно сказать, что все перечисленное во многом детерминирует социальные действия людей. И это важно. Во-вторых, для целостного понимания феномена города и городских общественных пространств социально-философский анализ этих явлений должен основываться на кроссдисциплинарном подходе, объединяющем идеи социальной философии, социологии, экономики и культурологии и других социальных наук. Такой же кроссдисциплинарный подход в идеале должен стать инструментом городского теоретика и практика в силу усложнения самой реальности, с которой он постоянно имеет дело. Теоретическая рефлексия становится важной и необходимой частью современного управления.

Таким образом, общественное пространство постепенно становится одной из главных тем урбанистических исследований. Появляется целая серия исследований, посвященных непосредственно городским

общественным пространствам, которым теперь отводится важная роль в функционировании города в целом.

Исследователям становится понятно, что функции городского общественного пространства могут меняться, а сами городские общественные пространства, вносящие большой вклад в конструирование городской общественной среды, могут быть использованы для решения ряда проблем, поставленных на повестку дня современностью.

Глава 2. Онтологические и аксиологические основания трансформации городских общественных пространств

2.1. Историческая эволюция городских общественных пространств

Антропологи считают, что первым общественным пространством, появившимся в первобытную эпоху, был участок земли вокруг костра. «Костер являлся местом для сбора племени. Впервые было территориально закреплено место, объединяющее людей для реализации своих потребностей»[145].

В середине 4 тысячелетия до н. э. в долинах Нила, Междуречья и Инда появляются первые города. Они выполняют две главные функции: первая – защита и оборона, вторая – торговля, поэтому города возникают, с одной стороны, в местах, наиболее выгодных в стратегическом отношении, с другой, – на пересечении удобных транспортных путей, часто на берегах морей и рек. Город сам по себе – общественное пространство, но он был секционирован по социальным, экономическим, иногда этническим признакам, поэтому особую роль играли площади, где происходили события, объединяющие все категории горожан: торговля, общественные собрания, суды, культовые действия, празднества. В древнегреческих городах-полисах такой площадью была агора, являвшаяся одновременно рынком и центром всей общественной жизни. Специализированными общественными пространствами были святилища и храмы, театры, гимнасии и стадионы, суды, харчевни, постоялые дворы. В средневековых городах, помимо рыночных площадей, появляются административные площади около ратуш и соборов, предназначенные для гражданских нужд. Эпоха Возрождения

---

[145] *Загорская М.А.* Философия и методология формирования общественных пространств [Электронный ресурс]: URL: http://refleader.ru/poljgejgeujgjge.html (Дата обращения: 13.09.2017).

приносит новые принципы городского проектирования, когда площади и улицы объединяются в единую композиционно-коммуникационную систему.

В XVIII–XIX веках изменение структуры общества меняет и роль городских пространств. Характерная для феодального периода сословная дифференциация общества становится более стертой, и само разделение между общественной и частной жизнью во многом нейтрализуется. Значение площадей отходит на второй план. Появляются альтернативные общественные пространства, более привлекательные для утвердившегося третьего сословия: парки, скверы, озелененные площади и улицы. В это время формируется то, что Юрген Хабермас назвал *публичной сферой*[146]. «Из центра публичной (общественно значимой) сферы гражданского общества сформировалась реполитизированная социальная сфера, в которой государственные и общественные институты, слившись в единый функциональный комплекс, уже не могут быть дифференцированы в соответствии с критериями частной и общественной жизни»[147]. Центрами общественной жизни становятся кофейни, кафе, салоны, магазины, редакции газет, театры, места спортивных состязаний.

Важная мысль немецкого философа состоит в том, что становление городской публичной сферы сыграло исключительную роль в развитии искусства. Фактически до конца XVIII века музыка была прикладной: «Композиторы получали должности при дворах, церквах или ратушах и работали на заказ – как писатели для своих меценатов и придворные актеры для князей. Обычные бюргеры могли слушать музыку только в церкви или в обществе какого-нибудь дворянина. Сначала эмансипировались частные

---

[146] См.: *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge, Mass., 1989; *Хабермас Ю.* Социоструктурная трансформация публичной сферы; Трансформация политической функции публичной сферы // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. М., 2013; *Он же* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

[147] *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge, 1989. P. 148.

музыкальные общества – *collegia musica*; вскоре они утвердились в качестве публичных концертных обществ. Платный вход превратил музыкальное произведение в товар. Но одновременно появляется музыка, не имеющая вроде бы определенного назначения: впервые публика собирается, чтобы просто послушать музыку как таковую»[148]. Аналогичная история происходит и с живописью, которая ранее «…существовала для коллекционеров-дворян, разбирающихся в вопросе». Появление публичных музеев и выставочных залов позволило живописи отделиться от обслуживающих функций и быть осознанной как самоценное искусство, обращенное к человеку вообще, а не к конкретному заказчику. «Искусство, освобожденное от функций общественной репрезентации, становится предметом свободного выбора и изменчивых предпочтений»[149]. Концертные и выставочные залы, музеи, салоны, библиотеки, театры – как правило, платные площадки, что отличает их от общественных пространств. Но и общедоступные городские территории занимают свое место в том, что искусства перестают быть развлечением имущего класса и становятся неотъемлемой частью жизни всех горожан. Музыканты и оркестры играют в парках, художники обживают бульвары, а такое направление, как импрессионизм, фактически сформировалось благодаря тому, что его представители покинули студии и начали писать на пленэре, сделав своими постоянными сюжетами жизнь бульваров, парков, набережных, пляжей, кафе. Позже, в первой половине XX века, бульвар Монпарнас в Париже стал центром зарождающегося модернизма, объединив художников и писателей, приехавших из разных стран (А. Модильяни, П. Пикассо, М. Шагал, С. Дали, Э. Хемингуэй, Г. Миллер и мн. др.). Здесь были сосредоточены доступные жилье, ателье, кафе, кабачки, магазины, издательства и выставочные залы, превратившие этот район в уникальный кластер, ставший легендой истории искусства.

---

[148] *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016. С. 92.
[149] Там же. С. 93.

Переломным моментом в истории европейских городских общественных пространств явились реформы барона Жоржа Эжена Османа (1809–1891) по переустройству Парижа в 1853–1870 гг. Стремительный рост городского населения; чрезмерная плотность и стихийная неразбериха городской застройки, затруднявшие движение транспорта; скопление бедных кварталов с плохими санитарными условиями в центре города – эти факторы потребовали радикальных мер, инициированных императором Наполеоном III. Император ориентировался на опыт Лондона, где промышленная революция произошла еще в XVII веке и который обладал системой канализации и большими общественными парками, сооруженными после Великого лондонского пожара 1666 года. Масштабной перепланировкой Парижа руководил назначенный императором префект департамента Сена барон Осман. Он расчистил центральную часть столицы, ликвидировав часть узких переулков и тупиков, проложил широкие проспекты сквозь существующие кварталы и связал город геометрической сетью прямых, широких (до 30 м) и светлых авеню и бульваров. Вдоль проспектов были высажены каштаны, подчеркивающие симметричность обновленного города.

«Прежде беднота могла найти себе убежище в узких улицах и неосвещенных переулках. Осман положил этому конец, провозгласив, что наступило время культуры открытых пространств, широких проспектов, электрического света, запрета на проституцию»[150]. Не последнюю роль сыграл и опыт революций, сотрясавших Париж на протяжении всего XIX века; одна из самых крупных происходила буквально накануне реформ, в 1848 году. «Власти извлекли урок из уличной борьбы рабочих: на мостовых были устроены деревянные настилы, улицы расширены, в том числе и потому, что возвести баррикаду на широких улицах гораздо сложнее, к тому

[150] *Трубина Е.Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2013. С. 415.

же по новым проспектам жандармы могли вмиг доскакать до рабочих кварталов»[151]. Тем не менее главной заботой барона была не борьба с рабочими, а организация удобной, эстетичной, экологичной и безопасной городской среды и коммуникационной системы: «…он реализовал потрясающий урбанистический проект, на много лет опережавший развитие Парижа. Он придумал так называемую комбинированную улицу, в которой центральная часть была проезжей, а боковые части с бульварами – пешеходной»[152]. В течение 10 лет, прокладывая Елисейские поля – центральную магистраль Парижа, Осман вел «…долгие, изнурительные переговоры с владельцами каждого из домов, который предстояло снести, договариваясь о компенсациях»[153].

Парижские бульвары еще раньше, в 1840-х годах, начали становиться средоточием публичной, светской жизни. Если до этого светская жизнь концентрировалась вокруг королевского двора и салонов высокопоставленных особ, то теперь она сместилась на озелененные пешеходные аллеи и расположенные на них кафе и клубы. «Бульвар символизировал определенный стиль жизни, которую вели мужчины, принадлежавшие к светскому обществу. В первую очередь жизнь эта протекала в кафе и кружках. Если летом эти господа использовали сам бульвар как “салон на свежем воздухе”, то зимой они встречались в более защищенных местах: у Тортони, в Парижском кафе, Английском кафе и кружках, таких как Союз, Жокей-клуб, Сельскохозяйственный кружок»[154]. Реформы барона Османа, значительно расширившие территорию бульваров, и закрепили этот процесс, и демократизировали его – не только в узком слое

---

[151] *Трубина Е.Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2013. С. 416.
[152] *Высоковский А.А.* Сочинения: В 3 Т. III. Public. М., 2015. С. 14–15.
[153] Там же. С. 15.
[154] *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж». 1815–1848. М., 1998. С. 338.

светских «львов» и «львиц», а среди основной массы горожан вошло в привычку проводить свободное время на открытом воздухе.

Другой специальной заботой Османа были парки английского типа (со свободной планировкой в отличие от «регулярных», подстриженных и симметричных французских парков, сложившихся в XVII веке) – на западной и восточной границах Парижа были сформированы городские «лёгкие» – соответственно Булонский и Венсенский леса, площадью 846 и 995 гектаров. В черте города расположились крупные парки Бют-Шомон, Монсо и Монсури. Также в каждом квартале были разбиты скверы, а вдоль авеню высажены деревья. Создание парков и забота об озеленении станет особенно актуальной в XX веке, когда города станут крупными промышленными центрами и превратятся в мегаполисы.

Реформы барона Османа послужили ярчайшим образцом масштабной и целенаправленной городской модернизации. Во многом именно они сформировали образ Парижа как «столицы XIX столетия», по выражению Вальтера Беньямина, – образ современного города, живущего насыщенной и открытой, вынесенной прямо на улицы публичной и культурной жизнью, не померкший до сегодняшнего дня. Не случайно продолжительное влияние этого опыта и на европейское, и на мировое градостроительство (движение «City Beautiful» в США на рубеже XIX–XX вв., планировка улиц Буэнос-Айреса, Ленинского проспекта в Москве и т. д.).

Бульвары и парки произвели переворот в субординации общественных пространств города. Площади – рыночные, административные, храмовые, судебные – с древних времен становились и площадками городской коммуникации, на них узнавали новости, зачитывались указы, отмечались праздники, распространялись слухи и сплетни, тем не менее на площадях всегда доминировала функция утилитарная или сакральная. Общественные пространства, появившиеся в буржуазную эпоху, освободились и от утилитарных, и от сакральных функций, став местами чистой коммуникации

и рекреации. Социальная дифференциация в этих местах поначалу играла определенную роль, но постепенно она сгладилась, по мере того как утверждалась возможность человека добиться успеха не благодаря прихоти рождения в привилегированном сословии, а благодаря активности и предприимчивости. Артистическая богема, обитавшая сначала на Монпарнасе, затем на Монмартре, и выставки независимых художников определили лицо современного искусства, потеснив диктат Академий и Салонов.

Появление больших, красивых и безопасных прогулочных зон вызвало к жизни фигуру фланёра – человека, гуляющего по городу без определенного занятия и без определенной цели. Цель его «путешествия» – познавать новое. «Новизна – качество, независимое от потребительской стоимости товара. Она составляет источник неотчуждаемого обманчивого блеска образов, порождаемых коллективным бессознательным»[155]. Хотя В. Беньямин описывает процесс фланирования по городу с определенным сарказмом, здесь закладываются основания того, что намного позже будут называть «экономикой впечатлений», особый тип потребления не материальных, а визуально-чувственных благ.

В том, что во Франции, Италии, Испании публичная жизнь в большей степени «выплеснута» в открытые пространства, на бульвары, площади, в парки, чем в Северной Европе – Англии, Германии, Скандинавских странах, где она интенсивнее протекает в закрытых помещениях, – очевидную роль играет более теплый климат в течение всего года. Северные европейцы тоже любят проводить время на воздухе, но находятся там меньше и реже, не считая того, что теплее одеваются. Возможно, этот фактор косвенно сказывается на разном понимании публичной сферы и ее связи с определенным физическим пространством.

---

[155] *Беньямин В.* Париж, столица XIX столетия // *Беньямин В*. Озарения. М., 2000. С. 163.

Первый подход, восходящий к работам Ю. Хабермаса, рассматривает публичную сферу как независимую от государства неформальную сеть обмена информацией, где обсуждаются общественно значимые вопросы и вырабатываются общее мнение и политические решения. Публичная сфера опирается на гражданское общество и существует за счет коммуникативных действий, при этом не имеет четкой пространственной привязки, будучи воспроизводимой не только в разговорах лицом к лицу, но и в СМИ и виртуальных коммуникациях. Другой подход, развиваемый американцем Р. Сеннетом[156], акцентирует внимание на культуре и свободных взаимодействиях между незнакомыми людьми и рассматривает публичную сферу как пространство социальной жизни, противопоставленной общению в приватном кругу семьи и близких. В физическом смысле публичная сфера реализуется в городском пространстве, в первую очередь в парках и на улицах, предназначенных для пешеходных прогулок, так как именно там могут встречаться незнакомцы.

В первой половине XX века отдельные городские общественные пространства Европы пережили глубокие трансформации, связанные с появлением тоталитарных государств, вырабатывавших собственные формы пространственной организации, – при всех различиях в идеологии их объединяло утопическое стремление к гомогенизации общества, другим полюсом которого являлся культ вождя. Общественные пространства формируются как площадки предстояния огромной массы людей перед вознесенной над ней фигурой лидера, и их форма отвечает тем практикам, для которых они предназначались. Так создавались национал-социалистические и фашистские ансамбли: Университетский городок в Риме эпохи Муссолини, градостроительные работы А. Шпеера в Германии. «Перед Народным домом на площади Адольфа Гитлера должны были, в частности, происходить ежегодные первомайские демонстрации, до того

[156] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М., 2002. С. 22–32.

устраивавшиеся на Темплхофских полях, и уже к 1939 году геббельсовское министерство имело подробный сценарий их проведения – “от сбора детей для приветствия иностранных визитеров до мобилизации миллионов рабочих, призванных выражать волю народа”. По словам Шпеера, весь этот комплекс “выражал в формах архитектуры политическую, военную и экономическую мощь Германии”»[157]. Подобным образом были организованы и советские проекты, когда все пространство крупного города «…формировалось вокруг несоразмерно большой площади, предназначенной исключительно для военных парадов и демонстраций»[158], а в более позднее время – площадь Тяньаньмэнь в Пекине, площадь имени Ким Ир Сена в Пхеньяне и другие общественные пространства социалистического мира.

В демократических странах продолжал развиваться процесс деполитизации общественных пространств, но он же вел и к определенному снижению их роли в городской жизни. В конце XX – начале XXI века западные исследователи городов стали высказывать серьезную обеспокоенность непосредственно физическим сокращением общественных пространств городов в связи с их застройкой, а также искажением практик их использования, деградацией их социальных и культурных функций, приватизацией общественных пространств и сокращением возможностей доступа к ним представителей «неугодных» групп, определяемых по тем или иным признакам. Общественные городские пространства не только исчезают, они теряют свою значимость, используются горожанами меньше или в ином качестве, перестают в полной мере выполнять свою роль в поддержании благополучия города. Все это выступает как угроза общественной жизни, но одновременно является показателем ее ослабления, поскольку деградация общественных пространств происходит под влиянием тех же процессов,

---

[157] *Голомшток И.Н.* Тоталитарное искусство. М., 1994. С. 244.
[158] *Глазычев В.Л.* Политическая экономия города: учеб. пособие. М., 2009. С. 87.

которые уменьшают любое состояние интегрированности публичной сферы как таковой.

Западные городские исследователи рассматривают общественные пространства в терминах культурного потребления и трансформации городской среды, отмечая утрату ими роли политических и гражданских форумов[159]. Такая утрата объясняется не столько злонамеренным наступлением властей на гражданские свободы, сколько, с одной стороны, развитием новых медиа и цифровых коммуникаций, виртуализацией публичной сферы и сокращением необходимости непосредственных встреч для обсуждения общественных вопросов, а с другой стороны, – атомизацией современных обществ. Так, по мысли Р. Сеннета, в современном обществе, в первую очередь американском, произошла гипертрофия самости: люди стремятся к душевному комфорту там, где должны были действовать социальный закон и социальный принцип. Культура личности одерживает верх над публичной культурой или культурой группового эго, выражающейся в формулировании и отстаивании общих интересов[160]. Люди погружены в процесс постоянной индивидуализации, которая не является результатом свободного выбора и не связана с практической возможностью отстаивать свои права. Ее обратной стороной оказывается распад гражданства, поскольку гражданин добивается собственного благополучия через благополучие города и сообщества, индивидуумы же справляются с трудностями поодиночке[161].

Растущая индивидуализация связана с растущим стремлением к гомогенности круга общения, к исключению «чужих» из сообществ и физических пространств, минимизации контактов с ними, чему сопутствует

---

[159] *Amin A.* Collective culture and urban public space // City. April 2008. V. 12, n. 1. [Электронный ресурс]: URL: http://www.publicspace.org/en/text-library/eng/b003-collective-culture-and-urban-public-space.
[160] *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М., 2002. С. 295–296.
[161] *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008. С. 38–45.

возникновение в городах все большего количества общих, но не общественных, не «культурных» пространств – мест без места, «не-мест», где можно сохранять иллюзию общности, находясь при этом в весьма выборочном окружении или не вступая в реальное взаимодействие с другими. З. Бауман описывает три типа таких мест: это «значимые» и «высокомерные» места (городские площади официальных собраний и демонстраций, особенно перед зданиями правительственных органов, обустроенные так, что их хочется скорее покинуть, а не задерживаться), «не-места», или «пустые места», где все стремится к тому, чтобы при физическом присутствии других людей свести их социальное присутствие (то есть взаимодействие с ними) к минимуму (прежде всего это транзитные зоны неизбежного столкновения с другими людьми – вокзалы, аэропорты, общественный транспорт), и, наконец, места потребления – многочисленные магазины, объединенные в торгово-развлекательные центры[162].

Коммерциализированные пространства, или пространства потребления, З. Бауман рассматривает как псевдо-общественные пространства, подменяющие и отвлекающие горожан из мест подлинно общественных. Торговые центры позволяют находиться в безопасной среде, исключающей слишком далеких в социальном плане людей (например, слишком бедных), ощущая при этом чувство принадлежности к общности (здесь все покупатели и все похожи), которое при этом не требует реального взаимодействия с незнакомцами, поскольку здесь каждый занят своим делом, которое задано и определено этим местом[163].

На постсоветском пространстве, где публичные места контролировались и регламентировались властью, а проявления индивидуальности, приватного и личных интересов в них не предполагались, торговые центры, став поначалу символами перемен и новой жизни,

---

[162] *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008. С. 103–119.
[163] Там же. С. 106–110.

«перехватывают» внимание горожан к общественным пространствам даже интенсивнее, чем в западных странах[164].

Другие факторы изменения социально-культурных практик в городских общественных пространствах – возрастающая мобильность и развитие цифровых медиа. Развитие техники и транспортных систем привело к абсолютно новому уровню власти человека над расстояниями, невероятному росту мобильности и темпа жизни. Современный человек находится в движении и все меньше задерживается на одном месте. Проникновение цифровых медиа и виртуальных коммуникаций во все области жизни трансформировало города, превратив их, по определению С. Маккуайара, в архитектурно-медийные комплексы, а средства связи, позволяющие общаться с людьми на колоссальных расстояниях, виртуализировали коммуникативную сферу, уменьшив необходимость встреч лицом к лицу[165]. Бурное развитие виртуального публичного пространства легко может заменить современному человеку поход на площадь, на рынок, в театр, в кинотеатр и т. д., поскольку Интернет решает и практические задачи (купить, посмотреть, узнать новости), и коммуникационные (поддержать старые знакомства и приобрести новые). Все это изменило восприятие пространства и времени, в том числе снизило практическую востребованность городских общественных пространств.

Тем не менее политическая и символическая роль общественных пространств в определенные моменты может актуализироваться, что показали события начала XXI века: Таксим в Стамбуле, Майдан в Киеве, Болотная площадь в Москве, движение Occupy Wall Street, движения желтых и черных жилетов в Париже.

---

[164] *Желнина А.* «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2011. Вып. № 2. С. 54–55.
[165] *Маккуайар С.* Медийный город: Медиа, архитектура и городское пространство. М., 2014. С. 26–46.

Итак, краткий экскурс в историю изменений городских общественных пространств показал, что их трансформация определяется комплексом факторов и связана с изменениями, происходящими во всех сферах жизни общества – экономической, политической, социальной и духовно-идеологической. Огромную роль в развитии общественных пространств играет демократизация общества – об этом свидетельствует не только история древнегреческих городов и городов Европы XVIII – XIX вв., но и события Новейшей истории. Буржуазные революции, уничтожившие сословия и провозгласившие принцип гражданского равенства, сыграли в этом процессе важную роль. Процессы социальной мобильности, размывание границ между социальными группами и развитие публичной сферы города поставило на повестку дня вопрос о создании общественных пространств для коммуникации широких слоев граждан. Постепенно городские общественные пространства перестают выполнять чисто утилитарные функции (как, например, центральная торговая площадь в средневековом городе), их роль возрастает, они становятся многофункциональными.

В Новое время происходили не только количественные изменения (увеличение городских общественных пространств), появляются их новые формы — парки, скверы, бульвары, кафе, театры, музеи, стадионы. Помимо политических функций, городские общественные пространства активно присваивают себе культурные, коммуникативные и рекреационные функции.

Однако во второй половине XX в. в связи с развитием информационных технологий наметилась тенденция деградации общественных пространств. Возникают так называемые псевдообщественные пространства, «не-места» (М. Оже); часть функций общественных пространств начинают выполнять виртуальные пространства, которые так же, как и общество в целом, оказываются индивидуализированными и атомизированными.

Процессы, которые беспокоили исследователей в эпоху модерна (индивидуализация, атомизация, анонимизация, формализация связей и отношений между людьми), проявляются и сейчас, в эпоху постмодерна, став глубже, ярче и сложнее.

Исследование проблематики города и городских общественных пространств заставляет размышлять не только о сущности самих этих феноменов, но и о том, чего мы хотим от городского общественного пространства? Каков наш образ идеального города? Как мы можем влиять и управлять процессами трансформации городских публичных пространств?

Нам кажется, что для ответа на эти вопросы необходимо более детально проанализировать онтологические и аксиологические основания процесса трансформации городских общественных пространств.

2.2. Онтологические основания развития городских общественных пространств

Понятие «городское общественное пространство» связывает три категории, с трудом поддающиеся точной дефиниции: город, общество и пространство.

Отечественный исследователь города Г.В. Горнова так характеризует ситуацию с категорией «город»: «Размышляя о городе, мы не испытываем никаких сложностей. Город предстает перед нашим внутренним взглядом как вполне понятный целостный образ. Но как только мы задаемся целью дать определение города, то эта интуитивная очевидность и ясность сразу же нарушается»[166]. Существует так много определений города, что очевидно – единого, принимаемого всеми, определения нет и не будет.

---

[166] *Горнова Г.В.* Понятие город в аспекте философии культуры // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 21.

Подобное положение дел вызвано сразу несколькими причинами. Первая причина – самая очевидная: разные методологические подходы, разные научные школы. Вторую причину можно определить, как заинтересованность в решении проблем города и городских публичных пространств целого комплекса наук, каждая из которых фокусируется на своем, делая акценты на значимых для той или иной сферы знания областях исследования. Поэтому и так называемые «определения» (хотя это вовсе не определения, а скорее характеристики существенных свойств того, что мы называем «город», «городское общественное пространство») будут очень отличаться. Но определяющую роль играет сложность самого феномена: «Город всегда оказывается сложнее, чем любое его описание, сколь угодно точным и подробным оно бы ни было»[167]. Да и скорость социальных изменений в наше время приводит к тому, что исследователь следующего десятилетия скорее всего будет иметь дело с качественно отличным объектом – другим городом. Е.Г. Кривых в связи с этим отмечает: «Принципиальной методологической установкой является то, что современный город, в данном случае мегаполис, рассматривается в постклассическом контексте, что означает понимание его как открытой саморазвивающейся системы, гетерогенного объекта междисциплинарного исследования. Установки статичной целостности, четкого и жесткого структурно-функционального планирования рассматриваются как принципы предшествующего этапа теоретизирования города»[168].

Не проще ситуация и с двумя другими категориями, но мы все же попробуем уточнить их смысл. При этом будем учитывать, что «в духовном мире человека город существует как целостный феномен во всем своем многообразии»[169], и помнить, что для целостного понимания феномена

---

[167] *Высоковский А.А.* Сочинения: В 3 т. Т. I. Theory. М., 2015. С. 92.
[168] *Кривых Е.Г.* Динамика общественного пространства мегаполиса: философско-методологический аспект // Общество: философия, история, культура. 2017. №12. С. 67.
[169] *Горнова Г.В.* Указ. соч. С. 21.

города и городских общественных пространств социально-философский анализ этих явлений должен основываться на кроссдисциплинарном подходе, объединяющем идеи социальной философии, социологии, экономики, культурологии и урбанистики.

Начнем с *пространства*. Перечислим все, что на первый взгляд входит в объем понятия «городские общественные пространства», – локальные территории: площади, рынки, набережные, парки, прогулочные дороги, бульвары, кладбища, общественные площадки административных, религиозных, культурных и спортивных объектов и т. д.

Вместе с тем пространства – это не только и не столько локации, но и *практики* и *смыслы*, которые на них или в них воспроизводятся, а город – это не только территория. Используя разделение, введенное В.Г. Горновой, можно сказать, что нам недостаточно «витальной парадигмы» для описания города, нам необходима «экзистенциальная парадигма», фиксирующая переживания, рефлексию, осмысление человеком городской жизни, потому что именно человек создает и воспроизводит значения, смыслы и ценности городской культуры[170].

Закон г. Москвы от 27.04.2005 № 14 «О генеральном плане города Москвы (Основные направления градостроительного развития города Москвы)» перечисляет виды городских общественных пространств и обобщенно описывает их функции: «...общественные пространства – свободные от транспорта территории общего пользования, в том числе пешеходные зоны, площади, улицы, скверы, бульвары, а также наземные, подземные, надземные части зданий и сооружений (галереи, пассажи, атриумы и другие), специально предназначенные для использования неограниченным кругом лиц в целях досуга, проведения массовых мероприятий, организации пешеходных потоков на территориях объектов

---

[170] *Горнова В.Г.* Парадигма города как социально-онтологическое описание урбанистических процессов // Вестник МГУКИ. 2010. №2 (34). С. 36.

массового посещения общественного, делового назначения, объектов пассажирского транспорта...»[171]

Интернет-ресурсы предлагают нам многочисленные способы классификации общественных пространств[172]. Однако распространенная в мировой управленческой практике и используемая Правительством Москвы типология выделяет следующие основные виды пространств:

– площади;

– пешеходные улицы;

– парки;

– бульвары и скверы;

– закрытые общественные пространства;

– автомобильные и железные дороги, метро, транспортные развязки и другие инженерные сооружения.

Данное выше формально-юридическое определение и приведенная классификация для нас важны не только потому, что практикам приходится опираться именно на них. И определение, и классификация делают акцент на очень важной, с нашей точки зрения, особенности общественных пространств – их функциональности. Город представляет собой систему, каждый элемент которой выполняет ту или иную функцию. Попробуем объяснить это с помощью аналогии.

Все виды городских пространств в той или иной степени можно спроецировать на природную среду. Сравнение города с муравейником стало

---

[171] Закон г. Москвы от 27.04.2005 № 14 «О генеральном плане города Москвы (Основные направления градостроительного развития города Москвы)» [Электронный ресурс.] URL: base.garant.ru/383167/

[172] См., например, своды классификаций по разным основаниям для деления: Классификация общественных пространств (автор не обозначен) [Электронный ресурс]: URL: http://studopedia.ru/11_17268_klassifikatsiya-obshchestvennih-prostranstv.html; Классификация общественных пространств (автор не обозначен) [Электронный ресурс]: URL: http://studbooks.net/653461/sotsiologiya/osobennosti_formirovaniya_obschestvennyh_prostranstv

уже избитым, но нам кажется, что, например, в нашем контексте оно не может быть удачным. Хотя муравей считается образцовым общественным существом, мы не можем адекватно представить себе, как организовано свободное поведение и пространство жизни муравья.

Как и муравейник, город состоит из стен, ячеек, этажей и коридоров – замкнутых пространств, обеспечивающих безопасность его населению. Но человеку этого мало – ему нужны все виды естественного ландшафта; так появляются городская площадь – образ поля или поляны; парки и скверы – лес; дороги – тропы; море, реки, пруды, водопровод – обработанные природные водоемы. Муравей тоже «путешествует» по лесу, но человек хочет путешествовать и внутри своего жилого пространства.

Площадь-поляна – самое открытое и поэтому самое доступное и многофункциональное место в городе. Здесь собираются для обмена (рынок), передачи информации (здесь зачитываются указы и передаются свежие сплетни), отмечаются праздники, может вершиться суд и могут наказываться нарушители порядка (происходят публичные казни). Здесь стоят главные здания города, памятники, культовые сооружения, сюда стекаются гости и странники. Площадь – лицо города, самая открытая его часть. Это всегда некая «витринная» активность – не обязательно официальная, но всегда максимально опубличенная, что задается пространством: на поляне негде спрятаться. Хочешь что-то увидеть или хочешь, чтобы тебя все увидели, – выходи на площадь.

Парк-лес – здесь все по-другому. Это место, где горожанин возвращается на природу. Здесь главное – деревья, трава, водоемы, цветы, а все занятия (прогулки, встречи, развлечения, игры, спорт, концерты и т. п.) вторичны по отношению к ландшафту. Парк сохраняет некоторые элементы дикого леса и некоторые элементы деревни, но в идеализированном, безопасном и необременительном варианте.

Каждый парк образует свой микромир, как бы отделенный от остальной городской среды (деревня внутри города). В России, как и во многих странах Европы, Америки, Азии, парки – это отдельные юридические лица со своей программой, персоналом, задачами и бюджетом (что, кстати, позволило отрабатывать стандарты трансформации московского благоустройства сначала как отдельный кейс в «закрытом периметре» Парка Горького).

Пешеходные улицы – тропы в «городских джунглях», которые еще нередко сравнивают с рекой, по которой можно «плыть», наблюдая, что происходит на «берегах», а можно, наоборот, сидеть на «берегу», за столиком кафе, и рассматривать «проплывающих» прохожих. На пешеходных улицах сконцентрированы все форматы городского потребления – еда, магазины, бутики, зрелища, уличные художники и т. д.

Бульвары и скверы – симбиоз парка и улицы, леса и пешеходной «реки».

Особую категорию составляют закрытые общественные пространства, к которым относятся торгово-развлекательные центры, а также общественные пространства учреждений культуры и образовательных учреждений, кафе-клубов и т. п. Пещеры, в которых есть свет и огонь, – возможно, не самый удачный естественный аналог для таких сложных искусственных конструкций, иногда представляющих собой целую крытую пешеходную улицу, но для города, в котором 8 месяцев в году не хватает тепла, эти площадки предоставляют важную возможность проводить досуг вне улицы. Клубные площадки – своеобразные гостиные, формирующие не только развлекательно-потребительскую, но и современную познавательную среду, насыщенную идеями и впечатлениями. Такими «городскими гостиными» сегодня стали многие библиотеки и дома культуры.

К городским общественным пространствам относятся также автомобильные и железные дороги, метро, транспортные развязки – это

прежде всего инженерные сооружения, но и они могут быть вовлечены в содержательную и символическую трансформацию городской среды (концерты в метро, фестивали граффити и т. п.).

У каждого городского общественного пространства имеется свой *функционал*, то есть комплекс активностей, которые ежедневно или периодически там происходят. Этот функционал исторически подвижен и нередко существенно меняется с течением времени. Так, памятный читателям романов А. Дюма Булонский лес – огромная парковая зона в западной части Парижа – был излюбленным местом дуэлей в XVII веке. «В сознании современного парижанина этот топоним имеет не слишком лестную славу территории, где предлагают свои услуги проститутки обоего пола. Но в 1840 году Булонский лес имел совершенно иную репутацию: это было самое модное, самое фешенебельное место, где прогуливались только люди очень состоятельные и очень элегантные»[173].

Исторические и экономические процессы могут изменять функционал общественных пространств в массовом масштабе. После падения коммунистического режима и экономических преобразований культурные и спортивные объекты во многих городах бывшего СССР начали превращаться в вещевые рынки – на это был широкий общественный запрос, но был и другой запрос – так, планетарий в центре Риги снова стал кафедральным собором, которым и являлся до советских времен, а в некоторых российских городках кинотеатры перестраивались в церкви, потому что своих церквей там не было, а строить новые не хватало средств. Другой процесс, начавшийся в Европе и затем охвативший все континенты, – преобразование бывших промышленных строений, районов и целых регионов (как Рурский бассейн), из которых ушло производство, в общественные пространства. Самый актуальный пример в сегодняшней Москве – редевелопмент

---

[173] *Мильчина В.А.* Французы, нарисованные ими самими и переведенные русскими // Французы, нарисованные ими самими. Парижанки. М., 2014. С. 42–43.

автопромзоны Завода им. И.А. Лихачева в «Полуостров ЗИЛ», который станет «городом в городе» и объединит жилые постройки, культурные и образовательные пространства, сеть каналов, набережные, бульвары и парки.

Городские пространства можно соотнести с понятием *хронотоп*, введенным в гуманитарные науки М.М. Бахтиным, – это содержательно-формальная категория, связывающая пространство и время в их единстве и взаимодействии. «Время здесь сгущается, уплотняется, становится <…> зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории»[174]. Что такое хронотоп в художественном произведении? Если герой романа едет по дороге, то мы имеем основания ожидать, что ему предстоят разнообразные приключения и испытания, а если действие происходит в старинном замке, нам почти наверняка откроются невероятные тайны, связанные с прошлым обитателей этого замка. Реальные пространства города также хронотопичны – они как бы в свернутом виде хранят всю, иногда многовековую, историческую память о том, что в этом месте происходило, и канализируют и во многом предопределяют то, что здесь может произойти. Например, так называемые «места памяти» в городах (памятники, стелы, мемориалы, монументы и т.д.) – это своего рода «точки опоры» коллективной памяти, которые призваны поддерживать существование городского сообщества, они несут в себе материальный, символический и функциональный смыслы.

Таким образом, слово «пространство» соединяет в себе три смысла: 1) это ограниченная территория; 2) это место, хранящее историческую память, и 3) это функционал, или комплекс практик, которые на этом месте продолжают воспроизводиться.

Второй признак, выраженный в названии рассматриваемого класса объектов, – это пространства *общественные*. В этом определении содержится

---

[174] *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М. М.* Собр.соч.: В 6 т. Т. 3. М., 2012. С. 341.

тоже, по крайней мере, три смысла: 1) это не частные пространства, они находятся в государственной или муниципальной собственности; 2) они потенциально доступны всему городскому сообществу и, как правило, бесплатны и 3) они используются на благо общества, то есть их функционал востребован разными категориями горожан.

Выше мы уже сказали, что форма собственности не создает жестких границ между частными кафе и общественными библиотеками. У тех и других наряду с определенным функционалом (в кафе едят и пьют, в библиотеке читают) есть дополнительные функции – они образуют пространства коммуникации, «третьи места»[175].

Даже институции с одинаковым функционалом могут быть как общественными, так и частными (наряду с государственными театрами в России действовали частный Оперный театр С.И. Зимина и Московская частная опера С.А. Мамонтова; Московская городская галерея Павла и Сергея Третьяковых 30 лет существовала как частное, но открытое для широкой публики собрание; сегодня своих владельцев могут иметь спортивные клубы, стадионы, галереи, пространства арт-кластеров и прочее). «“Публичность” <…> городских пространств становится пересечением проблем собственности, управления, открытости и ограничений доступа. О многих частях современного города невозможно сказать, частные они или общественные, государственные или гражданские, центральные или периферийные»[176]. Форма собственности имеет значение для управления этими пространствами; как следствие, частные институции могут иметь больше степеней свободы, чем государственные и муниципальные, но могут

---

[175] Термин «третье место» был введен Р. Ольденбургом для обозначения того, что остается после двух главных мест - дома («первое место») и работы («второе место»). На данный момент в научной литературе словосочетание «третье место» часто используется как синоним «общественного или публичного пространства». См.: *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014.

[176] *Трубина Е.Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2013. С. 32–33.

и оказаться заложниками вкусов и предубеждений своего владельца. Тем не менее реальное значение того или иного пространства определяет не наличие хозяина, а то, как и насколько оно востребовано обществом.

Понятие «общество», понимаемое как организатор, заказчик и пользователь услуг общественных пространств, тоже исторически подвижно, что сказывается на доступности разных пространств для разных групп горожан. В современном демократическом понимании общество должно охватить всех людей, и идея инклюзии как раз направлена на то, чтобы все общественные блага были доступны и для более бедных категорий населения, и для тех, чьи права ущемлены по национальным, религиозным, социальным, культурным и другим причинам, и для тех, чья активность ограничена возможностями здоровья и развития.

Однако социальные стратификации, обычаи, традиции, религиозные и юридические нормы часто действуют в противоположном направлении. Так, в Древней Греции замужние женщины не могли посещать спортивные состязания; в периоды расовой сегрегации существовали пространства «только для белых»; разные сословия и касты имеют разные права и возможности представлять себя в общественных пространствах. В уже приводившемся примере в Булонском лесу в XIX веке действовал дресс-код, отсеивавший посетителей низкого и среднего достатка, а сейчас это территория маргиналов.

Несмотря на все эти ограничения, общественные пространства служат общественному благу. Помимо того, что они реализуют свой конкретный функционал, они все же выполняют те не сразу очевидные функции, которые перечислил Рэй Ольденбург. Они объединяют жителей, создают неформальные связи, адаптируют приезжих, служат коммуникационными площадками, интеллектуальными форумами и т. д. Решая свои практические задачи, они преобразуют и все городское пространство. Так, театр создает

эффект освещенной улицы, а это в свою очередь увеличивает безопасность всей окружающей территории.

Но и здесь есть обратная сторона. Общественное пространство может стать местом повышенной опасности, как театр на Дубровке во время спектакля «Норд-Ост». Это касается не только закрытых пространств, таких как театр, школа или башни Всемирного торгового центра.

Сама идея спортивных состязаний родилась как мирный эквивалент войны, как способ перевести энергию соперничества в свою противоположность – в форму культурного единения. На период Олимпиад древние греки прекращали воевать. Воскресив идею Олимпийских игр в конце XIX века, Пьер де Кубертен написал знаменитый гимн «О спорт, ты – мир». Но, к сожалению, нам известно немало примеров, когда агрессивная энергия болельщиков превращала спортивные соревнования в фанатские побоища.

Амбивалентные качества особенно проявляются на тех пространствах, функционал которых имеет явный политический компонент, прежде всего на главных городских площадях, предназначенных «для пешеходных подходов к общественным зданиям, для проведения демонстраций и празднеств». Главные площади города, как правило, проектируются перед «чертогами власти» – зданиями правительства или местных администраций, и предназначены для явления власти городскому сообществу. Реализация этого функционала может оказаться амбивалентной. Так, на Сенатскую площадь выходят декабристы, на Дворцовую – участники октябрьского переворота, на Красную – всего семеро гражданских активистов в 1968 году, но резонанс места таков, что и он переворачивает сознание общества. Площадь как наиболее политизированное пространство служит местом, где власть обращается к народу, но иногда – местом, где народ обращается к власти, о чем в Париже напоминает название «площадь Бастилии», в Санкт-Петербурге – «площадь Восстания», а в Москве – «площадь Революции».

Другим примером амбивалентности городских общественных пространств можно считать их кардинальную трансформацию, обычно следующую за революциями или другими крупными политическими событиями. Каждая новая власть, нуждаясь в репрезентации себя в городских общественных пространствах, создает новые «места памяти», разрушая старые. Как пишет И.А. Вершинина, «последствием социально-политических изменений <…> становятся трансформации городского пространства. Новый уклад жизни, с одной стороны, приводит к модификации комплекса социальных практик, а с другой – к изменению символического контекста их существования. Общим знаменателем этих факторов становится желание порвать с прошлым и зафиксировать этот разрыв, контрапунктировать его всеми средствами. Новые архитектурные формы и пространственные решения входят в их число»[177]. Разрушение Бастилии и строительство Эйфелевой башни в Париже, снос храма Христа Спасителя и строительство Москва-сити в Москве – лишь отдельные примеры.

К описанной выше амбивалентности можно относиться по-разному. Мы согласны с мнением Г.В. Горновой: «Актуальная и потенциальная антиномичность города является одним из механизмов развития городской культуры, показателем динамичности ее развития»[178].

Двигаясь от конца к началу, мы дошли до третьего признака наших объектов – они *городские*.

По объему понятий «городские пространства» и «общественные пространства» – два пересекающихся множества. Городские пространства могут быть не общественными, а жилыми и рабочими. Общественные пространства имеются не только в городах, но и в селах, и в деревнях

---

[177] *Вершинина И.А., Курбанов А.Р.* Социально-политические трансформации в контексте урбанистики: символические функции городского пространства // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2017. №4 (22). С. 12.

[178] *Горнова Г.В.* Понятие город в аспекте философии культуры // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 23.

(церковь, рынок, клуб, места сходок и посиделок), и на больших территориях (например, тинг – место для собраний и судебных споров, куда сходились живущие обособленными семьями-хозяйствами средневековые германцы и скандинавы).

Что отличает общественные пространства именно в городе? Если посмотреть на функции, перечисленные Р. Ольденбургом, то большая часть из них свойственна сельским и деревенским сообществам едва ли не в большей степени, чем городским. Коммуникации в деревне, «где все друг друга знают», не говоря уже о связи поколений, концентрированнее, чем в городе. В городе человек одновременно принадлежит ко многим социальным общностям – семья, трудовой коллектив, профессиональное сообщество, национальность, религиозная группа, социальная группа, различные неформальные объединения. Он постоянно переходит от одной социальной роли к другой. Системы норм в этих группах зачастую различаются, и человек вынужден постоянно меняться. От него, с одной стороны, «требуется быстрая переключаемость с норм, принятых при одних формах общения, на другие», с другой – «наблюдается когнитивная перегрузка: интенсивность физического («городская толчея») и эмоционального общения, свойственная городской среде, порождает усталость и приводит к некоторому истощению нервной энергии»[179]. Однако подобное многообразие, предоставляющее человеку свободу выбора, одновременно с этим порождает и чувство одиночества[180]. Город, благодаря наличию «третьих мест», скорее пытается

---

[179] *Горнова Г.В.* Понятие город в аспекте философии культуры // Гуманитарные исследования. 2013. № 1.

[180] О чувстве одиночества и процессах атомизации городского жителя писали многие исследователи, как отечественные, так и зарубежные. Пожалуй, впервые на теоретическом уровне данный процесс описал Э. Дюркгейм, проанализировав явление социальной аномии и выделив среди самоубийств «эгоистические». Из современных исследователей можно назвать З. Баумана («Индивидуализированное общество» (2001)); Г.В. Горнова («Антиномии города» (2011)).

преодолеть свойственную ему атомизацию и отчуждение жителей друг от друга.

С одной стороны, желание горожан жить в этом городе, быть связанным со своим городом, гордиться им связано с проблемой *городской идентичности* как локальной формы территориальной идентичности. Г.В. Горнова отмечает, что «городская идентичность – это устойчивое представление человека о себе как о жителе именно этого города, естественное ощущение своей связи с городом, эмоциональное отношение к факту собственной соотнесенности с городом и его жителями, некое сложно артикулируемое чувство общей судьбы»[181]. Это важно с практической стороны, так как идентификация и самоидентификация – это и когнитивный, и психологический, и эмоциональный, и ценностно-мировоззренческий процесс, который в конечном счете определяет выбор человека: хочу ли я жить в этом городе, готов ли я приложить усилия и что-то изменить к лучшему, или мне следует искать свое место в жизни в другом городе. «Таким образом, идентичность сама по себе как центральная категория круга мировоззренческих понятий в форме локальной идентичности – городской идентичности – затрагивает смысложизненные вопросы существования человека, но при этом ответы на них обращены не только и не столько к самому человеку, сколько содержат обращение «Urbi et orbi» – к городу и миру»[182].

С другой стороны, выделив одну из функций, названных Ольденбургом, – развитие чувства принадлежности к данному месту и сообществу, можно уточнить, и мы получим признак, который представляется нам ключевым и специфичным именно для городских общественных пространств. Городские общественные пространства

---

[181] *Горнова Г.В.* Структура городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 14–16.
[182] Там же.

воспроизводят не только свой функционал и не просто коммуникационные пространства – они *формируют новые типы идентификации человека.*

Человек как природное существо детерминирован рядом факторов. Это его пол, возраст, психотип, внешность, состояние здоровья, наследственность и т. п. Как социальное существо он тоже в основном детерминирован – своим классом, гендером, социальными группами, имущественным положением, воспитанием и т. д. И бремя этих детерминирующих идентификаций он должен пронести через всю жизнь, они определяют его место в социальной структуре, в политическом и экономическом пространствах – где и среди кого он будет жить и функционировать.

Только попадая в общественное пространство города, он частично освобождается от принудительной заданности своего бытия. Груз детерминант не исчезает, но частично нейтрализуется, потому что в каждом месте, в каждой практике возникают новые идентификации: во время политических и гражданских акций все становятся гражданами, на параде – все победители, в церкви – все дети Божьи, в театре – все зрители, на выставке – все ценители искусства (даже тот, кто не является знатоком, самим местом поставлен в позицию эксперта). Парк – одно из самых многофункциональных общественных пространств, здесь можно прогуливаться, отдыхать, играть, назначать свидания и встречи, заниматься спортом, фотографироваться, и сам этот веер подвижных, может быть, сиюминутных ролей складывается в зыбкую идентификацию «человек в парке» или «посетитель парка». Несмотря на всю зыбкость, благодаря тому, что представители этой идентификации находятся в ограниченном пространстве, мы можем их посчитать и выяснить, что в 2010 г. в Москве было 10 млн посетителей парков, а в 2014 г. стало 35,7 млн[183].

---

[183] О выполнении государственной программы «Развитие индустрии отдыха и туризма на 2012–2018 годы» // Департамент культуры города Москвы. Март 2016 [Электронный ресурс]: URL:

В отличие от детерминирующих характеристик подобные общности возникают только в данном пространстве. В них можно входить и из них выходить, это подвижные идентификации – и вместе с ощущением причастности и единения они дают человеку ощущение свободы.

Британский социолог Джон Урри отмечает особое место тротуаров и других прогулочных площадок, поскольку телесная активность свободно передвигающегося человека – практика, наиболее утверждающая социальное равенство всех членов общества. «Ходьба также является самой “эгалитарной” из всех систем мобильности. Хотя прогулка и маркирована классовой, гендерной, этнической и возрастной принадлежностью и на возможность пешего хождения сильно влияет доступность технологий, все же в этой системе мобильности социального неравенства гораздо меньше, чем в остальных. При прочих равных, чем мощнее пешеходная система, тем меньше социального неравенства в обществе. Можно сказать, что тротуары и тропы для “общества” значительно полезней, чем кресла и автомобили»[184].

Общественные пространства и коллективные нетрудовые практики в селе и в деревне тоже выполняют аналогичную – компенсирующую и освобождающую – роль, но там они более синкретичны и их не так много. В городе общественные практики дифференцированы и специализированы, как и все остальное – социальные стратификации, разделение ремесел, а затем индустриальных форм производства и т. д. «Воздух города» или «стены города делают человека свободным», говорили в Средние века, но освобождают не воздух и не стены, а общественная среда, которая формируется не во дворцах, не в хижинах, не в казармах, не в мастерских, не на заводах, где жизнь детерминирована и функциональна, а в городских общественных пространствах и происходящих там действах.

---

http://kultura.mos.ru/upload_local/iblock/30b/30bb380c84309e7dd99399cd8f29fee7/riot_itogi_2015_9.pdf

[184] *Урри Дж.* Мобильности. М., 2012. С. 197–198.

Теперь можно сформулировать понимание сущности того, что есть такое «городские общественные пространства» – это городские территории, как правило, не находящиеся в частном владении, потенциально доступные всем членам городского сообщества, выполняющие общественно полезные функции, способствующие коммуникации и солидарным действиям горожан, формирующие и воспроизводящие городские идентичности.

Это близко тому определению, которое дает нормативный документ ЮНЕСКО 2015 года: «Общественные пространства – это все места и пространства, находящиеся в государственной или общественной собственности или предназначенные для общественного использования; являющиеся доступными и привлекательными для всех без входной платы и не предполагающие извлечения прибыли. Общественные пространства являются ключевым элементом индивидуального и социального благополучия, местами коллективной жизни сообщества, выражения их общности и разнообразия, природного и культурного богатства и основой их идентичности. <…> Сообщество познает себя в своих общественных пространствах и стремится к улучшению их качества»[185].

Рассматривая некоторые особенности эволюции и трансформации городских общественных пространств и их современное состояние, мы видим, что они соединяют в себе немало противоречий. Их недостатки нередко являются продолжением их достоинств: общедоступные площадки могут оказаться территориями этнической или имущественной сегрегации; места мирных спортивных состязаний превращаются в места выплесков коллективной агрессии; скопление большого числа людей в одном месте – привлекательная мишень для терроризма и т. д. Мы отметили и то, что у общественных пространств сегодня появились новые проблемы, такие как

---

[185] Global Public Space Toolkit: From Global Principles to Local Policies and Practice 2015 [Электронныйресурс]:URL.:https://unhabitat.org/wp-content/uploads/2015/10/Global%20Public%20Space%20Toolkit.pdf

коммерциализация и появление виртуального соперника в лице Интернета, стремительно перетягивающего на себя функцию организатора публичной сферы.

Реальное значение того или иного пространства определяется в первую очередь тем, насколько оно востребовано обществом, а также теми практиками и смыслами, которые воспроизводятся в нем. Относясь к городским общественным пространствам только как к определенной территории, невозможно понять их суть. Каждое городское общественное пространство имеется свой *функционал* – комплекс практик, которые ежедневно или периодически там воспроизводятся. С нашей точки зрения, при определении понятия «городское общественное пространство» целесообразно сделать акцент именно на тех функциях, которые выполняют городские общественные пространства. Это не только позволяет отличить, например, «городские общественные пространства» и «сельские общественные пространства», чей функционал хотя и похож, но не идентичен, но и зафиксировать системообразующую роль общественных пространств в процессе формирования городской идентичности. Тем более, что городская идентичность не сводима к классической локальной идентичности (чувству принадлежности к определенной территории, в данном случае, городу). Городские общественные пространства формируют новые типы идентичности – подвижные и вместе с ощущением причастности и единения они дают человеку ощущение свободы. Базовая, онтологическая роль городских общественных пространств остается неизменной – они воспроизводят городское сообщество как сообщество свободных людей, поведение и поступки которых не сводимы только лишь к их социальным ролям и функциям.

2.3. Аксиологические основания развития городских общественных пространств

Городские общественные пространства переживают трансформации – меняется их функционал, необщественные пространства преобразуются в общественные и наоборот, к одним пространствам горожане теряют интерес, другие успешно завоевывают популярность и становятся центрами городского притяжения. Чтобы сориентироваться в этой динамике, нужно понять, как наши объекты возникают и как они воспроизводятся.

В принципе, существуют три способа возникновения городских пространств – стихийная самоорганизация, проектирование. Третий способ – комбинированный: реорганизация, перепланировка и перепрофилирование уже существующих пространств. Агора – рыночная площадь в городах Древней Греции, одновременно служившая средоточием религиозной, политической и деловой жизни, – в самых древних городах формировалась довольно бессистемно. Вокруг открытого пространства выстраивались святилища, общественные здания и торговые ряды. В эллинистическую эпоху агора уже планировалась по определенному стандарту. Афинская агора, судя по всему, первоначально не имевшая никакого плана, была перестроена во II в. до н. э. и на современных реконструкциях имеет более рациональный и «классический» вид. В последующие эпохи мы имеем много примеров упорядочения ранней стихийной застройки городов, такие как деятельность императора Карла IV в Праге в XIV веке, предопределившая развитие города на столетия вперед, или перестройка Парижа по проекту барона Османа в XIX веке, решавшая многочисленные задачи – от того, как соединить пешеходные пути и стремительно развивающееся движение городского транспорта, до того, как сделать невозможным повторение баррикадных боев на парижских улицах.

В наши дни пространства, которые устойчиво воспроизводятся, сохраняя свой функционал, не требуют от городской власти активного вмешательства – для них достаточно механизмов мягкого регулирования, проведения ремонта и других поддерживающих мер.

Но в ситуации, когда общественные пространства теряют действовавший функционал, общественную привлекательность, становятся нерентабельными и отягощающими городской бюджет либо, наоборот, обнаруживают потенциал нового роста, а также если возникают общественные угрозы, связанные с данными пространствами (терроризм), появляется необходимость в административном вмешательстве и переходе к активному управлению их развитием.

Управление – это всегда выбор между альтернативами: что отсечь, что ввести, куда направить, во что вкладывать ресурсы? Все решения, которые принимаются в ситуации выбора, основываются на ценностях. Именно более важная ценность определяет предпочтительное решение.

Но мыслить город объективно невозможно. Образ города в сознании управленца всегда является результатом некой рефлексии и представляет собой конструкцию. «В свою очередь, та или иная когнитивная модель города, т.е. форма его представленности в сознании, задаёт форму его восприятия, видения, а значит, и способ «работы» с ним, т.е. систему решений по организации и управлению городской жизнью. Получается, что перцептивно мы можем жить в альтернативных мирах, принимая различные «наборы», или различные каноны репрезентации для различных контекстов»[186]. Это и хорошо, и плохо одновременно. С одной стороны, альтернативные концепции могут приходить в противоречие друг с другом.

[186] *Пирогов С.В.* Город как феномен культуры: когнитивные подход // Вестник Томского государственного университета. 2011. №2. С. 36.

С другой – «перцептивная альтернатива делает возможной практическую альтернативу»[187].

А.А. Высоковский, много размышлявший о том, какие ценности выражены в городской жизни, предполагал, что существуют ценности особого рода, упорядочивающие бытование, поведение и деятельность человека в географическом пространстве[188]. Он определял их как «…материальные и ментальные конструкции одновременно, объекты, сцепленные со значениями. И действуют они в среде обитания человека, по нашему определению также являющейся соединением материального, искусственного и природного окружения с жизнедеятельностью, сознанием и духовностью обитающих в нем людей»[189]. Для описания города и городского общественного пространства может быть использована широкая ценностная шкала. Ее максимальное значение – это совокупность материально-духовных ценностей культуры, сконцентрированных в городе, а минимальное – субъективные ценности и предпочтения горожанина. А между ними располагаются ценностные поля тех, кто исследует городские проблемы и решает их. Вся эта мозаика ценностей оказывается очень сложной для научного анализа и рефлексии. Для человека, профессионально занятого в сфере управления городом, выбор приоритетов в системе ценностей чрезвычайно сложен. Планировка города включает в себя понятие «пространственные ценности».

Пространственные ценности – не абстракции, которыми оперирует классическая аксиология (религиозность, нравственность, красота, целесообразность, удовольствие и т. д.[190]). Они выражены в самой структуре планировки городов и являются своеобразными «точками отсчета» любой

---

[187] Там же.
[188] *Высоковский А. А.* Сочинения: В 3 т. Т. I. Theory. С. 110–115; Т. III. Public. С. 27–29.
[189] Там же. С. 110.
[190] *Шохин В.К.* Аксиология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 62–67.

освоенной территории. Так, центром древнегреческой ойкумены был храм Аполлона в Дельфах, где упал омфал («пуп») – камень (скорее всего, метеоритного происхождения), определивший центр Земли. Оракул, находившийся в этом храме, осуществлял связь человеческого мира с миром богов, и ни одно важное событие не начиналось без обращения за предсказанием оракула. Также агора, как было показано в первой главе, – центр греческого города – могла складываться стихийно, но сама она была выражением общественного, экономического и мифопоэтического сознания жителей греческого полиса. Другие точки отсчета – мандала в древней и современной Индии, круг с вписанным в него квадратом, обозначающие Вселенную в ее целостности, или практика фэн-шуй в странах Дальнего Востока, упорядочивающая потоки энергии, чтобы сделать их благоприятными для человека. «Поведение горожан в городе, их образные представления, коммуникации между людьми и городом также опираются на особую точку городского пространства – место, являющееся началом и главным смыслом города, вокруг которого разворачиваются основные средовые ценности и сюжеты сообщества»[191].

Вслед за Э. Панофским можно выявить общие идеи, выраженные в высокой готике и в схоластической философии[192], и в ценностной революции, которую произвели мыслители и строители Ренессанса[193]. Барокко, классицизм, романтизм, модерн, авангард, постмодернизм – каждая эпоха находила новые формы для пространственной реализации новых смыслов, которые открывало развитие западного общества и в общем фарватере которых развивалось и российское общество нового времени.

Вместе с тем ценности, выраженные в городской планировке и архитектуре, неоднородны.

---

[191] *Высоковский А.А.* Сочинения: В 3 т. Т. I. Theory. М., 2015. С. 112.
[192] *Панофский Э.* Готическая архитектура и схоластика // Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004.
[193] *Панофский Э.* Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб., 2006.

Одна из главных проблем городской среды, говорит Высоковский, состоит в том, что «…негативные черты в городе – шум, загрязненность, теснота, небезопасность улиц, чрезмерная трата времени на перемещения и многие другие – неустранимы и вечны, как и сам город»[194]. Примирить негативное с позитивным горожанину помогает психологический механизм, который исследователь назвал *компенсаторной механикой оценки и создания среды*. Горожане выстраивают свое отношение к тем или иным местам, одновременно используя две конкурирующие ценностные шкалы. Первая задается главным местом города, как правило, его центром. «Данная шкала удерживает ценность коллективного, публичного начала в городе»[195]. Не случайно стоимость жилья и аренды пространств тем выше, чем они ближе к центру, к наиболее важным административным, культурным, торговым, коммуникационным объектам города.

«Вторая шкала задается ценностью персонального мира человека. Это шкала ценностей приватной, индивидуальной жизни, связанная с квартирой, дачей, старой квартирой родителей, двором, кварталом. В отличие от общей для всех точки отсчета по ценностной шкале публичности для этой шкалы характерна множественность локализаций точек отсчета. Ценность персонального, приватного пространства отсчитывается от себя самого и от коллективного тела семьи. Здесь ценятся совершенно иные смыслы жизни в городе – тишина, близость природного окружения, обилие зелени, ограниченность доступа на жилую территорию»[196].

Компенсаторная механика обеспечивает баланс этих ценностей. Более высокие оценки места по одной шкале неизбежно оказываются низкими по другой. Планирование, проектирование и управление городской средой

---

[194] *Высоковский А. А.* Сочинения: В 3 т. Т. III. Public. М., 2015. С. 23.
[195] Там же. С. 28.
[196] Там же.

должно опираться на понимание этих компенсаций, и это непосредственно определяет структуру и субординацию общественных пространств.

Описанные А.А. Высоковским ценностная шкала 1 и ценностная шкала 2 напоминают понятия «культура 1» и «культура 2», введенные историком архитектуры В.З. Паперным, только с перевернутыми индексами. Его знаменитая книга «Культура Два»[197] – близкое к исчерпывающему исследование российских ценностных концептов, выраженных в архитектуре и проектировании городских пространств в новое время (отсчитывая от Петровских реформ).

Характерная черта «культуры 2» (и типологически родственных ей тоталитарных культур) – отчуждение архитектуры и городского проектирования от практической задачи обеспечить людей удобным жильем, местами общения и отдыха. «Массовая архитектура (в старом значении этого слова) стала здесь частью архитектуры общественной, обслуживающей не частные интересы индивидуума, а общество в целом и выражающей высокие идеалы коллектива. Поэтому любое сооружение, независимо от его утилитарного назначения, начинает рассматриваться прежде всего как эстетический объект»[198]. Городская архитектура всегда отражает существующую общественную систему ценностей, но ярче всего это можно обнаружить в архитектуре тоталитарных обществ. В иерархии ценностей городской архитектуры начинают доминировать идеологические, а утилитарные отходят на второй план. Такое обособление идеологической функции от утилитарной происходило в Советском Союзе. «По генеральным планам реконструкции Москвы, первый из которых был принят еще в 1922 году, а также и других городов, огромная часть жилого фонда предназначалась на снос, средства на его реставрацию, капитальный ремонт и благоустройство сознательно не отпускались десятилетиями, и постепенно

---

[197] *Паперный В.З.* Культура Два. М., 2006.
[198] *Голомшток И.Н.* Тоталитарное искусство. М., 1994. С. 242.

он приходил в упадок по всей стране. По официальным нормам на душу населения полагалось четыре квадратных метра жилой площади, но на деле мало кто имел возможность пользоваться даже таким минимумом. Большинство городского населения обитало в коммунальных квартирах, так что в одной небольшой комнате обычно ютилась семья из 3–5 человек, а на 5–7–10 таких комнат приходилась одна кухня и одна уборная. Потребность простых людей в элементарных удобствах тоталитаризм относил к маленьким меняющимся нуждам повседневной жизни, которые ничто перед лицом вечности»[199]. Ситуация была усугублена тем, что около трети всего жилого фонда СССР было разрушено в годы войны.

Массовое строительство жилья в хрущевский период означало отход от ценностной системы «культуры 2». Власть, говоря политологическим языком, была вынуждена перейти от тоталитаризма к авторитаризму, потому что истощение человеческих ресурсов в результате репрессий и войны ставило на грань катастрофы всю политическую систему. Утилитарные вопросы пришлось решать: как расселить людей, как их накормить, как обеспечить им отдых и досуг? С 1955 по 1970 год общая жилая площадь в стране удвоилась, благодаря чему около 127 млн человек переехали в новые квартиры с отдельной кухней, которая, по словам М.А. Трудолюбова, стала «…одной из важнейших арен сражения между капитализмом и коммунизмом. Она оказалась местом рождения советской публичной сферы, точно так же, как английские кофехаузы и французские салоны XVII–XVIII веков были пространствами, где, по Хабермасу, родилась “буржуазная” публичная сфера»[200].

Объяснение сходства первой шкалы Высоковского с «культурой 2», а второй шкалы – с «культурой 1» видится нам, конечно, не в том, что

---

[199] *Голомшток И.Н.* Тоталитарное искусство. М., 1994. С. 250.

[200] *Трудолюбов М.*А. Русский ордер: архитектура, счастье и порядок // Институт «Стрелка». М., 2014 [Электронный ресурс]: URL: http://strelka.com/ru/press/books/russian-order. (Дата обращения: 13.09.2017).

современный урбанист сознательно или бессознательно воспроизвел архетипы, свойственные отечественной культуре, а скорее в том, что «культура 2» – не специфически российское явление, а проявление нарушенного в российской культуре *баланса ценностей*. Нам свойственно впадать в крайние формы, и вместо того чтобы одно компенсировалось другим, у нас попеременно то одна, то другая шкала «зашкаливает». Но то, что в советское время выражалось достаточно системно (доминирование «культуры 1» в 1917–1932 гг., «культуры 2» в 1932–1954 гг., затем снова отход к «культуре 1»), в 2000-е годы стало проявляться более беспорядочно и подчас гротескно, как в истории с памятником Петру I и некоторых других строений, оставшихся примером творчества чиновников, а не решения актуальных задач города.

Актуальная ценностная повестка для сегодняшних российских городов (и, разумеется, не только российских) – понижение прессинга во всех его формах, административных, энергетических, информационных, транспортных и прочих. Многое говорится о необходимости экологичного отношения к природе, страдающей от антропогенных нагрузок и перегрузок, но экологичного отношения заслуживает и сам человек, страдающий от перегрузок техногенных и социогенных.

Главной целью города становится внимание к горожанину и его интересам, создание возможностей для его разносторонней самореализации. Такому типу городской среды соответствует рыночная экономика, активная поддержка малого бизнеса, демократические установки в принятии решений, толерантное отношение к разным культурам и образам жизни.

Когда мы приезжаем в сегодняшние европейские города, в Берлин, в Барселону, в Прагу, даже в маленькие городки, мы везде видим, что европейские ценности – не слова, а практики, нашедшие те самые пространственные воплощения, о которых говорил А. А. Высоковский. Это

прежде всего выравнивание стандартов жизни и инклюзия – свободный, удобный и привлекательный доступ для всех.

Город становится осмысленным человеческим и общественным пространством, когда сами горожане формируют позитивную городскую повестку. Самые живые города – те, в которых действуют механизмы самоорганизации, самые мертвые – те, которые целиком родились в головах чиновников, учила Джейн Джекобс.

Вовлечение людей в ответственность за свой город и за то, что в нем происходит, – в этом видят важную роль общественных пространств авторы доклада «Мировые города 2016: Урбанизация и развитие – планирование и регулирование надвигающегося будущего общественных пространств», подготовленного экспертами британской компании BOP Consulting на основе данных, предоставленных городами-участниками Культурного форума мировых городов: «Доступ к общественным открытым пространствам и их использование является и первым, физическим, и одновременно весьма символичным шагом в сторону расширения гражданских прав и возможностей, расширения доступа людей к институциональным и политическим пространствам. Хорошо продуманные и ухоженные улицы и общественные пространства приводят к снижению уровня преступности и насилия. Общественные пространства могут сделать города более успешными и процветающими, изменить жизнь горожан и сам образ города. В более общем плане, жителям легче проявлять себя в условиях более гибкой городской среды, создавая чувство гражданской общности и принадлежности для нынешних и будущих поколений, которые должны расти для будущего включенного управления»[201].

Таким образом, анализ, проведенный в данной главе, позволяет сделать вывод, что многообразный и исторически подвижный функционал городских

[201] World Cities Report 2016: Urbanization and Development. Emerging Futures Public space planning and regulations. New York: The United Nations, 2016.

общественных пространств обусловлен аксиологическими доминантами, играющими ключевую роль в формировании идентичности горожанина и города. Благодаря этому именно в городских общественных пространствах, а не в административных, рабочих или жилых пространствах города городское сообщество воспроизводится как феномен, как уникальное целое.

Глава 3. Трансформация социально-культурных практик в городских общественных пространствах

3.1. Современный мегаполис в управленческой перспективе: случай Москвы в контексте мировых тенденций

Городская культурная политика – сфера управленческой деятельности, возникающая на пересечении двух более масштабных сфер. С одной стороны, это одно из направлений *городской политики*[202], которое тесно связано с градостроительной, экономической и социальной политикой; с другой, – это воплощение *государственной культурной политики*[203] в локусе города.

Естественно, что городская культурная политика должна выстраиваться в соответствии с разработанными моделями городской политики в целом и федеральной культурной политики. Ее концепция – реализация двух более общих концепций, адаптированная к условиям конкретного города. Парадокс московской культурной политики в начале 2010-х годов состоял в том, что после смены городской власти Москва стала экспериментальной площадкой, на которой были впервые опробованы как новые модели городского управления, так и новые подходы к культурной политике[204].

---

[202] Различным теоретическим подходам к исследованию городской политики посвящена глава «Городская политика и управление городом» в монографии Е.Г. Трубиной «Город в теории» (с. 314–355).

[203] Обзоры интерпретаций понятия «культурная политика» можно найти в журнале Министерства культуры РФ «Ориентиры культурной политики», выходившем с 1995 г., сборниках «Теоретические основания культурной политики» (1993), «Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры» (2002), статьях А.Я. Флиера, Л.Е. Вострякова и др.

[204] Программа, с которой непосредственно начинались преобразования городских общественных пространств, не имела прямого отношения к культурной политике, это

Главное направление городской политики в области культуры мэр Москвы С.С. Собянин определил как «децентрализацию культурной жизни». Идея децентрализации – передачи полномочий по организации культурного процесса на местный уровень, приближенно к конечному потребителю бюджетной услуги – горожанину, лежала в русле управленческого тренда всех крупнейших городов мира.

На два-три десятилетия раньше этот путь прошли и европейские города. «В англоязычных дискуссиях о городской политике различают *городское правительство (urban government)* и *городское управление (urban governance)*. Первый термин – городское правительство – подчеркивает, что традиционно управление городом велось из единого центра, который сам был встроен в иерархию вышестоящих правительств и воплощал вертикальный принцип управления. Второй термин куда более сложен, им обозначают *принцип управления городом*, в который вовлечены разнообразные *партнерства*»[205]. Партнерами федеральных и региональных органов управления выступают самые разнообразные инстанции: бизнес, некоммерческие организации, городские общественные движения, массмедиа и т. д.

В культуре это означало отход от патерналистской модели, сохранившейся с советского периода. Альтернативная, партнерская модель представляла собой «инновационный подход для нашей страны» и

была Государственная программа г. Москвы «Развитие инфраструктуры туризма и отдыха на 2012–2018 годы» (октябрь 2011). Более поздние документы – программы городского развития «Культура Москвы 2012–2016 годов» (сентябрь 2011, изменения вносились ежегодно с 2012 по 2016 год, в частности, в июле 2014 года название программы было изменено на «Культура Москвы на 2012–2018 годы»), «Москва – город, удобный для жизни» (июнь 2013) и федеральных документах «Проект “Основ государственной культурной политики”» (май 2014), «Основы государственной культурной политики» (декабрь 2014), «Стратегия государственной культурной политики» (февраль 2016).

[205] *Трубина Е.Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2013. С. 332–333 (курсивы автора).

основывалась на убеждении, что «…культура может перейти с позиции “просителя” денег у государства на позицию “развития за счет собственных усилий”»[206]. Если в патерналистской модели базовой функцией культуры было продвижение официальной идеологии и именно это делало ее «содержанкой» бюджета, независимой от требований экономической эффективности, то в креативной экономике XXI века культура стала рассматриваться как активный двигатель экономического развития, локомотив развития городов и средство решения социальных проблем, увеличения занятости, ревитализации заброшенных промышленных территорий и т.д. (работы Дж. Хокинса, Ч. Лэндри и других)[207].

Очевидно, что Москва – столица крупнейшего государства, средоточие всей урбанистической и культурной жизни страны, город с богатой историей, уникальными историческими, архитектурными, культурными памятниками, ведущими музеями, театрами, концертными залами и библиотеками страны. Поэтому для нее характерны все те проблемы обычных городов и мегаполисов, в частности связанные с модернизацией, которые были описаны в 1-й и 2-й главах (стандартизация, формализация, гомогенизация, анонимизация многих сторон жизни и др.). Но описанные проблемы городских общественных пространств дополнялись проблемами, характерными именно для городов постсоветской России.

Своеобразие пространств, обжитых человеком, определяется не только их функциональными и эстетическими характеристиками (для чего они используются и как они выглядят), в них отражены и воплощены ценности людей, живущих в этих пространствах. Город вбирает в себя смыслы пережитых им исторических эпох и сохраняет их в структуре планировки и

---

[206] *Вострыков Л.Е.* Культурная политика: концепции, понятия, модели // Культура на границах. М., 2004. С. 31.

[207] *Хокинс Дж.* Креативная экономика: Как превратить идеи в деньги. М., 2011; *Лэндри Ч.* Креативный город. М., 2006; *Пахтер М., Лэндри Ч.* Культура на перепутье. М., 2000.

формах застройки. Особенность России и других постсоветских государств в том, что на протяжении одного столетия они пережили по крайней мере два исторических слома, каждый из которых приводил к радикальным политическим, экономическим и культурным трансформациям. Но внутри этих больших периодов происходили не сразу очевидные ценностные изменения, отразившиеся и на структуре и облике городов.

В советский период в столице была создана развитая сеть общественных и культурных пространств, парковых и зеленых зон, но эти пространства и проводившиеся в них мероприятия были подчинены ценностям и целям власти, которая стремилась преобразовать гетерогенное общество в единую, гомогенную и управляемую общность («советский народ»). Пространства и публичные действа должны были выражать ценности коллективизма и единодушного сплочения; поведение «широкой аудитории» строго регламентировалось, а любое несанкционированное использование общественных пространств пресекалось. Ограниченный набор форм, казалось бы, активного поведения (поход на демонстрацию, участие в городском празднике, посещение экскурсий, выставок, аттракционов, занятия спортом и т. п.) был, по сути, пассивным и в значительной мере принудительным. В реальности городские праздники, ориентированные на «широкую аудиторию» и «широкие слои населения», привлекали лишь часть москвичей, в то время как многие другие жители старались не посещать районы проведения мероприятия или вовсе покидали город на время массовых гуляний.

Ценностно-пространственные характеристики городской планировки и архитектуры советского периода глубоко проанализированы в исследовании В.З. Паперного «Культура Два». В книге рассматриваются две сменяющие друг друга тенденции – «горизонтальная», уравнительная «культура 1» и «вертикальная», иерархически организованная «культура 2», которые в

значительной степени определяются тем, как власть взаимодействует с населением. Горизонтальность «культуры 1» означает, что «…ценности периферии становятся выше ценностей центра. И сознание людей, и сами эти люди устремляются в горизонтальном направлении, от центра. <…> Культура 2 характеризуется перемещением ценностей в центр. Общество застывает и кристаллизуется»[208].

Понятие «культуры 1» конструируется исследователем на материале 1920-х годов, оформление и утверждение ценностей «культуры 2» связано со «сталинским» периодом 1932–1954 годов, затем идет длительная волна пространственного «растекания», связанная с ослаблением властного контроля при вождях: от Хрущева до Горбачева, последний из которых потерял и саму власть. При этом элементы «культуры 2» в том или ином «облегченном» виде продолжали проявляться.

Постсоветский период в градостроении тоже имел вполне отчетливый ценностный вектор – он стал визуально-деятельностным воплощением новой рыночной экономики. Многие общественные пространства, от ВДНХ и стадионов до небольших домов культуры и кинотеатров, стали превращаться в вещевые рынки (в советское время вещевой рынок или «барахолка», как правило, располагались на окраинах города), а зеленые зоны просто исчезли под массовой застройкой – на их месте выросли торгово-развлекательные центры, бизнес-центры и многоэтажные жилые дома.

Новая экономическая реальность должна была найти свой культурный язык, который не был бы языком «культуры 1» или «культуры 2» с их утопическим и сервилистским пафосом[209].

---

[208] *Паперный В.З.* Культура Два. М., 2006. С. 20.

[209] В.З. Паперный показывает, что «культура 1» советских 20-х годов не была демократической и антитоталитарной: «Манифест коммунистов-футуристов, например, прямо предполагал “отбросить все демократические иллюзии” и подчинить культуру

Хотя в 1990-е появляются оригинальные работы отечественных урбанистов по проектированию городской среды (в частности, В.Л. Глазычев защищает в 1991 г. докторскую диссертацию «Культурный потенциал городской среды»), основным трендом развития крупных российских городов становится *джентрификация* – «*…вложения в городское пространство для того, чтобы сделать его привлекательным для состоятельных людей* <…> возведение корпоративных небоскребов, рост коттеджных поселков в городах и за их пределами, отгороженные элитные дома и комплексы домов с ограниченным доступом пешеходов и автомобилей и усиленной охраной (gated communities), а также сети влиятельных игроков рынка недвижимости, включающие муниципалитеты, девелоперские фирмы и так далее, которые принимают решения о том, в какой район прийти»[210]. Джентрификация – яркий пример эволюции городского пространства, который связан с изменением ценностных ориентиров общества. Другие ценности предполагают и другие социокультурные практики.

Социальный антрополог, профессор кафедры социальной философии Уральского федерального университета Е.Г. Трубина так характеризует этот процесс в Москве: «С начала 1990-х Москва воплощает общий урбанистический тезис, что стремление получить максимум прибыли от недвижимости не только отражается в стоимости земли, но и стимулирует способы ее использования, которые сулят наивысшую коммерческую отдачу. В Москве сложились самые коммерческие способы приобретения и перестройки недвижимости, воплощения полномасштабных строительных

“новой идеологии” <…> Любовь нового искусства к власти и властям отмечалась неоднократно» (*Паперный В. З.* Указ. соч. С. 15).

[210] *Трубина Е.Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2013. С. 296.

проектов и связанной с ним спекулятивной деятельности»[211]. В Москве – как эпицентре этих событий, взаимосвязь трансформаций городских общественных пространств и смены ценностных ориентиров проявлялась особенно ярко. Именно поэтому в описанном выше процессе общественные пространства как необходимая часть города и городская ценность оказывались последним приоритетом – они либо приносились в жертву коммерческим интересам девелоперов, либо приходили в упадок. Москва превратилась в город, где преобладает жилая и коммерческая недвижимость, центр перегружен автомобилями и навязчивой рекламой, и ни для прогулок, ни для перемещения пешеходов он стал неприспособлен, а основным местом проведения досуга москвичей и де-факто работающими общественными пространствами оказались торговые центры.

Подобные процессы проходили и в западноевропейских городах. Еще в конце XX века урбанисты писали о снижении роли общественных пространств городов. Проблеме коммерциализации общественных пространств много внимания уделял З. Бауман, отдельно выделявший среди общественных пространств «значимые места», «не-места» и места потребления (магазины и ТРЦ)[212]. Такие коммерциализированные пространства он называл псевдо-общественными пространствами.

В 2011 году экспертами Департамента культуры был проведен анализ общих городских и собственно культурных проблем столицы. Эксперты отметили, что для Москвы характерно экстенсивное развитие. Городское пространство организуется по экстенсивному принципу «умножения сущностей» (денег, автомобилей, строений), тогда как качество среды не меняется. Одна из причин такого явления – устаревшие принципы городского управления «сверху вниз» вопреки мировой тенденции

---

[211] Там же.
[212] *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008. С. 103–119.

заполнения городских пространств «снизу» – через создание локальных бизнесов, проведение культурных и общественных событий и т. д.

Для целей нашего исследования важно отметить факт дефицита так называемых «зон комфорта». Москва 1990-х–2000-х была в большей степени местом зарабатывания денег, чем местом для жизни. Ситуация усугублялась ограниченной мобильностью и «маятниковой миграцией» в пределах города – сосредоточение офисов, культурных учреждений и торгово-развлекательных центров внутри Кольцевой дороги, вынуждающие людей с окраин постоянно «мигрировать» взад-вперед. Кроме того, несмотря на три генеральных плана развития Москвы (1971, 1999 и 2007 гг.), принимавшихся после сталинского генплана 1935 года, культурная инфраструктура столицы почти не менялась – порядка 80% учреждений культуры, прежде всего ориентированных на традиционные виды искусств и высокую культуру (театры, музеи, концертные площадки), по-прежнему находились в пределах Садового кольца, население которого составляет не более 6,8% от всего населения города. Это имеет серьезные последствия. Образ жизни москвичей характеризуется дефицитом свободного времени: в среднем это 23 часа в неделю, тогда как в США или Европе эта цифра составляет 35 часов[213]. Из-за дороговизны городского жилья, загруженности транспортной сети и значительных расстояний две трети активного населения города проводят в пути от дома до работы или места учебы более часа. При этом порядка 60% москвичей (в первую очередь это дети и подростки, пенсионеры, матери с маленькими детьми, маломобильные группы горожан) вообще не покидают пределы своего района в течение рабочей недели[214]. Сосредоточение элитных культурных учреждений в центре города затрудняет доступ к ним для значительной части горожан.

---

[213] Группы участников культурной жизни Москвы. М., 2013. С. 12.
[214] Археология периферии. М., 2013. С. 402.

Плохая экология – достаточно суровые климатические условия, наличие производств в городской черте, транспортный коллапс – все это лишь усугубляло ситуацию.

В целом можно констатировать наличие несоответствия Москвы того времени требованиям, предъявляемым к социально-культурной среде столичных городов. Как результат – низкий уровень в мировых рейтингах с репутацией одного из самых недружелюбных, некомфортных и дорогих городов планеты. Москва оказывалась непривлекательной и для туристов. Для иностранцев Москва оставалась городом «одного посещения», когда путешественник приезжает на короткое время, осматривает достопримечательности и уезжает из-за негостеприимности среды, отсутствия безопасности и адекватных предложений для досуга; для многих россиян — это слишком дорогой город.

Все эти факторы способствовали тому, что учреждения культуры и городские пространства в целом посещались москвичами редко. В монографии В.А. Есакова «Мегаполис и его культура» описана ситуация середины «нулевых»: «Вообще москвичи стали реже посещать выставки, стадионы, театры, музеи, концерты, и 10% тех, кто стал посещать учреждения культуры реже, указали в качестве причины этого “далеко ехать (идти)”»[215]. Автор ссылается на данные исследования, проведенного Комитетом по телекоммуникациям и средствам массовой информации г. Москвы в 2005 г. Другой причиной падения посещаемости учреждений культуры в этом исследовании называется дороговизна услуг – ее отметили 28% респондентов.

Большинство учреждений культуры все еще были государственные и работали по старинке, предоставляя консервативный спектр услуг. Это в первую очередь федеральные учреждения культуры – Большой театр,

[215] *Есаков В.А.* Мегаполис и его культура (на примере Москвы). М., 2009. С. 38.

Третьяковская галерея, ГМИИ им. А.С. Пушкина, музеи Кремля, Российская государственная библиотека и другие ключевые институции федерального значения. Все они сосредоточены в центре Москвы и для многих горожан и приезжих тоже оказывались местами «одного посещения», где необходимо «отметиться», но стимула прийти во второй раз уже нет, поскольку их предложение принципиально не меняется, несмотря на богатство фондов, разнообразие репертуара, сменяемость выставок и т. д.

Развитие общественного городского пространства тормозилось отсутствием площадок для коммуникации и творчества, а также дефицитом событий мирового уровня. Городская среда в целом воспринималась и жителями, и экспертами как агрессивная, некомфортная, недемократичная.

Те изменения, которые происходили в сфере культуры и общественных пространств в Москве в 2000-е в целом укладывались в *старую ценностную и управленческую парадигму.*

Наследием советского периода было периферийное положение сферы культуры в системе приоритетов городских властей. В этот период расцвели «именные» институции- галереи И. Глазунова и А. Шилова, Музей моды и дизайна В. Юдашкина, театры А. Джигарханяна, Е. Петросяна, Н. Бабкиной и т. д. Руководство города поддерживало стратегию государственного финансирования учреждений культуры, и этот патернализм избавлял «фаворитов» от необходимости бороться за посетителя, искать спонсоров и партнеров, а основную массу учреждений обрекал на растущее отставание в вопросах управления, содержательного и программного наполнения, визуальных решений, способов взаимодействия и коммуникации с горожанами.

Воздвигнутый в 1997 году на искусственном острове, насыпанном у разделения Москвы-реки и Водоотводного канала, памятник Петру Первому работы З.К. Церетели вопреки протестам архитекторов и общественности –

один из наиболее выразительных примеров, заставивших экспертов говорить о возвращении «культуры 2». Не только исключительная «вертикальность» памятника (98 м), но в еще большей степени демонстративное игнорирование властью общественного и профессионального мнения вписывают этот памятник в эстетику и логику «культуры 2».

Московский международный деловой центр «Москва-Сити» – характерный продукт джентрификации. Но проектировавшаяся как самое высокое здание в Европе и второе по высоте здание в мире башня «Россия»[216] – яркий пример «менталитета» «культуры 2» с характерной для нее демонстрацией величия и доминирования над окружающим пространством.

Амбициозное архитектурное проектирование стало формировать тот целостный образ среды, который дал экспертам основание говорить: «В XXI веке культура два победила не только в архитектуре, но и в общественной жизни в целом. Более того, в силу новых возможностей PR технологий она затмила историческую память о прошлом контексте»[217].

Однако трансформация городских общественных пространств определяется не только управленческой парадигмой. Все многообразие социальных, экономических, политических и культурных факторов, рассматривавшихся ранее, вносит свой вклад в этот процесс. В первое десятилетие XXI века проявилась видимая реакция на происходящее. Сложился городской «средний класс», материальные запросы которого достаточно удовлетворены, который может позволить себе путешествовать и видит, как живут мировые города. В России начали выходить переводы книг

---

[216] Разработчик проекта Норман Форстер предлагал построить башню высотой 1 тыс. м, но Ю.М. Лужков ограничился более скромным вариантом – 648 м (134 этажа). В 2006 г. был утвержден проект Форстера высотой 612 м (118 этажей). В 2009 г. из-за финансового кризиса власти Москвы отказались от реализации проекта.

[217] Светлана Бойм, профессор Гарвардского университета; цит. по: *Паперный В.З.* Культура Два. М., 2006. С. 390.

идеологов «креативной экономики» Дж. Хокинса, Р. Флориды, Ч. Лэндри и идеологов «нового урбанизма» Дж. Джекобс, Я. Гейла и других.

Безусловно, позитивным фактором было начало формирования альтернативной культурной инфраструктуры, во многом отвечающей потребностям и чаяниям современного города. Появляется разветвленная сеть музыкальных клубов; сеть книжных магазинов, соединенных с клубами и кафе («Проект О.Г.И.»); начался процесс ревитализации бывших промышленных объектов и зон, на месте которых возникают частные арт-кластеры (в 2004 г. – «АРТстрелка» на «Красном Октябре», 2005 г. – центр творческих индустрий «Фабрика» на платформе предприятия «Октябрь» и клубный кластер «Арма», в 2007 г. – культурный центр «Винзавод» в помещении бывшего пивоваренного завода «Московская Бавария», в 2008 г. – Центр современной культуры «Гараж» в здании Бахметьевского автобусного гаража, спроектированном К. Мельниковым, и т. д.)[218]. Арт-кластеры выступили агентами новой городской культуры и новых ценностей, которые не сводятся к одностороннему культурному потреблению, а стремятся предоставить и активизировать возможности творческой самореализации каждого человека. Они частично компенсировали упадок общественных пространств, однако, будучи частными площадками, имели свои ограничения и работали в основном с нишевыми аудиториями – средним классом, интеллигенцией и молодежью. Все эти инициативы являлись частными и развивались практически без поддержки федеральных и московских властей. Последнее обстоятельство налагало свои финансовые и инфраструктурные ограничения на их деятельность, и, несомненно, они не могли полностью удовлетворить запросы многочисленных и разнообразных групп горожан.

---

[218] Фабрики воображения, или Культурная конверсия. М., 2008. [Электронный ресурс]: URL: http://creativeindustries.ru/rus/publications/5 (Дата обращения: 24.10.2018).

Если говорить о городских общественных пространствах в целом, то они не выполняли и не могли выполнять своей роли площадок социального и культурного взаимодействия, развития социальной жизни и благополучия города, поскольку пустовали, не будучи востребованными. Фактически за 1990-е–2000-е годы московские открытые общественные пространства, парки и многие учреждения культуры пришли в упадок и запустение и мертвым грузом висели на городском бюджете.

По данным исследования, проведенного в 2012 году Московским институтом социокультурных программ, лишь около трети москвичей (35%) так или иначе участвовали в культурной жизни города, более половины горожан, как правило, предпочитали проводить свое свободное время дома (56%), вторым по популярности способом проведения досуга были походы по магазинам, а почти треть жителей (31%) была совсем исключена из культурной жизни[219]. По мнению экспертов, в 2011 году Москва проигрывала ведущим европейским столицам не по финансовым показателям и уровню дохода населения, а за счет качества городской среды – несмотря на формальное обилие культурных объектов и парковых зон, горожанину было некуда пойти[220].

Несмотря на то, что Москва многие десятилетия была средоточием всей урбанистической и культурной жизни страны, она также аккумулировала и большую часть проблем постсоветского пространства, о чем писалось выше. Социально-психологическим следствием этого комплекса факторов, усугубляющим ситуацию, является отчуждение человека – горожанина и приезжего – от культуры и от самого города;

---

[219] Группы участников культурной жизни Москвы. М.: Московский институт социокультурных программ, 2013. С. 7.

[220] Как изменить город: Инструменты создания общественных и культурных городских пространств на примере опыта Москвы в 2011–2014 годах. М., 2016. С. 1.

идентичность человека и города оказывается формальной, а его участие в городской жизни, в том числе культурной, – пассивным и потребительским. Опустевшие общественные городские пространства и псевдопространства не справляются со своей базовой онтологической ролью – воспроизводством городского сообщества.

Ситуация могла измениться только с изменением самого подхода к управлению городскими общественными пространствами.

Идеи проведения конструктивной культурной политики в России обсуждались многократно. Так, обширный проект национальной культурной политики в условиях переходного периода был представлен в статье 1994 года А.Я. Флиера «О новой культурной политике России»[221]. Конкретно московской проблематике посвящены многочисленные статьи и сборники, монографии А.И. Попова, В.Н. Иванова и соавторов, В.А. Есакова, диссертации Е.А. Трофимовой и других авторов[222]. Но в большей части рациональная критика осталась критикой, а проекты проектами, их востребованность была весьма относительной. В.Л. Глазычев прямо говорил, в том числе в публичных выступлениях, что готов сотрудничать с любыми городскими властями, кроме московских, потому что никакой диалог с ними ни к чему не ведет.

Новая городская культурная политика, инициированная мэрией Москвы в две тысячи десятых и реализуемая Департаментом культуры, должна была работать со всем комплексом этих проблем. И естественно, что

---

[221] *Флиер А.Я.* О новой культурной политике России. 1994 [Электронный ресурс]: URL: http://ecsocman.hse.ru/data/769/894/1217/002_Flier.pdf (Дата обращения: 24.10.2018).

[222] См., например: *Попов А.И.* Московский мегаполис: правовые аспекты управления. М., 1998; *Иванов В.Н., Сергеев В.К., Худяков С.И.* Москва и москвичи: Актуальные проблемы социально-культурной сферы. М., 2003; *Есаков В.А.* Мегаполис и его культура (на примере Москвы). М., 2009; *Трофимова Е.А.* Культурное пространство современного столичного мегаполиса: горизонты оптимизации: Автореф. дис. … канд. культурологии. М., 2006.

начать необходимо было с определения приоритетов, позволяющих сосредоточить ресурсы на решении наиболее неотложных проблем.

С.С. Собянину, ставшему мэром Москвы в 2010 году, было очевидно (как, несомненно, и многим москвичам), что городу необходимо обновление среды и атмосферы. Требовались меры, которые будут понятны и позитивно восприняты самым широким кругом жителей и приезжих. Готовой разработанной концепции не было, было общее понимание, что Москва должна приблизиться к современным европейским стандартам городской жизни и снова найти общий язык и с профессиональными сообществами, и с каждым обычным жителем города.

Для разработки и реализации новой программы необходима и новая команда. Эти первые шаги пришлось сделать автору и его команде, в которую входили как опытные, так и молодые профессионалы в сфере культурной политики и культурного менеджмента. За два постсоветских десятилетия появилось поколение специалистов, готовых работать по-новому, но в старой модели управления культурой они не могли найти себе места. Кадровый состав самого Департамента культуры значительно помолодел: если в начале 2012 года средний возраст сотрудника Департамента составлял 46 лет, то к концу 2014 года – 40 лет; 27% сотрудников (46 человек) были моложе 35 лет. Молодежь пришла и в руководство учреждениями культуры: 19% руководителей домов культуры и молодежных центров (19 человек), 6% руководителей музеев и выставочных залов (3 человека), 20% руководителей парков (3 человека), 5% руководителей библиотек (1 человек), 4% руководителей музыкальных школ и школ искусств (6 человек) составили специалисты моложе 35 лет. Это не могло не отразиться на модернизации управления в сфере культуры – оно стало более открытым, демократичным, инициативным, появились и были реализованы новые идеи и проекты. В свою очередь молодые специалисты

получили ценный опыт командной работы в направлении городской инноватики.

Постепенно была выработана программа, направленная не на поддержку отдельных институций, а на комплексное формирование среды: парки, пешеходные зоны, дворцы и дома культуры, музеи, библиотеки, театры, форматы культурных событий[223].

3.2. Основные векторы трансформаций городских общественных пространств Москвы

Как мы показали во 2-й главе, городские общественные пространства выступают важным и своеобразным инструментом формирования идентичности человека и города. Осознание человеком «я – москвич», «я – екатеринбуржец» или «я – пермяк» – это сложный комплекс ассоциаций, воспоминаний и повседневных практик, связывающих его с разными элементами города: «в этом доме я родился», «я ходил в эту школу», «этот вуз – моя alma mater», «это мой дом», «здесь я работаю» и т. д. Дома, места учебы и работы, административные точки, дороги и станции метро, больницы, вокзалы и аэропорты образуют своеобразный «скелет» физической и социальной жизни горожанина.

Общественные пространства облегают этот скелет, как мышцы и мягкие ткани, делают его пластичным и мобильным, а может быть, – наоборот, пассивным: анемичным, если «мышц» слишком мало, или тяжеловесным, если «мышцы» и «ткани» такие же косные, как и основной

[223] Как изменить город: Инструменты создания общественных и культурных городских пространств на примере опыта Москвы в 2011–2014 годах. М.: Центр экономики культуры и городского развития, 2016.

«скелет». Это другая – неформальная, более личная и свободная сторона идентичности с городом: «в этом дворе я играл с друзьями», «в этом ДК я ходил в кружок», «в этот парк я пригласил свою девушку на первое свидание», «сюда мы ходим с семьей в выходные», «если приедут гости из другого города, они обязательно должны здесь побывать», «в этом месте я не был, но говорят, что там интересно».

В современном мире открытые общественные пространства признаются особенно важным фактором в формировании чувства социальной солидарности и социальной справедливости, ключевым инструментом формирования городской идентичности. Сам факт наличия «общих мест» в городе не дает этого эффекта автоматически: чтобы открывать возможности для участия в социальной и культурной деятельности, общественные пространства должны быть продуманы, управляемы и успешны. Они должны быть открыты для всех, независимо от пола, экономического положения, культурной и этнической принадлежности. Исследователи города подчеркивают, что рост общественной жизни происходит там, где «…люди из разных культурных групп могут собраться вместе в благоприятной обстановке взаимного удовольствия. Поскольку этот опыт является повторяемым, общественные пространства становятся вместилищами положительных социальных значений и смыслов»[224]. Ценность общественных пространств и их влияние на жизнь города определяются осуществляемыми в них социокультурными практиками. Если же городские общественные пространства (или то, что в них происходит) бедны и непривлекательны, они проигрывают конкуренцию дому и даче – человек предпочитает в свободное время оставаться дома либо уехать из города. Проигрывают не только общественные пространства, проигрывает и город в

---

[224] *Carr S., Francis M., Rivlin L., Stone A.* Public Space. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 344.

целом – он оказывается менее привлекательным по сравнению с другими городами, менее интересным, менее неожиданным для туристов и для собственных жителей.

Так, по данным опроса 27 тысяч американцев, при выборе района проживания эстетическая составляющая и культурная насыщенность места оказалась так же важна, как наличие базовых услуг, и опередила такие факторы, как физическая и экономическая безопасность, эффективное местное управление и открытость местного сообщества. При наличии схожего уровня базовых услуг люди готовы платить больше, но жить в более красивом и «приятном» районе, что экономисты называют доплатой за красоту[225]. При этом элементарная «благоустроенность» или «комфортность» этих мест не является достаточным условием для их востребованности. Культура, понимаемая не только как набор материальных объектов или система поддержки искусств, но и как область, включающая образ жизни, коллективную идентичность, городскую атмосферу, активность, многообразие практик, является мощным инструментом трансформации города и одним из возможных ответов на вопросы и вызовы развития общественных пространств. Мировая практика предлагает примеры преобразований самого разного масштаба – от создания отдельных культурных проектов до формирования и реализации комплексных мер культурной политики, – результатами которых стало формирование устойчивых городских сообществ, социальная инклюзия мигрантов и незащищенных социальных групп, развитие толерантности, оживление городской среды и общегородской социальной и культурной жизни, рост

[225] *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. С. 162–168.

вовлеченности в нее горожан, интенсификация социальных взаимодействий, формирование новой выраженной городской идентичности[226].

В 2010-е гг. сеть общественных и культурных пространств, парковых и зеленых зон находилась в плачевном состоянии как с технической и визуальной точек зрения (длительное отсутствие ремонта, устаревшая мебель, оборудование и ландшафтные решения, общая неухоженность, запущенность и небезопасность парков, отсутствие элементарных базовых сервисов в учреждениях), так и с точки зрения предоставляемых услуг и проводимых мероприятий. Общественные и культурные пространства, находившиеся в управлении государства, существовали фактически, но в большинстве случаев были настолько непривлекательны для горожан, что не являлись для них реально возможными местами проведения досуга.

Новая городская культурная политика, инициированная мэрией и реализуемая Департаментом культуры, должна была работать со всем комплексом проблем. Начать необходимо было с определения приоритетов, позволяющих сосредоточить ресурсы на решении наиболее неотложных проблем.

Почему первым приоритетным объектом политики Департамента культуры стали общественные пространства?

Первая причина, лежащая на поверхности, – потому что результат изменений на общественных пространствах наиболее заметен. Оптимизация планировки, ухоженный вид, организация комфортного пребывания человека, общее оживление повседневной жизни в парках, скверах, пешеходных зонах и т. д. – то, что видит каждый. На площадках любых «закрытых» культурных учреждений по определению бывает меньше людей.

---

[226] Доклад о проектах преобразования города средствами культуры. World Cities Culture Forum. М.: Московский институт социокультурных программ, 2015.

Для городского пространства в равной степени важны, с одной стороны, единство потребительских стандартов (норм безопасности, технического оснащения, наличие точек питания и продажи воды и т. д.) и наличия визуального стиля, с другой, – свое лицо каждого округа и района, сохранение исторического и архитектурного облика зданий, площадей и улиц. Диалектика общего и индивидуального пронизывает все уровни жизни города; город как целое – это слаженный ансамбль уникальных составляющих. Так, важным шагом в направлении стандартизации городского дизайна, одновременно позволяющего сохранить историческое «лицо» улицы, стала разработка дизайн-кода Москвы студией Артемия Лебедева.

Вторая причина связана с наполненностью городских пространств. Изменение формата городских праздников и массовых мероприятий: увеличение их количества, увеличение разнообразия задействованных площадок и событий в рамках дней города, фестивалей, ночей искусств – еще одна возможность работать с городом как с целым и с каждым из его общественных пространств. Парки, дворцы культуры, музеи, библиотеки, театры включаются в эти события, предлагая уникальные программы, соответствующие их специфике, но вместе они создают еще одно измерение образа жизни современного горожанина.

В-третьих, собственные функции общественного пространства позволяют решать самые разнообразные, в том числе краеугольные, городские проблемы, такие как привлечение новых партнеров, развитие территорий административных округов, улучшение экологии, облагораживание территорий «спальных» районов.

Существует еще одна ключевая функция, тесно связанная с трансформацией городских общественных пространств.

Изменяя границы и внешние формы, организуя события, проектируя образ города сегодняшнего дня, мы всегда работаем с людьми. Общественные пространства притягивают множество людей сначала чисто пассивно – они наблюдают за изменениями, обсуждают их; если у них появляется интерес, они становятся посетителями и потребителями услуг или публичными критиками; затем могут стать партнерами и, наконец, инициаторами собственных проектов и даже разработчиками альтернативных концепций. Превращение горожанина из объекта культурной политики в ее субъекта – важнейшее условие реализации городской культурной политики и одновременно одна из ее главных целей. И она прямо связана с формированием новой идентичности жителя Москвы. Позитивная идентичность с городом и чувство ответственности за город превращают человека из обывателя в «культурного героя», который сам строит мир вокруг себя.

Первым шагом на этом пути было успешное возрождение всего одного объекта – Парка Горького. На его опыте и сами управленцы, и горожане начали искать общий язык и формировать новую культурную повестку. Рассматривая трансформацию общественных пространств и связанных с ними социокультурных практик в Москве, мы сосредоточимся на парках и городских праздниках, описав ключевые точки преобразований и поисков преодоления существовавших проблем и противоречий.

Стартовая площадка трансформаций начала 2010-х – Парк Горького. Центральный парк культуры и отдыха (ЦПКиО) был заложен в 1928 году, а в 1932 году к названию добавилось имя классика пролетарской литературы Максима Горького. Проект разработал один из лидеров архитектурного авангарда Константин Мельников. Формат «парка культуры и отдыха» предполагал, что, помимо рекреационной функции, здесь выполняются также культурная и пропагандистская. Выступая «культурным комбинатом

переделки сознания», Парк Горького должен был реализовать представления об идеальном досуге рабочих людей, и на его территории воплощались самые необычные и смелые идеи того времени. Уже в 1931 году Центральный парк стал первым в мире парком, в котором работали зимние аттракционы, где тысячи людей могли заниматься конькобежным и лыжным спортом, кататься с ледяных и снежных гор или просто гулять. Тогда же там была открыта первая, общедоступная школа танцев на льду. Красноречивое описание жизни парка можно найти в книге его первого директора (в 1930–1937 годах) Бетти Николаевны Глан, изданной Парком Горького в 2013 году. Она же приводит запись, сделанную 25 июля 1934 года в книге почетных гостей ЦПКиО Гербертом Уэллсом: «Когда я умру для капитализма и воскресну для социализма, я хотел бы, чтобы мое пробуждение состоялось именно в Парке культуры и отдыха...»[227]

Но к началу XXI века сочетание «Парк Горького» воспринималось как символ глубокой архаики. Еще в 90-е годы парк был практически заброшен и находился в крайне запущенном состоянии. Парк не был ни привлекательным, ни безопасным, и образованная публика старалась держаться от него подальше.

Эту территорию предстояло превратить в площадку для апробации новых идей, направленных на улучшение экологической ситуации, оживление общественной жизни, осуществление государственных программ в сфере искусства и разработку моделей сотрудничества с частным сектором, которые впоследствии можно было бы перенести на другие общественные пространства столицы.

Изменения начались с обеспечения доступа для всех – самым первым шагом в этом направлении была отмена платного входа. Территория была очищена от мусора и всех лишних заборов, мешавших свободному

[227] *Глан Б. Н.* Парк Горького: Начало истории. М.: Парк Горького, 2013. С. 108.

перемещению, была проведена инвентаризация всех объектов, и началась работа по демонтажу старых аттракционов с истекшим сроком эксплуатации, сносу незаконных построек и благоустройству. На первом этапе посетителям был обеспечен минимальный набор сервисов: освещение, безопасность, вода и качественная еда, первые мероприятия.

Следующим этапом стало обеспечение возможностей для разнообразного досуга и *событийное* наполнение парка. Одновременно пересматривалась экономическая модель работы парка[228]. Помимо ведения собственной культмассовой работы, парк стал предоставлять свои площади фестивалям, актуальным творческим проектам и профессиональным коллективам, обеспечивая свой собственный имидж значительно более высоким качеством услуг, обеспечивая разнообразие предложения и целенаправленно отбирая партнеров и проекты действительно мирового уровня.

Постепенно были оборудованы зоны отдыха у воды, велодорожки, зоны для занятий пляжным волейболом и скейтбордингом, установлены столы для пинг-понга, пункты проката велосипедов, лонгбордов и роликов, организована танцевальная терраса, начал работу летний кинотеатр «Пионер». Таким образом парк стал предлагать своим посетителям гораздо более широкий спектр активностей, ориентированных на самые разные социальные группы. Новые социокультурные практики, наполнившие парк, не просто привлекали новых посетителей. Новые посетители становились полноценными участниками преобразований. Появились первые сообщества (беговой клуб, ходьба, йога), стали проходить кинопоказы, лекции в

[228] Раньше доход формировался за счет входной платы, платы за аттракционы и услуги различных клубных формирований, входящих в структуру самого парка. Переход на партнерские формы взаимодействия (на коммерческой основе) показал значительно большую эффективность: за пять лет доходы парка увеличились более чем в 10 раз – с 2 млн 260 тыс. долларов в 2010 до 24 млн долларов в 2015 году.

партнерстве с ведущими вузами и институциями (НИУ ВШЭ, Политехнический музей, МВШСЭН и многими другими), концерты и масштабные фестивали. Территория парка постепенно возвращала себе реальную функцию парка культуры[229].

Для городского общественного пространства важно выполнять свои функции в течение всего года. Для России с ее климатом важной задачей является привлечение посетителей в зимний период. С момента основания парка основным зимним развлечением был каток, поэтому было принято решение установить каток с качественным искусственным льдом и обязательными сопутствующими сервисами. В тот момент каток в Парке Горького был самым большим искусственным катком в Европе, и в 2011 году он стал самым популярным местом зимнего отдыха в городе.

Существенное внимание было уделено визуальной составляющей и коммуникации с посетителями: были сняты разнородные безвкусные вывески, разработан уникальный стиль визуальных материалов, система навигации и инфостендов, обновленные инфотаблички транслировали новое отношение к посетителю, радикально отличаясь от канцелярита и языка директив.

Важно отметить, что в момент начала преобразований у горожан не было сформированного, артикулированного запроса на парковое пространство, организованное подобным образом. Изменения нередко встречали сопротивление как самих сотрудников парка, так и москвичей, писавших жалобы в мэрию и требовавших вернуть старые аттракционы. Однако бурный рост посещаемости уже к лету 2011 года доказал, что

---

[229] Важным центром культурной жизни парка стал Музей современного искусства «Гараж», занимавший сначала павильон в Парке Горького, спроектированный в 2012 году всемирно известным японским архитектором Сигэру Баном, а затем дополненный образовательным центром «Гараж» (новое помещение, спроектированное голландским архитектором Ремом Колхасом, открыло двери в 2015 году).

перемены востребованы. Парк Горького стал первым успешным «третьим местом» Москвы, вошедшим в моду у молодежи, популярным у творческой интеллигенции (Музей современного искусства «Гараж»), и местом, куда люди охотно приходили семьями. В 2013 году Парк Горького вошел в топ-25 «чекинов» на Facebook, в 2014 году – занял 5-ю строчку рейтинга самых популярных мест в Instagram в мире.

При разработке концепции трансформации общественных городских пространств была важна ориентация на существующие мировые образцы современной парковой культуры и концепции их развития. По климатическим условиям Москва ближе к городам Северной Европы, чем, например, к городам средиземноморского и атлантического регионов. Среди первых особое значение имел опыт Берлина, который несколько десятилетий был разделен на два города – обычный европейский и социалистический со своими парками культуры и отдыха, типовыми домами культуры, «хрущевками» и другими объектами, которые берлинцы после воссоединения научились «перепрошивать» – вливать в старые стены новое содержание. Нечто подобное предстояло сделать в Москве.

Зарубежные исследователи-урбанисты нередко подчеркивают, что общедоступные, хорошо спланированные, обустроенные и эффективно управляемые общественные пространства являются необходимым элементом поддержания производительности городов и качества жизни, социальной сплоченности и интеграции и должны быть распределены по городу в качестве «фундаментального компонента справедливости и социальной инклюзии»[230]. Они не только способствуют процветанию и успешности городов и изменяют их образ, но и трансформируют отношения горожан и власти, являясь физическим и одновременно символическим шагом в

[230] World Cities Report 2016: Urbanization and Development – Emerging Futures Public space planning and regulations. New York: The United Nations, 2016. P. 192.

сторону расширения гражданских прав и возможностей, усиливают вовлеченность жителей в общественную жизнь, способствуют формированию их гражданской идентичности[231].

Типичной особенностью российского контекста является отсутствие горизонта долгосрочного планирования: проекты – и проводящие их власти и организации – воспринимаются в качестве целесообразных, надежных и успешных в случае предъявления результатов в кратчайшие сроки, в течение года или даже сезона. Упреки в том, что вся «парковая революция» имела одно значение – повысить электоральную привлекательность нового мэра, неоднократно звучали в общественных и сетевых обсуждениях. Действительно, «быстрые победы», позволяющие за короткий период продемонстрировать видимый результат, были необходимы – с одной стороны, для роста доверия горожан к новой мэрии, но с другой, – для возможности проведения системных изменений. Успешное и стремительное возрождение Парка Горького, его популярность у горожан и экономическая эффективность позволили перевести исследовательские выводы в практическую плоскость, привлечь более пристальное внимание московских властей к вопросу общественных пространств и осенью 2011 года начать работу по их развитию в масштабах всего города. Опыт Центрального парка был перенесен в периферийные районы, преодолевая дефицит, заложенный упоминавшейся выше сталинской моделью локализации высококачественных культурных услуг в пределах Садового кольца.

На этом этапе уже потребовался комплексный подход и создание технологии, которая позволяла бы масштабировать достижения Парка Горького, одновременно учитывая и сохраняя специфику и неповторимый облик каждой парковой территории.

---

[231] Ibid. P. 191–192.

Была сформирована общегородская программа развития парков и общественных пространств – Государственная программа города Москвы «Развитие индустрии отдыха и туризма на 2012–2018 годы», а для ее реализации создана Объединенная дирекция «Мосгорпарк». Появление курирующей организации в ситуации трансформации сразу ряда объектов, отличающихся по местоположению, площади, объему финансирования, истории, специфике пространства и аудитории, позволило координировать работу проектных команд и в дальнейшем деятельность всех парков, обеспечивая реализацию единой логики развития и поддержания необходимого качества среды.

Важнейшим инструментом преобразований в условиях сетевого проекта стала разработка Московского стандарта благоустройства парковых территорий. С одной стороны, единый стандарт определял ясные рамки и необходимые направления работы по благоустройству среды (показатели освещенности, чистоты, состояния зеленых насаждений, наличия мест отдыха, наличие информации о парке, навигационных схем и др.) и минимальный набор необходимых сервисов (базовое благоустройство: скамейки, дорожки, газоны, урны; детские площадки; спортивные площадки; танцевальные площадки; пункты общественного питания; общественные туалеты; бесплатный WI-FI) и позволял легко контролировать их выполнение, обеспечивая тем самым поддержание качества среды не ниже определенного уровня на всех парковых территориях. С другой, – устанавливая лишь общие принципы и базовые требования, стандарт оставлял руководству и проектным командам конкретных парков значительный простор в выборе фокуса деятельности, событийного наполнения, визуальных решений.

В период с 2011 по 2014 год было благоустроено и обновлено более 20 парковых территорий. Многие проекты создавались на конкурсной основе,

сопровождались проведением локальных исследований, обсуждением преобразований с местными жителями с учетом их пожеланий и мнений.

Характерным примером может служить конкурс на лучшую концепцию развития ландшафтного парка «Митино», проведенный в августе–ноябре 2014 г. Победитель – российский консорциум во главе с бюро «АРТЕЗА» – предложил концепцию «Красный парк Митино» под лозунгом «Парк с историей», направленную на сохранение уникального природного ландшафта парка и ставящую акцент на историческом наследии, водных ресурсах и создании уникальной имиджевой составляющей парка. Другой пример – концепция развития Парка культуры и отдыха «Сокольники», победившая в Международном конкурсе, авторы – интернациональный консорциум во главе с российским архитектурным бюро Wowhaus. Концепция «Посольство природы» под лозунгом «За наукой – в Политех, за спортом – в Лужники, за природой – в Сокольники», предусматривала сохранение уникального природного ландшафта парка «Сокольники» как продолжения природного парка «Лосиный остров» и деление территории на лес, лесопарк и регулярный парк.

Помимо названных в преобразовании городского общественного пространства Москвы принимали участие Архитектурная мастерская Асс (авторский коллектив: Евгений Асс, Григор Айказян, Ольга Аистова), разработавшая общую концепцию Парка искусств «Музеон» и ряд построек (досугово-развлекательный павильон, выставочный павильон «Музеон-Центр», павильон ресторана), а также вернисаж на Крымской набережной; британское архитектурное бюро LDA Design (авторы концепции Олимпийского парка в Лондоне), разработавшее концепцию благоустройства парка Олимпийской деревни, находящегося на пересечении Мичуринского проспекта с улицей Лобачевского; архитектурное бюро «Проект Меганом»

(35 архитекторов под руководством Юрия Григоряна), разработавшее проект комплексного благоустройства Гончаровского парка.

В результате этой работы отдельные парки не только не утратили своей специфики, но, напротив, обрели более яркий индивидуальный облик.

Так, в Парке искусств «Музеон» был сделан акцент на приведение в порядок фонда советской скульптуры и создание настоящего музея под открытым небом. Определение «парк искусств» нашло отражение в запуске сильной образовательной программы, в том числе лекций по искусству, в специально организованном пространстве (павильон «Школа») и проведении концертов и фестивалей современной музыки.

Парк Северное Тушино отличается широкими возможностями для отдыха у воды: в нем есть бассейн, вейкборд и даже подводная лодка.

Сад культуры и отдыха имени Н.Э. Баумана, несмотря на небольшие размеры, предлагает развитую инфраструктуру для детского отдыха и современные игровые площадки.

Сиреневый сад является уникальным музеем сирени под открытым небом, где на 7 га земли растет более тысячи кустов сирени самых разных сортов.

Помимо непосредственного физического благоустройства, для парков были разработаны принципы визуальной коммуникации с посетителями, новые системы навигации, информационных стендов и табличек, уникальные для каждого парка, но отвечающие общей для всех парков логике. Радикальному пересмотру подвергся характерный для государственных учреждений агрессивный язык директив и требований, сменившийся языком вежливых просьб, информирования и диалога, транслирующим прежде всего уважение к посетителю и его неотъемлемое право на использование общественных пространств города. «Право на город» проявляется и в таких, казалось бы, незначительных вещах. В действительности все эти изменения

были звеньями одной цепи. Идя по улице или гуляя в парке, мы ощущаем определенную атмосферу. Как писал еще в 1968 г. Анри Лефевр, улица может быть холодной и теплой, абстрактной и конкретной…[232]. Улица может использоваться только для перемещения по городу или вмещать в себя и другие события, например, карнавал, уличный театр или фестиваль. Участие в подобных событиях, формирует *личное* отношение к улице и к городу в целом, формируя тем самым городскую идентичность.

Другим важнейшим инструментом оживления парков стало их событийное наполнение, что позволило предложить горожанам не просто отдых на свежем воздухе в приятной и комфортной обстановке, но и занятия, отвечающие самым разным интересам и запросам аудиторий. В парках стали проводиться регулярные спортивные занятия по йоге, цигуну, воркауту, танцам, скандинавской ходьбе, бегу, сформировались тематические сообщества. Также важными направлениями стали постоянные интеллектуальные мероприятия – циклы лекций и мастер-классов, серии кинопоказов, детские творческие и развивающие занятия и программы. Помимо постоянных спортивных и образовательных активностей, в парках стали проводиться и крупные разовые мероприятия – общегородские праздники, фестивали, концерты, выставки, в летнее время проходившие каждые выходные.

Постепенно парки стали главными культурными площадками города и любимым местом отдыха москвичей. Посещаемость парков культуры и

---

[232] См.: *Хаббард Ф., Лайон Д.* Уличная жизнь: меняющаяся социология улицы: введение // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. М., 2019. №1. С. 12.

отдыха в результате преобразований выросла более чем в 3,5 раза – с 10 млн человек в 2010 до 35,7 млн человек в 2014 году[233].

Как уже отмечалось во 2-й главе, в понятие городские общественные пространства входят и пешеходные улицы. Для Москвы, где очень велик транспортный поток, одним из важных направлений трансформаций стало создание пешеходных зон. К моменту начала преобразований, помимо явного дефицита таких пространств, в городе отсутствовала единая концепция зонирования пешеходного пространства, требовались системное наполнение городских пространств культурно-досуговыми программами, качественные услуги в сфере торговли и общественного питания, специальное тематическое оформление улиц временными выставками и инсталляциями. Все это в совокупности с растущим запросом горожан на благоустроенные общественные пространства говорило о необходимости создания пешеходного района «старого города» – не только свободного от автомобильного движения, но и комфортно обустроенного.

Как и в случае с парками, масштабной комплексной программе предшествовала успешная реализация отдельного проекта – им стала реконструкция Крымской набережной, из проезжей части с автозаправкой и стоянкой ставшей в 2013 году пешеходной зоной и первой обустроенной набережной Москвы-реки. Был полностью изменен внешний вид набережной (дорожное покрытие, клумбы и газоны, система освещения и др.), наряду с пешеходными появились велодорожки, фонтан, современные скамьи и шезлонги для отдыха, кафе. Отдельным значимым решением стало создание павильонов для художников и торговцев картинами, которые уже давно стихийно обживали набережную и подземный переход. Крымская

---

[233] Свою заинтересованность в обновленных пространствах горожане подтвердили и возросшими тратами именно на такой вид отдыха: внебюжетные доходы парков выросли с 570,2 млн рублей в 2012 до 1602,9 млн рублей в 2014 году.

набережная была пространственно и стилистически интегрирована с Парком Горького и Парком искусств «Музеон», вместе образовавшими популярную прогулочную зону.

По мере того, как росла популярность новых пешеходных зон, возникла необходимость в их световом оформлении, к праздникам стали устанавливаться тематические арт-объекты и инсталляции. Отметим Звезду Хаоса (KaosStar) – арт-объект известного художника Оскара Сан Мигеля Эрисе, скульптуру «Разоблачение» – арт-объект художницы Марии Полуэктовой, установленный в Парке искусств «Музеон» (центральная фигура инсталляции – человек в рамке «золотого сечения», где круг и квадрат, воплощенные по схеме Леонардо Да Винчи, символизируют гармоничность человеческого тела); арт-объекты, появившиеся в рамках «Зеленой недели» в Парке Горького в 2013 году: полотняные «Рожи ветров», орган внутри ротонды (Группа «МишМаш»), мультимедийные инсталляции художницы Марго Трушиной «Луна» и «Радуга»; поющие скворечники рядом с Ажурной беседкой; триста ветряков на Ленинской площади.

Помимо создания комфортной и эстетически привлекательной среды, было важно наполнить пешеходные зоны событиями и культурной активностью – на них стали проводиться фотовыставки, ярмарки, экскурсии, концерты и фестивали. Перечислим некоторые заметные проекты. Например, к участию в ежегодном фестивале уличного искусства и творчества «Яркие люди» привлекаются уличные театры, детские студии и дома культуры на окраинах Москвы. В них запускается десант из молодых и современных режиссеров (Уличный театр «Огненные Люди», Независимая театральная компания LiquidTheatre, Уличный театр «Высокие Братья» и другие), которые за несколько месяцев готовят с самими горожанами театральные постановки и арт-объекты.

Если в 2012 г. ежегодный фестиваль уличного искусства собрал 65 тысяч посетителей, то в 2013 г. – 80 тыс., а в 2015 уже 250 тыс. В фестивале принимают участие помимо детских и юношеских творческих коллективов под руководством педагогов, проходят карнавальные шествия, флэшмобы и мастер-классы. Для участия в фестивале в Москву приезжают из других городов и из-за границы[234].

С 2012 года проводится многодневный фестиваль новой независимой музыки BoscoFreshFest – проект компании BoscoDiCiliegi, организаторов Открытого фестиваля искусств «Черешневый лес». Его миссия – дать шанс исполнителям, которые работают без поддержки федеральных СМИ и делают заметный вклад в современную культуру. Концерты проходят на открытом воздухе, вход для всех желающих бесплатный. В 2013 г. фестиваль проводился в Парке Горького, зрители сами выбирали состав участников с помощью интерактивного голосования на сайте партнера BFF.

Наряду с организацией праздников и крупных городских событий Департамент культуры вел непрерывную повседневную работу с городскими общественными пространствами. Так, с формированием прогулочного центра началась работа по разработке и реализации «политики первых этажей», направленной на размещение на первых этажах домов, прилегающих к пешеходным улицам, исключительно магазинов, ресторанов и кафе, то есть мест, располагающих витринами, которые преображают пространство наряду с непосредственным оформлением улиц.

В процессе трансформации городских общественных пространств, во-первых, значительно увеличивается количество субъектов, участвующих в этом процессе, во-вторых, меняется их состав – все большее количество

---

[234] Хэдлайнеры Мастерской «Сделано в Картонии», Campagnielespassagers (Франция), «Странствующие куклы господина Пэжо» (Санкт-Петербург), 3D-граффитист Эдгар Мюллер (Германия), GrupaPuja (Испания), Strangefruit (Австралия) и др.

инициатив идет снизу. Теперь уже нельзя сказать, что у горожан отсутствует собственное видение целей и направлений трансформаций, наоборот: они все чаще оказываются инициаторами новых социокультурных практик, осуществляемых в общественных пространствах города.

Результатом обновления парковых территорий, создания и благоустройства пешеходных зон стало появление в городе действительно востребованных общественных пространств, посещаемых не только туристами, но и жителями города. Формирование городской среды принципиально иного качества привело к вовлечению значительного числа горожан в общественную и культурную жизнь Москвы, к восприятию городского пространства как предназначенного не только для перемещения между работой и домом, но и для общения, прогулок и отдыха.

Обобщая опыт Москвы 2011–2014 годов, можно выделить несколько основных инструментов и описать методологию, позволившую в короткие сроки добиться значительных результатов и кардинальным образом преобразить городскую среду.

Так как речь идет об управленческой модели, в первую очередь следует отметить ведение стандартов, устанавливающих четкие правила и критерии, что как существенно структурирует и направляет процесс преобразований и текущей деятельности, так и позволяет эффективно осуществлять контроль качества предлагаемых горожанам услуг. Этот пункт может быть отнесет к *инструментам* преобразования. Здесь же стоит отметить важные с технологической и управленческой точки зрения созданные единые центры – Мосгорпарк, Центр музейного развития, Московский городской библиотечный центр и др. Все они осуществляют методическую поддержку и координацию работы и позволяют реализовать комплексный подход, работать со всей сетью учреждений и сохранять баланс между внедрением

общих принципов, последовательной реализации общей логики изменений и сохранением специфики и уникального облика отдельных учреждений с учетом их особенностей.

Но не менее важной составляющей является концептуально новое отношение к физическим пространствам, будь то парки, пешеходные улицы или помещения учреждений культуры, понимание необходимости создать физически комфортное и привлекательное пространство, максимально отвечающее требованиям современного человека как в функциональном, так и в визуальном плане. Фундаментом подобного отношения служит отказ от восприятия города как просто территории. Важность физического пространства никто не отрицает, но на первый план выходят два других уровня – социальный и ментальный. На первый взгляд происходит преобразование физического пространства, но самое главное – то, чем оно наполняется – какие социальные практики в нем появляются, какие ценности и смыслы в нем находят отражение, так как именно они создают «ощущение города» и формируют городскую идентичность. Именно поэтому акцент делался на событийное наполнение культурных и общественных пространств: все обновленные парки, пешеходные зоны, учреждения культуры привлекали горожан не только комфортным физическим пространством, но и существенно расширенным кругом возможностей для проведения досуга и перечнем мероприятий.

Третий элемент – это децентрализация культуры и новый характер коммуникации между горожанами и городом, посетителями и учреждениями культуры. Осуществляется постоянное взаимодействие властей с жителями города, без привлечения так называемых агентов изменений. Залогом успеха стало не только постоянное отслеживание мнения москвичей, но и вовлечение людей извне в сам процесс преобразований, реальное сотрудничество городских властей с творческими предпринимателями

(организаторами фестивалей, создателями кафе и детских клубов, образовательных проектов), урбанистами, художниками, журналистами, представителями научной и независимой творческой среды. Постоянный поиск таких партнерств, коммуникация с этими людьми и открытость города их идеям, готовность их реализовать позволили запустить механизм изменений на принципиально ином уровне, объединить творческий потенциал и ресурсы государственных структур и городских профессионалов, сохранить гибкость процесса трансформации, его погруженность в реальную жизнь. Происходящие изменения стали привлекать еще больше людей, заинтересованных в преображении города, количество молодых сотрудников до 35 лет выросло вдвое (с 7% до 15%), в отрасль стали приходить выпускники профильных вузов, опытные профессионалы из независимых проектов. Вместе с тем у горожан сформировалось ощущение, что власти стали прислушиваться к их потребностям и запросам, серьезно относиться к их досугу и свободному времени. При создании новых или обновлении существующих общественных пространств коммуникация и сотрудничество с местными жителями помогает не просто создать место, действительно отвечающее их запросам и нуждам, но и усилить социальные взаимодействия, дать начало формированию городских сообществ и практикам самоорганизации.

Важным моментом является стремление к многофункциональности и преодолению как традиционных отраслевых делений, так и физических границ между культурными пространствами и городом: разнообразие предлагаемых мероприятий и активностей в учреждениях культуры и парках, сложный состав и большое число различных площадок городских фестивалей, с одной стороны, и выход учреждений культуры «в город» (театральные постановки, концерты и выставки в парках и на пешеходных зонах, читальни в парках, уличные фестивали и акции), с другой, позволили

вовлечь в культурную жизнь существенно большее количество жителей, сделать культурную ткань города более плотной и всеобъемлющей.

Еще одной важнейшей составляющей преобразований являются исследования – как посвященные изучению актуальной ситуации в городе (мониторинг деятельности учреждений, многофакторный анализ городской среды, исследование аудиторий отдельных типов учреждений и городских мероприятий, изучение досуговых практик и запросов москвичей), так и методического характера (мониторинг международного опыта, изучение лучших мировых практик и их адаптация к российскому контексту, подготовка методических рекомендаций). Исследования проводились как силами отдельных учреждений (в основном опросы посетителей для изучения их потребностей, получение обратной связи для корректировки деятельности), так и централизованно – Московским институтом социокультурных программ, и позволяли как использовать передовой международный опыт, так и сохранять гибкость, корректировать процесс изменений в зависимости от актуальной ситуации и потребностей горожан.

Итак, результаты преобразований, проводившихся с 2011 по 2014 год, видимы и исчисляемы: преобразились городские парки, появились благоустроенные пешеходные зоны, обновлены музеи, театры, библиотеки, культурные центры и другие учреждения культуры, изменились предлагаемые ими программы и наполнение массовых городских мероприятий, существенно выросло количество москвичей, вовлеченных в культурную жизнь столицы, – посетителей учреждений культуры, участников городских праздников, увеличились внебюджетные доходы учреждений. Но, кроме этого, исследования позволили зафиксировать менее очевидные трансформации: изменились отношение москвичей к культуре, городу, собственному досугу, их восприятие общественных и культурных пространств. Общественные и культурные пространства стали потребностью,

сформировался запрос на культурную жизнь и определенный уровень комфортности городской среды и атмосферы.

Отметим, что описанный опыт преобразования парков и городских праздников был частью более широкой программы трансформации общественных и культурных пространств Москвы, которая не была полностью реализована начинавшей его командой. Но главным достижением преобразований, проведенных в 2011–2015 годах, можно считать изменение самого подхода к городскому пространству, которое стало осознаваться не только властью, но и значительной частью горожан как место реализации человеческих ценностей. Это не только ценности безопасности, комфорта и широкого доступа к культурным благам, но и ценности свободы, самореализации, активного участия в жизни своего города. Преобразования подвергались критике с разных сторон; их упрекали и в том, что это только имитация, а не реальное освоение европейского опыта[235], и в том, что их цель – переключить энергию горожан от социального протеста на мирные прогулки и городские праздники, и в том, что все это злонамеренная деятельность агентов западного влияния по разрушению традиционных российских ценностей. Но думается, что ценностная природа проводимых изменений была воспринята и городским сообществом, и независимыми культурными аналитиками. Процитируем журналиста Андрея Архангельского, который писал, что Парк Горького «…создавался как социальная лаборатория; комфорт – да, но в основе тут была все-таки более глубокая идея: расширить представление о современности, свободе, цивилизации. В конечном итоге <...> Парк Горького был “про будущее”. Может быть, это и не декларировалось прямо, но имелось в виду: не только

[235] Сергей Капков vs Маша Гессен: Можно ли сотрудничать с государством ради практики малых дел? // Афиша. 2013. № 14(35). С. 82–93.

“место” и не только “удобство”, а некий потенциал для качественного изменения публики»[236].

Из пустующих территорий и мероприятий, интересных лишь части горожан, парки и городские праздники превратились в востребованные пространства встреч и общения. Изменилось отношение москвичей к городу, из транзитной зоны он превратился в место для досуга.

Это стало возможно не только благодаря трансформации физических пространств парков и их событийного наполнения, но и благодаря активному вовлечению горожан в определение вектора преобразований и непосредственно в процесс их осуществления. Исследователи-урбанисты и теоретики города подчеркивают, что при создании новых или обновлении существующих общественных пространств коммуникация и сотрудничество с местными жителями помогает не просто создать место, действительно отвечающее их запросам и нуждам, но и усилить социальные взаимодействия, дать начало формированию сообществ и практикам самоорганизации. Трансформация общественных пространств Москвы и наполняющих их практик сопровождалась постоянным взаимодействием властей с жителями города, выражавшимся как в изучении мнения москвичей, проведении встреч и общественных слушаний, обсуждений планов обновления городских площадок, так и в вовлечении людей извне в сам процесс преобразований и реальном сотрудничестве городских властей с творческими предпринимателями, урбанистами, художниками, журналистами, представителями научной и независимой творческой среды.

Постоянная коммуникация с горожанами, открытость их идеям и потребностям позволили запустить механизм изменений на принципиально ином уровне. Результатом стала не только востребованность общественных пространств, но и постепенное формирование реального чувства

[236] *Архангельский А.А.* Проблема: Москва // Искусство кино. 2015. № 3. С. 92.

принадлежности к городу и значимости интересов и мнений москвичей. Это выразилось как в притоке все большего количества людей, заинтересованных в сотрудничестве и участии в преобразованиях, так и в формировании артикулированных запросов и требований к образу городской среды, в новом качестве внимания жителей к действиям городских властей – городские праздники, программы благоустройства, масштабные преобразования городских территорий встречаются не молчаливым согласием (или недовольством), но нередко масштабными обсуждениями в рамках профессиональных и общественных дискуссий, в СМИ и в Интернете. Изменения связанных с городскими публичными пространствами практик привели не только к оживлению социальной и культурной жизни города, выиграв в борьбе за внимание горожан у их домов и торговых центров, но отчасти и к оживлению сферы общественных интересов, по крайней мере, в вопросах городской среды и культуры. Это один из важнейших результатов трансформации, поскольку «…право на город – это не просто условное право доступа к тому, что уже существует; это активное право на преобразование города, на приведение его в соответствие с нашими общими нуждами и желаниями и, следовательно, преобразование нашей повседневной жизни, изменение наших архитектурных практик и просто альтернативное определение того, что значит быть человеком»[237].

Подводя итоги рассмотренных трансформаций, можно констатировать, что изменение функционала общественного пространства является управляемым процессом. Управление изменениями всегда выражает ценностные установки горожан и городской власти, имеющие воплощение в формах пространственно-деятельностной организации города и взаимодействия горожан с городской территорией и объектами.

---

[237] *Харви Д.* Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 93.

Московский опыт трансформации общественных пространств в 2011–2015 гг., существенно изменивший образ столицы, основывался на изменении ценностей: «вертикальный» город стал переосмысляться как «горизонтальный», «закрытый» – как «открытый», «город для бизнеса» – как «город для жизни» и т. д.

В плане культурной политики работа по активизации сообщества, по формированию идентичности и трансформаций городских общественных пространств включает в себя несколько уровней.

Первый уровень – это привлечение экспертов. Оно начинается с подбора собственно управленческой команды. Орган исполнительной власти- московский Департамент культуры - признал свою ответственность не только за развитие «высокой» культуры и деятельность традиционных учреждений (музеев, театров, библиотек), но и за досуг москвичей и городскую атмосферу. Целями культурной политики стали развитие человеческого капитала, создание современной и комфортной городской среды, включение Москвы в мировые культурные процессы. Это послужило главным поворотом не только в деятельности Департамента культуры, но и в жизни города. В команду вошли люди, имевшие управленческий опыт, организаторы проектов в сфере культуры и молодые специалисты, только окончившие профильные вузы, – культурологи, искусствоведы, кураторы[238]. Научно-исследовательскую базу и консультационную поддержку деятельности Департамента осуществил Московский институт социально-культурных программ (МИСКП). Кроме того, консультантами и партнерами Департамента постоянно были авторитетные урбанисты, архитекторы, дизайнеры, социологи, ученые и практики во многих отраслях и сферах.

---

[238] Активными партнерами Департамента были известные деятели культуры – К. Серебренников, И. Бутман, В. Халилов, М. Хохлов, Д. Вишнева, А. Лиепа и многие другие.

Второй уровень работы с сообществом – организация взаимодействия с руководителями и сотрудниками учреждений культуры. Она включала поддержку окружных программ и проектов, ориентированных на развитие территорий средствами культуры; разработку механизма поддержки открытых культурных мероприятий, арт-проектов в городских общественных пространствах; обеспечение долгосрочного планирования культурных мероприятий и фестивальных программ, разработку стратегии повышения их международной значимости; разработку системы оценки эффективности деятельности учреждений; организацию профильного учебного центра, предоставляющего желающим возможность повысить свою компетенцию, познакомиться с современными тенденциями и подходами к деятельности культурных учреждений; подготовку кадрового резерва и многие другие формы коммуникации с профессиональным сообществом.

Третий уровень – привлечение бизнеса, поддержка частных инициатив и развитие государственно-частного партнерства в сфере культуры. Преобразования общественных пространств были и поиском новых экономических подходов, основанных на развитии творческого сектора бизнеса. В какой мере это удалось?

В 2015 году Агентство по развитию территорий «МосАрт» по заданию Департамента культуры Москвы провело исследование, как развитие общественных пространств отразилось на развитии малого и среднего бизнеса, в том числе творческого бизнеса в Москве. Для этого была собрана информация о бизнесах и некоммерческих организациях, с которыми московские парки сотрудничали на постоянной основе (проведено анкетирование учреждений в 16 из 24 действовавших на тот момент парков). Исследование показало, что непрофильная деятельность (сдача площадей под офисные помещения, непрофильная торговля, организация автошколы и т. п.) составила всего около 4% деятельности всех коммерческих и

некоммерческих организаций, работающих на территории парков; более 90% партнеров парков – это культурные, образовательные, спортивные и досуговые организации. Исследование подтвердило, что общественные пространства действительно активно и успешно привлекают, а значит, и стимулируют развитие малого и среднего бизнеса.

Четвертый уровень – работа со средствами массовой информации. Публикации, описывающие и разъясняющие каждый шаг преобразований, проводимых Департаментом, интервью руководителя Департамента и руководителей культурных институций выходили практически ежедневно. Но роль СМИ никак нельзя сводить к пиар-поддержке того, что делала городская власть. СМИ выступали независимыми партнерами, аналитиками и нередко жесткими критиками действий Департамента. Публикации и особенно дискуссии, которые организовывали «Афиша», «Большой город», «Искусство кино», Радио «Свобода», «Эхо Москвы» и многие другие издания и каналы, сайты учреждений и общественных организаций, были настоящей трибуной общественного обсуждения и давали широкую двустороннюю информацию и обществу, и власти.

Вероятно, нужно выделить в отдельный уровень Интернет и социальные сети – неисчерпаемый источник обратной связи с непосредственным городским сообществом. Фидбэк, который можно получить из Сети, далеко не всегда можно получить из более отфильтрованных СМИ. В частности, в Интернете значительно интенсивнее и откровеннее обсуждалось возможное отношение городской культурной политики к демонстрациям на Болотной площади и проспекте Сахарова, при этом действия власти интерпретировались как попытка перенаправить или заблокировать протестную активность («Где ОМОН нас бил немножко, там теперь велодорожка» и т. п.). В действительности хронологическая близость начала протестного движения и начала преобразований, проводимых

Департаментом культуры, была случайной, и на нее обратили внимание только около 2013 года, когда масштаб изменений в московских парках и пешеходных зонах начал всеми осознаваться.

Чарлз Лэндри, идеолог «креативного города», отмечает, что в современном мире виртуальные и реальные места общения образовали неразделимый симбиоз: «Сегодня, в век Интернета, когда в нашу жизнь прочно входят чаты, форумы и прочие интерактивные формы общения, складывается, по сути, новое общественное киберпространство. Однако, несмотря на те бесконечные возможности, которые новые технологии открывают для дистанционной коммуникации, компьютер доказывает, насколько нам необходим личный контакт»[239]. По мнению британского ученого, потребность в общественных пространствах как местах реального контакта особенно усиливается на фоне распространения коммуникации виртуальной, вытесняющей живое общение людей друг с другом.

Присутствие сотрудников Департамента культуры в социальных сетях тоже не могло заменить им прямого общения с жителями города. Перепрофилирование объектов, появление новых зеленых насаждений, пешеходных и велосипедных дорог и другие трансформации вызвали изменения привычных маршрутов горожан; очевидно, что не все были этим довольны. Дифференцированное взаимодействие с жителями разных районов, разных возрастных категорий, социальных и национальных групп и просто с каждым человеком и его уникальными интересами и проблемами – также неотъемлемая часть городской культурной политики. Образцом здесь мог бы послужить барон Осман, который в течение 10 лет, прокладывая Елисейские поля – центральную магистраль Парижа, лично вел «…долгие, изнурительные переговоры с владельцами каждого из домов, который

---

[239] *Лэндри Ч.* Креативный город. М., 2006. С. 183.

предстояло снести, договариваясь о компенсациях»[240]. Думается, это высокий пример того, что городская политика, в том числе культурная, – это прежде всего коммуникация всех субъектов городского сообщества, институциональных и индивидуальных, их стремление к взаимопониманию и поиску согласованных решений.

Можно отдельно говорить о способах вовлечения в активную работу зарубежных партнеров, мигрантов, людей с особенностями развития, молодежи (в частности, в 2013 г. был реорганизован и присоединен к Департаменту культуры Департамент семейной и молодежной политики города Москвы – сама логика этого присоединения связана с расширением понимания культуры и культурной политики; создание условий для самореализации и развития молодых горожан остается одним из приоритетов культурной политики Правительства Москвы).

Как мы видим, трансформация общественных пространств фокусирует многие ключевые аспекты культурной политики.

Отметим, что в федеральной Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, принятой Правительством Российской Федерации 29 февраля 2016г., в определенной мере произошел возврат к более узкому пониманию культуры - как совокупности традиционных учреждений культуры; такие понятия, как «общественное пространство», «городская среда», в ней вообще не упоминаются, единственный раз фигурирует парк. Между тем для многих обозначенных в Стратегии проблем, таких, как «…выравнивание региональных диспропорций в уровнях обеспеченности объектами культуры, финансирования и условиях доступности культурных благ для широких слоев населения; использование культурного и туристского потенциалов территорий, обладающих этнокультурным многообразием и спецификой; брендинг территорий и

[240] *Высоковский А.А.* Сочинения: В 3 т.Т. III. Public. М., 2015. С. 14–15.

создание условий для развития внутреннего, въездного, в том числе познавательного, этнического и паломнического туризма; разработка и реализация программ поддержки культурной инфраструктуры малых городов и сельских поселений, содействующих развитию городской и сельской культурной среды; содействие развитию культурного потенциала через подготовку и проведение мероприятий, посвященных празднованию на федеральном уровне памятных дат субъектов Российской Федерации и юбилейных дат выдающихся деятелей культуры; формирование чувства сопричастности территории для обеспечения укорененности и преемственности поколений»[241], одним из наиболее эффективных путей решения могла бы быть работа с городскими общественными пространствами. Это подтверждает опыт Департамента культуры 2011–2015 годов, который создал прецедент реализации новой культурной политики и существенно изменил ситуацию в Москве.

Таким образом, проведенный в нашем исследовании анализ позволяет утверждать, что формирование и развитие общественных пространств как средоточия культурной жизни – ведущая современная стратегия развития городов. В московском мегаполисе эта стратегия показала свою жизнеспособность и перспективность и может быть успешно использована при разработке стратегий развития других городов.

---

[241] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р [Электронный ресурс] URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf.

Заключение

В нашем исследовании мы постарались обосновать и показать, что городское сообщество воспроизводит себя как феномен, как уникальное целое, свойственное именно данному городу, преимущественно в городских общественных пространствах. Именно здесь осуществляется эволюция и трансформации социально-культурных практик. Эффективная ревитализация города и городских общественных пространств возможна при условии выявления онтологических и аксиологических оснований их организации.

Эмпирическим материалом исследования послужил московский опыт трансформации общественных пространств в 2011–2015 гг., существенно изменившей образ столицы в целом; она основывалась на изменении ценностей: «вертикальный» город стал переосмысляться как «горизонтальный», «закрытый» – как «открытый», «город для бизнеса» – как «город для жизни» и т. д. Модели и практики, осуществлявшиеся в Москве в 2011–2015 гг. и показавшие жизнеспособность, могут быть экстраполированы на другие российские и мировые мегаполисы.

В первой главе исследования было охарактеризовано развитие темы взаимоотношений города и общества в европейской философии от Античности до начала XXI века. Мы показали, что тема города и городской среды как одного из ключевых инструментов социализации человека занимает важное место в историко-философской рефлексии. Мыслители древности, Средневековья и начала Нового времени концептуализировали ее преимущественно в образах идеального города. В эпоху модерна изучение города, городского общества, горожанина становится одной из центральных тем социальной философии, социологии, инициируя становление новой отрасли знания – урбанистики, которая к началу XXI века превращается в самостоятельную академическую дисциплину.

Во второй главе исследования общественные городские пространства были рассмотрены как средоточие социальной жизни города и места, в которых реализуются базовые (онтологические) функции и ключевые ценности городской жизни. Была описана историческая эволюция общественных пространств – от участка земли вокруг костра, где собиралось первобытное племя, до разветвленной сети общественных пространств в современных мегаполисах. Далее были рассмотрены онтологические основания трансформации городских общественных пространств, связанные с эволюцией каждого из трех конститутивных признаков этого понятия: город – общество – пространство, и исследована историческая динамика, изменявшая функционал (набор главных функций) данного локуса. Опираясь на этот анализ, мы выявили аксиологические (ценностные) основания трансформации общественных пространств. Было отмечено, что в современном мире главной целью города становится внимание к горожанину и его интересам, создание возможностей для его разносторонней самореализации. Такому типу городской среды соответствуют рыночная экономика, активная поддержка малого бизнеса, демократические установки в принятии решений, толерантное отношение к разным культурам и образам жизни.

В третьей главе, носящей научно-практический характер и опирающейся на собственный опыт автора и материалы работы руководимых им ведомств Москвы в 2011–2015 годах, охарактеризовано состояние и деятельность московских общественных пространств до 2011 года, описано направление модернизации комплекса городских общественных пространств на примере культурных, образовательных, досуговых и рекреационных практик в московских парках в 2011–2015 годах и определены особенности трансформации общественных пространств как приоритета городской культурной политики.

Таким образом, можно сделать выводы.

Общественные пространства – площади, парки и скверы, бульвары и пешеходные улицы, открытые площадки культурных центров, библиотек, кафе и т. д. – своеобразная витрина городской жизни, которая показывает все самое привлекательное, что есть в городе. Но внимательный взгляд может увидеть через эту витрину и самые острые проблемы города, потому что нигде так наглядно не проявляются отношения власти и жителей, отношения разных групп горожан, отношения горожан и приезжих.

Во всем мире общественные пространства переживают серьезные проблемы. Их стараются урезать, чтобы построить новые дороги, жилые массивы, развлекательные центры. Их стараются коммерциализировать, монетизировать, сделать бесплатное платным. У них появился сильный соперник в лице виртуальных коммуникационных пространств – сегодня вы можете общаться с кем угодно, смотреть спектакли и кино, слушать концерты, лекции и образовательные курсы, вообще не выходя из дома.

Но чем больше сужается, коммерциализируется и виртуализируется все общественное пространство города, тем более значимыми и востребованными оказываются те места, где человек может свободно реализовать свою двигательную, коммуникативную, духовную, творческую, гражданскую активность – преодолевая прессинг своих повседневных социальных ролей и рутинных занятий.

Общественные пространства занимают ключевое место в экосистеме города, связывая план биологического выживания (зеленые зоны) и план необходимых для выживания человеческого сообщества социокультурных практик. Эта связь сделала работу по ревитализации и развитию городских общественных пространств одним из главных направлений креативной экономики. Качество общественных пространств и разнообразие публичной

культурной жизни делают одни города более привлекательными и успешными, чем другие.

Казалось бы, Москва, вбирающая в себя материальные и духовные ресурсы всей России, – город вне конкуренции на постсоветском пространстве. Но даже в начале второго десятилетия XXI века Москва по качеству городской среды проигрывала многим нестоличным европейским городам. В мировых рейтингах она имела репутацию одного из самых некомфортных, недружелюбных и дорогих городов планеты. Сами москвичи предпочитали проводить свободное время и дни городских праздников где-то, в зависимости от возможностей, за пределами города.

Предпринятое автором исследование системно описывает трансформации социокультурных практик в общественных пространствах Москвы, позволивших изменить эту ситуацию в позитивном направлении. За рамками исследования осталась объемная часть работы Департамента культуры Москвы в 2012–2015 гг. по реорганизации деятельности учреждений культуры – культурных центров, дворцов и домов культуры, музеев, театров, библиотек, образовательных заведений культуры. Тем не менее выбранный предмет исследования – трансформации социокультурных практик в городских общественных пространствах, проанализированный на примере московских парков и городских праздников, позволил выработать рекомендации по формированию культурной политики, актуальные не только для столицы. Подобно тому, как для районов Москвы решалась практическая задача выравнивания культурных диспропорций и стандартов, выравнивание стандартов культурной жизни в российских городах должно стать заботой федеральной культурной политики. Успешная реализация этой модели в регионах может послужить образцом для любых стран и городов, решающих задачи культурной модернизации.

Список используемой литературы

1. *Августин Аврелий (Блаженный)*. О граде божием. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 1294 с.
2. *Ан А.Л.* Роль общественного пространства в муниципальных образованиях // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2012. – № 1. – С. 174–184.
3. *Аристотель.* Политика / Пер. с древнегреч. С. А. Жебелева; Афинская полития / Пер. с древнегреч. С. И. Радцига. – М.: Мысль, 1997. – 458 с.
4. Артхашастра, или Наука политики / Пер. с санскрита; изд. подгот. В. И. Кальянов. – М.: Ладомир, Наука, 1993. – 796 с. – (Литературные памятники).
5. *Архангельский А. А.* Проблема: Москва // Искусство кино. – 2015. – № 3. – С. 91–97.
6. Археология периферии. – М.: Московский урбанистический форум, 2013. – 529 с.
7. *Бабаян И.В., Пашинина Е.И.* Городские аллюзии: режимы видимости в общественном пространстве города // Урбанистика: опыт исследований, современные практики, стратегия развития городов. – Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2017. – С. 19–20.
8. *Бауман З.* Текучая современность / Пер. с англ. / Под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
9. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 6 т. – Т. 3. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 340–511.
10. *Беньямин В.* Париж, столица XIX столетия / Пер. с нем. С. А. Ромашко // Беньямин В. Озарения. – М.: Мартис, 2000. – С. 153–167.

11. *Беньямин В.* Улица с односторонним движением. – М.: Ад Маргинем, 2012. – 128 с.

12. *Беньямин В.* Центральный парк / Пер. с нем. Н. М. Берновской // Беньямин В. Озарения. – М.: Мартис, 2000. – С. 211–227.

13. *Блаватский В.Д.* Античный город. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 191 с.

14. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Пер. с франц. Н. В. Суслова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – 96 с.

15. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: в 3 т. / Пер. с франц. Л. Е. Куббеля. – Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. – 624 с.

16. *Бурдье П.* Физическое и социальное пространство / Пер. с франц. // Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 49–63.

17. *Вайнтрауб Дж.* Теория и политика дихотомии публичное/приватное / Реферативный пер. с англ. Л. Шпаковой // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. – М.: Вариант, 2013. – С. 309–328.

18. *Вебер М.* Город / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранное: Образ общества. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 323–468.

19. *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. – 224 с.

20. *Вершинина И. А., Курбанов А. Р.* Социально-политические трансформации в контексте урбанистики: символические функции

городского пространства // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2017. – №4 (22). – С. 12–17.

21. Визуальная антропология: Городские карты памяти. – М.: Вариант; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2009. – 312 с.

22. *Востряков Л. Е.* Культурная политика: концепции, понятия, модели // Культура на границах. – М.: Институт культурной политики, 2004. – С. 12–32. (Культурные стратегии: Экспертный клуб. Вып. 2).

23. *Вучик В. Р.* Транспорт в городах, удобных для жизни / Пер. с англ. А. Калинина / Под науч. ред. М. Блинкина. – М.: Территория будущего, 2011. – 576 с. (Университетская б-ка Александра Погорельского).

24. *Высоковский А. А.* Сочинения: В 3 т. – М.: Grey Matter, 2015. – Т. I. Theory. 436 с. – II. Practic. - 400 с. – III. Public. – 352 с.

25. *Гаврилова Д.* Туризмофобия в Барселоне: местные жители против туристов // Афиша. – 10.08.2017 [Электронный ресурс]: URL: https://daily.afisha.ru/cities/6434-turizmofobiya-v-barselone-mestnye-zhiteli-protiv-turistov.

26. *Гейл Я.* Города для людей / Пер. с англ. А. Токтонова. – М.: Крост, 2012. – 276 с.

27. *Гейл Я., Сварре Б.* Как изучать городскую жизнь / Пер. с англ. – М.: Крост, 2016. – 186 с.

28. *Гидденс Э.* Социология / Пер. с англ. В. Малышенко, Н. Крюковой и др.; науч. ред. В. А. Ядов. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.

29. *Глазычев В. Л.* Город без границ. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с. (История культурологии).

30. *Глазычев В. Л.* Политическая экономия города: Учеб. пособие. – М.: Дело АНХ, 2009. – 192 с. (Образовательные инвестиции).

31. *Глазычев В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды [Электронный ресурс]. URL: http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog_1.htm.

32. *Глазычев В. Л.* Урбанистика. – М.: Европа; Новая площадь, 2008. – 220 с.

33. *Глан Б. Н.* Парк Горького: Начало истории. – М.: Парк Горького, 2013. – 208 с.

34. *Голомшток И. Н.* Тоталитарное искусство. – М.: Галарт, 1994. – 296 с.

35. *Горнова Г. В.* Антиномии города. – Омск: изд-во ОмГПУ, 2011. – 212 с.

36. *Горнова Г. В.* Антиномичность культуры // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2014. – № 3(4). – С. 16–19.

37. *Горнова Г. В.* Парадигма города как социально-онтологическое описание урбанистических процессов // Вестник МГУКИ. 2010. №2 (34). – С. 31–36.

38. *Горнова Г. В.* Понятие «город» в аспекте философии культуры // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1(1). – С. 21–24.

39. *Горнова Г. В.* Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – №3(17). – С. 43–56.

40. *Горнова Г. В.* Структура городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 3 (20). – С. 14–16.

41. *Горнова Г. В.* Урбанистические истоки демократии и либерализма // Вестник Омского педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 4 (17). – С. 12–14.

42. *Горнова Г. В.* Философия города. – М.: Форум; ИНФРА-М, 2014. – 342 с.

43. *Грац Р. Б.* Город в Америке: Жители и власти / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. – 2-е изд. – М.: Общество развития родной культуры, 2008. – 417 с.

44. *Греков В. Н.* «Московский сборник» И. С. Аксакова в контексте русской культуры // Московский сборник. – СПб.: Наука, 2014. – С. 843–916. (Литературные памятники).

45. *Грицанов А. А., Румянцева Т. Г., Можейко М. А.* Макиавелли // История философии: Энциклопедия. – Минск: Книжный Дом, 2002; [Электронный ресурс]: URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/287/МАКИАВЕЛЛИ

46. Группы участников культурной жизни Москвы. – М.: Московский институт социокультурных программ, 2013. – 11 с.

47. *Гуревич П. С.* А волны истории плещут… // Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2010. – С. 5–20.

48. *Д'Аламбер Ж. Л.* Женева / Пер. с франц. Н. В. Ревуненковой // Философии в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – М.: Наука, 1994. – С. 228–232. (Памятники философской мысли).

49. *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. Л. Мотылева. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с. (Библиотека свободы).

50. Дизайн-код Москвы: Руководство по размещению вывесок на центральных улицах Москвы // Студия Артемия Лебедева. 19.06.2013 [Электронный ресурс.] URL: https://www.artlebedev.ru/moscow/design-code.

*51.*Доклад о проектах преобразования города средствами культуры. World Cities Culture Forum / Пер. с англ. – М.: Московский институт социокультурных программ, 2015. – 110 с.

52.Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э.: (По материалам Ура) // Древний Восток: Сб. ст. Вып. 1: Города и торговля: III–I тыс. до н. э. – Ереван, 1973. – С. 30–64.

53.Есаков В. А. Мегаполис и его культура (на примере Москвы). – 2-е изд., перераб. – М.: Альфа-М, 2009. – 208 с.

54.Желнина А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // Laboratorium: Журнал социальных исследований. – 2011. – Вып. 2. – С. 48–69.

55.Загорская М. А. Философия и методология формирования общественных пространств. – М.: Московский архитектурный институт, 2015 [Электронный ресурс]: URL: http://refleader.ru/poljgejgeujgjge.html

*56.*Зарубежный дизайн-код: как работают правила на европейских улицах // Архсовет Москвы. – 10.09.2014; [Электронный ресурс]: URL: http://archsovet.msk.ru/article/city-design/zarubezhnyy-dizayn-kod

57.Звоновский В. Б. Социальное освоение пространства повседневности в условиях трансформации общества: Дис. … д-ра социол. наук. Волгоград, 2013. – 368 с.

58.Зеленцова Е. В., Гладких Н. В. Творческие индустрии: Теории и практики. – М.: Классика-XXI, 2010. – 240 с.

59.Зеленцова Е. В., Мельвиль Е. Х. Культурная политика и экономика культуры: тезисы для сборки региональных стратегий. – М.: Классика-XXI, 2010. – 96 с.

60. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. // Логос. – 2002. – № 3–4. – С. 23–34.

61. *Зиновьев А. А.* Глобальный человейник. – М.: Центрполиграф, 1997. – 459 с.

62. *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. – М.: Центрполиграф, 1994. – 496 с.

63. *Зиновьев А. А.* Логическая социология. – М.: Социум, 2002. – 260 с.

64. *Зукин Ш.* Культуры городов / Пер. с англ. Д. Симановского. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с.

65. *Иванов В. Н., Сергеев В. К., Худяков С. И.* Москва и москвичи: Актуальные проблемы социально-культурной сферы. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. – 245 с.

66. История Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 1996. – 398 с.

67. *Капков С. А.* Город для непохожих. Непохожие города: Лекция в МВШСЭН // Шанинка. – 12.03.2015; [Электронный ресурс]: URL: http://www.youtube.com/watch?v=NN53OqkYsu0

68. *Кемеров В. Е.* Введение в социальную философию. – Изд. 4-е, испр. – М.: Академический проект, 2001. – 314 с.

69. *Конышева Е. В., Меерович М. Г.* Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток на примере Магнитогорска. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 224 с.

70. *Кошелев А. И.* Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку // Московский сборник. – СПб.: Наука, 2014. – С. 111–173. (Литературные памятники).

71. *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинском Востоке. – М.: Наука, 1979. – 295 с.

72. *Кошеленко Г. А.* Классики марксизма-ленинизма о двух путях формирования древнегреческой государственности // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города: Материалы методологического семинара кафедры истории древнего мира и средних веков МГПИ им. В.И. Ленина: Сб. науч. трудов. – М., 1984. – С. 5–10.

73. *Кошеленко Г. А.* Полис и город: к постановке проблемы // Вестник древней истории. – №1. – 1980. – С. 288–312.

74. *Кривых Е. Г.* Динамика общественного пространства мегаполиса: философско-методологический аспект // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 12. С. 66–69.

75. *Кривых Е. Г.* Проектирование пространства в глобальном городе: гуманитарные технологии // Вестник МГСУ. – 2014. – № 4. С. 14–20.

76. *Кривых Е. Г.* Публичное пространство в современном городе: философский аспект // Развитие фундаментальных основ науки и образования в строительстве. Сборник тезисов XIV Международной научно-практической конференции (Москва-2017). – М.: изд-во МГСУ, 2017. – С. 110–111.

77. Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры / Ред. Е. И. Кузмин, В. Р. Фирсов. – М.: Либерея, 2002. – 240 с.

78. *Лангер С.* Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / Пер. с англ. С. П. Евтушенко. – М.: Республика, 2000. – 287 с.

79. *Лефевр А.* Производство пространства / Пер. с франц. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.

80. *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с. // Сайт В. Л. Глазычева; [Электронный ресурс]: URL:

http://www.glazychev.ru/books/translations/Lynch/Lynch_Image_of_the_city/Lynch_Image_of_the_city.htm.

81. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения / Сост. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1998. – 750 с.

82. *Лоу С. М.* Пласа: Политика общественного пространства и культуры / Пер. с англ. Ю. Плискиной. – М.: Strelka Press, 2016. – 352 с.

83. *Лэндри Ч.* Креативный город / Пер. с англ. В. Гнедовского, М. Хрусталевой и М. Гнедовского. – М.: Классика-XXI, 2006. – 399 с.

84. *Лэндри Ч., Грин Л., Матарассо Ф., Бьянчини Ф.* Возрождение городов через культуру. – СПб.: Нотабене, 1999. – 85 с.

85. *Маккуайар С.* Медийный город: Медиа, архитектура и городское пространство / Пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2014. – 392 с.

86. *Маркс К.* Капитал: В 3 т. / Пер. с нем. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1983. – 720 с.

87. *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж». 1815–1848 / Пер. с франц. В. А. Мильчиной и О. Э. Гринберг. – М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. – 480 с.

88. *Маслин М. А.* Анджей Валицкий. Интеллектуальный портрет польского историка русской философии // Гуманитарные науки. – 2012. – № 4(8). – С. 91–92.

89. Медведев И.Р. Право на город: разрешение городских конфликтов [Электронный ресурс]: URL: http:www.youtube.com/watch?v=-R-0xGRoSIQ (дата обращения: 10.09.2018).

90. *Мильчина В. А.* Французы, нарисованные ими самими и переведенные русскими // Французы, нарисованные ими самими. Парижанки. – М.: Новое литературные обозрение, 2014. – С. 5–45.

91. *Митин И.И.* Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. – 2017. – Т. 2. – № 3 (8). – С. 64–79.

92. *Момджян К. Х.* Введение в социальную философию: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа; Университет, 1997. – 448 с.

93. *Монтескье Ш. Л.* Персидские письма / Пер. с франц. / Под ред. Е. А. Гунста. – М.: ГИХЛ, 1956. – 400 с.

94. *Мор Т.* Утопия / Пер. с лат. А. Малеина и Ф. Петровского // Утопический роман XVI–XVII веков. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 39–141. (Библиотека всемирной литературы).

95. Новая Москва: Путеводитель по Троицкому и Новомосковскому округам / Рук. проекта Я. А. Негреева. – М.: Центр культурных инициатив Новой Москвы, 2014. – 342 с.; [Электронный ресурс]: URL: http://tinaocenter.ru/information/7/18.html

96. О выполнении государственной программы «Развитие индустрии отдыха и туризма на 2012–2018 годы» // Департамент культуры города Москвы. – Март 2016 [Электронный ресурс]; URL: http://kultura.mos.ru/upload_local/iblock/30b/30bb380c84309e7dd99399cd8f29fee7/riot_itogi_2015_9.pdf.

97. *Оже М.* Не-места: Введение в антропологию гипермодерна / Пер. с франц. А. Ю. Коннова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 136 с. (Studia Urbanica).

98. *Ольденбург Р.* Третье место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с. (Studia Urbanica).

99.Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика / Пер. с англ. // Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 336 с.

100. Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада / Пер. с англ. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 640 с.

101. Паперный В. З. Культура Два. – 2-е изд., испр., доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 408 с.

102. Пахтер М., Лэндри Ч. Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке / Пер. с англ. М. Гнедовского. – М.: Классика-XXI, 2003. – 96 с.

103. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 117; [Электронный ресурс]. URL.: http://www.nlobooks.ru/node/2638.

104. Петербург сквозь столетие: Фотоальбом / Сост. С. А. Компаниченко, К. Булла. – СПб.: ИП С. А. Компанийченко, 2008. – 288 с.

105. Пирогов С. В. Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 31–37.

106. Пирогов С. В. Образы города и техники как системы вещей // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 7 (148). – С. 53–58.

107. Пирогов С. В., Петухов А.С. Феноменолого-когнитивная концепция города и ее теоретические экстраполяции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Т. 6. – № 3. – С. 120–130.

108. *Платон.* Государство. Законы / Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова; Политик / Пер. с древнегреч. С. А. Шейнман-Топштейн. – М.: Мысль, 1998. – 800 с. (Из классического наследия).

109. *Платон.* Тимей, или О природе; Критий, или Атлантида / Пер. с древнегреч. В. Карпова // Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Альфа-Книга, 2013. – 1312 с.

110. *Попов А. И.* Мегаполис как объект управления: Анализ московского законодательства. – М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1998. – 271 с.

111. *Попов А. И.* Московский мегаполис: правовые аспекты управления. – М.: НОУ, 1998. – 400 с.

112. *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги: В 2 т. – Т. 1. Чары Платона. – 448 с. – М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992. – 526 с.

113. Постановление Правительства Москвы от 25.12.2013 № 902-ПП «О размещении информационных конструкций в городе Москве» // Департамент средств массовой информации и рекламы города Москвы. – 25.12.2013 [Электронный ресурс]: URL: http://dsmir.mos.ru/legislation/lawacts/921257.

114. Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. – М.: Вариант, 2013. – 360 с. (Б-ка Журнала исследований социальной политики).

115. Пятые Глазычевские чтения. Городское развитие в регионах: государственные стратегии и управленческие технологии. – М.: Дело, 2017. – 64 с.

116. *Рагон М.* Города будущего / Пер. с франц. В. Г. Калиша и Ж. С. Розенбаума. – М.: Мир, 1969. – 296 с.

117. *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подгот. В. А. Западов. – СПб.: Наука, 1992. – 672 с. – (Литературные памятники).

118. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. II. Средневековье (От Библейского послания до Макиавелли) / Пер. с итал. С. Мальцевой. – СПб.: Петрополис, 1995. – 368 с.

119. *Реброва Д. Д.* «Социальный портрет» городского пространства (на примере московского района Хамовники) // Вестник РГГУ. Серия «Социологические науки». – 2012. – № 2 (82).

120. *Руссо Ж. Ж.* Письмо Д'Аламберу о зрелищах / Пер. с франц. Д. А. Горбова // Руссо Ж. Ж. Избр. соч. В 3 т. – М.: ГИХЛ, 1961. – Т. 1. – С. 65–177.

121. *Рыбчинский В.* Городской конструктор: Идеи и города / Пер. с англ. М. Коробочкина. – М.: Strelka Press, 2014. – 220 с.

122. *Садик-Хан Дж., Соломонов С.* Битва за города: Как изменить наши улицы: Революционные идеи в градостроении / Пер с англ. Г. Агафонова, А. Калинина и др. – М.: Олимп-Пресс, 2018. – 416 с.

123. *Сеннет Р.* Падение публичного человека / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, В. Софронова, К. Чухрукидзе. – М.: Логос, 2002. – 424 с.

124. Сергей Капков vs Маша Гессен: Можно ли сотрудничать с государством ради практики малых дел? // Афиша. – 2013. – № 14(35). – С. 82–93.

125. *Спиридонов И. А.* Теоретико-методологические особенности изучения социального пространства города: Дис. … канд. социол. наук. – Саратов, 2011. – 138 с.

126. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р; [Электронный ресурс]: URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf.

127. *Суховская Д. Н.* Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности: Дис. … канд. филос. наук. - Пятигорск, 2015. – 198 с.

128. Теоретические основания культурной политики: Сб. – М.: Российский ин-т культурологии, 1993. – 272 с.

129. *Тоффлер Э.* Третья волна / Пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова, Л. М. Бурмистровой и др. – М.: АСТ, 2010. – 800 с. (Philosophy).

130. *Трофимова Е. А.* Культурное пространство современного столичного мегаполиса: горизонты оптимизации: Автореф. дис. … канд. культурологии. – М., 2006 [Электронный ресурс.] URL: http://www.riku.ru/aref/trf.htm.

131. *Трубина Е. Г.* Город в теории: Опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 520 с.

132. *Трубина Е. Г.* Публика: краткий очерк понятия // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. – М.: Вариант, 2013. – С. 25–34. (Б-ка Журнала исследований социальной политики).

133. *Трудолюбов М.* А. Русский ордер: архитектура, счастье и порядок // Институт «Стрелка». – М., 2014; [Электронный ресурс]: URL: http://strelka.com/ru/press/books/russian-order.

134. *Урри Дж.* Мобильности / Пер. с англ. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.

135. Успех и будущее городских культурных акций. Результаты социологического исследования «Библионочи» и «Ночи в музее» в Москве // Московский институт социально-культурных программ. – 2015 [Электронный ресурс]: URL: http://miscp.ru/assets/docs/miscp-nights.pdf.

136. *Филимонова О. Ф.* Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры: Дис. … д-ра филос. наук. – Саратов, 2011. – 348 с.

137. *Филимонова О. Ф.* Зодчие утопического: «город без имени» В. Ф. Одоевского // Известия саратовского университета. Новая серия. серия: философия. психология. педагогика. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 177–182.

138. *Фитт Х.* Насколько важны социальные смыслы: их роль и влияние в сфере повседневных транспортных практик // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. – М.: ИНИОН РАН, 2019.– №1.

139. *Флиер А. Я.* О новой культурной политике России. 1994; [Электронный ресурс]: URL: http://ecsocman.hse.ru/data/769/894/1217/002_Flier.pdf

140. *Флорида Р*. Большая перезагрузка: Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда / Пер. с англ. М. Неклюдовой. – М.: Классика-XXI, 2012. – 240 с.

141. *Флорида Р.* Креативный класс: Люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. – М.: Классика-XXI, 2005. – 430 с.

142. *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2014. – 368 с.

143. *Флорида Р.* Новый кризис городов / Пер. с англ. Н. Довгулевич и др. – М.: Точка, 2018. – 342 с.

144. *Хабермас Ю.* Социоструктурная трансформация публичной сферы; Трансформация политической функции публичной сферы / Реферативный пер. с нем. Т. Тягуновой // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. – М.: Вариант, 2013. - С. 226–308.

145. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. В. В. Иванова. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.

146. *Хаббард Ф., Лайон Д.* Уличная жизнь: меняющаяся социология улицы: введение. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. М.: ИНИОН РАН, 2019. – №1.

147. *Харви Д.* Право на город / Пер. с англ. // Логос. – 2008. – № 3. – С. 80–94.

148. *Хейфец М.* Ханна Арендт. Условия бытия человека на Земле. – М.: ДААТ-Знание, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://berkovich-zametki.com/2007/Starina/Nomer2/Heyfec1.htm.

149. *Хокинс Дж.* Креативная экономика: Как превратить идеи в деньги / Пер. с англ. И. Щербаковой. – М.: Классика-XXI, 2011. – 256 с.

150. *Холлис Л.* Города вам на пользу. Гений мегаполиса / Пер. с англ. М. Коробочкина. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.

151. *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. / Пер. с франц. Д. И. Шаховского и др.; отв. ред. З. А. Каменский. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – 800 с. (Памятники философской мысли).

152. *Чумикова Г. Н.* Концептуальные основания культурной политики в деятельности учреждений культуры в современной России: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – Химки, 2004. – 24 с.

153. *Шабуров П. В.* Трансформация пространства и ландшафта площадей городов Европы в Средневековье // Архитектура и современные информационные технологии. – 2014. – №4 (29). [Электронная публикация] URL: https://marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/shaburov/shaburov.pdf.

154. *Шохин В. К.* Аксиология // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 2010. – С. 62–67.

155. *Шпенглер О.* Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: В 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1998. – 666 с. – Т. 2. М.: Мысль, 1998. – 606 с.

156. Экономические основы культурной деятельности. Индивидуальные предпочтения и общественный интерес: В 3 т. – Т. II. Экономическая политика в сфере культуры: новый век, новый взгляд. – СПб.: Алетейя, 2002. – 456 с.

157. *Amin A.* Collective culture and urban public space // City. – April 2008. – V. 12, n. 1. – P. 5–24; [Электронный ресурс]: URL: http://www.publicspace.org/en/text-library/eng/b003-collective-culture-and-urban-public-space.

158. *Bates Ch.* Conviviality, disability and design in the city // Sociological review. – 2018. – Vol. 66. №5. – P. 984-1000.

159. *Carr S., Francis M., Rivlin L., Stone A.* Public Space. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 420 p.

160. Global Public Space Toolkit: From Global Principles to Local Policies and Practice 2015 [Электронный ресурс.] URL: https://unhabitat.org/wp-content/uploads/2015/10/Global%20Public%20Space%20Toolkit.pdf.

161. *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. – 326 p.

162. *Hill F., Gaddy C.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. – Washington: The Brookings Institution Press, 2003. – 240 p. [Электронный ресурс]: URL: http://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctt127wsp.

163. *Lipovetsky G., Charles S.* Hypermodern Times. – Cambridge; Malden: Polity Press, 2005. – 150 p.

164. *Lefebvre H.* Le Droit à la ville. – Paris: Ed. du Seuil, 1968. – 164 p.

165. Urban population // The World Bank – 2018 [Электронный ресурс]: URL: http://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS.

166. World Cities Report 2016: Urbanization and Development – Emerging Futures Public space planning and regulations. – New York: The United Nations, 2016. – 248 p.

167. World Urbanization Prospects. The 2014 Revision. – New York: The United Nations, 2015. – 32 p.

Приложение. Городские праздники как социально-культурные практики и их трансформации

«Разнообразие любого рода, генерируемое крупным городом, зиждется на том факте, что в крупном городе собрано великое множество людей с разнообразными вкусами, навыками, потребностями, возможностями и причудами»[242]. В этих словах одной из основоположниц «нового урбанизма» сформулирована реальная проблема коммуникации в современных мегаполисах: различие индивидов и сообществ увеличивается, а объем свободного пространства сокращается. Множественность городских аудиторий или публик, нуждающихся в собственных пространствах, бесконечно велико и всегда будет превышать физические возможности городов, а механическое объединение их в одном пространстве как однородных «народных масс» более невозможно.

Но временн*о*е измерение, событийная наполненность позволяют «расширить» пространство, в разное время превращая его в площадку, интересную для различных социальных и культурных групп[243]. Сохранение принципа множественности площадок, ориентированных на различные аудитории, в рамках общегородских фестивалей и праздников позволяет не только сделать эти мероприятия более востребованными, но и вовлечь гораздо большее число горожан в общее занятие, дать чувство общности и принадлежности к городу и если не полностью обеспечить взаимодействие представителей различных групп, то сблизить их в едином культурном пространстве.

---

[242] *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. Л. Мотылева. М., 2011. С. 159.

[243] *Паченков О.* Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение. 2012. № 117 [Электронный ресурс]: URL: http://www.nlobooks.ru/node/2638.

Новые форматы городских культурных событий складывались на московских площадках в арт-кластерах и клубах; например, сеть кафе-клубов и книжных магазинов «Проект О.Г.И.» уже с конца 1990-х годов организовывала фестивали, публичные чтения, поэтические вечера, концерты, детские утренники, но эти инициативы оставались локальными, поскольку не были востребованы на городских площадках и не получали бюджетной поддержки. Многие из этих форматов были востребованы новой концепцией городских праздников; в частности, поэтические чтения на десятках площадок стали сегодня неотъемлемой частью празднования Дня города, что было трудно себе представить еще несколько лет назад.

Ночные фестивали и акции. Для оживления культурной жизни Москвы и самих учреждений культуры необходимо было привлечь к ним внимание горожан, заинтересовать их новыми событиями, сервисами и возможностями. Одним из инструментов достижения этой цели стали специальные ночные акции, своим необычным форматом и большим количеством уникальных мероприятий привлекавшие тех, кто не являлся активным посетителем культурных пространств.

Первая и самая популярная акция «Ночь в музее» ежегодно проводилась в Москве в третьи выходные мая с 2001 года, но была лишена централизованной координации и поддержки, реализовывалась силами отдельных музеев. В 2012 году акция стала по-настоящему масштабной, в ней приняли участие все музеи городского подчинения, у москвичей впервые появилась возможность бесплатно посетить любой из них с 7 вечера до 3 часов ночи и увидеть его по-новому, с неожиданной стороны. Посетителям была обеспечена инфраструктурная поддержка города: были организованы специальные автобусные маршруты по музеям-участникам, время работы метрополитена также продлено до 3 часов ночи, обеспечена общая навигация, информационные материалы. Помимо всеобщего принципа

бесплатности и ночного формата доступа посетителей к постоянной экспозиции, важнейшей особенностью акции была реализация специальных проектов, увидеть которые можно было лишь однажды, именно в этот день: участники «Ночи в музее» могли пройти по специальным маршрутам, зайти в музейные фонды или выйти на крышу, посетить уникальные концерты, перформансы, театральные постановки, читки, лекции и экскурсии от директоров музеев и театров, медийных персон.

В 2013 году к акции присоединились и другие учреждения культуры, а музейные проекты в рамках акции вышли в нестандартные пространства: на бульвары, в торговые центры, на вокзалы, станции метро. Количество учреждений-участников выросло со 190 в 2012 до 296 в 2014 году, а число посетителей – с 900 тыс. человек до 1,3 миллиона.

Успех «Ночи в музее» привел к появлению других ночных городских акций и фестивалей. В 2012 впервые прошла «Библионочь», центральными площадками которой являются библиотеки, но в числе площадок-участников также есть музеи, галереи, книжные магазины, клубы. Посетители акции могли не только провести время в этих пространствах вне привычных часов их работы, но и встретиться с известными писателями, критиками, поэтами, публицистами и издателями, посетить закрытые библиотечные фонды, книжные ярмарки, принять участие и литературных конкурсах, квестах и других мероприятиях. Масштабы и популярность акции неуклонно росли: если в 2012 году она охватывала 30 учреждений и 7 тыс. посетителей, то в 2014 году в акции приняли участие 200 площадок и 120 тыс. человек.

В 2013 году состоялась первая общегородская акция «Ночь музыки», организованная Департаментом культуры и приуроченная к Международному Дню музыки. Фестиваль объединил начинающих музыкантов и признанных мастеров более чем на 150 культурных площадках Москвы, в число которых вошли не только известные концертные залы, но и

пространства домов культуры, кинотеатров, библиотек, лофтов и арт-лабораторий, подготовивших свои специальные программы: музыкальные постановки, лекции, мастер-классы, а также видеопоказы оперных постановок мирового значения. Важной идеей этого события было вовлечение музыкальных школ и школ искусств в столичную культурную жизнь. Как уже говорилось выше, большинство престижных музыкальных учреждений находится в центре, а расположенные на окраинах площадки музыкальных школ нередко обладают хорошими залами (как, например, Детская школа искусств № 11 в Ясенево). Акция становится действенным способом децентрализации культурной жизни, помогая школам искусств промоутировать свои услуги и выступить центрами локальных сообществ. Полноправными площадками-участниками общегородской акции впервые стали 12 музыкальных школ города. Акция стартовала в 16 ч., и ее первыми участниками были самые юные воспитанники школ, а в 19 ч. на школьных площадках выступали профессионалы: ансамбль барочной музыки «L'Esprit du Vent» – в ДМШ им. Ю. А. Шапорина, камерный оркестр «Гнесинские виртуозы» – в ДМШ им. М. А. Балакирева, солисты оркестра им. Н.П. Осипова – в ДМШ им. В. В. Андреева, оперный проект «Ангелы» – в ДМШ им. Ф. Шуберта и т. д.

Акция получила огромный резонанс и стала ежегодной. В 2014 году в ДМШ им. В. Мурадели дал большой концерт композитор Александр Маноцков со своим Courage-Quartet. В 2015 году площадок стало еще больше, и к ним присоединились деловой центр «Москва-Сити» и аэропорт Шереметьево, а в «Электротеатре» была исполнена 8-часовая «Ночная музыка» голландского композитора Антуана Бойгера, написанная специально к этому событию.

В том же 2013 году появились акции «Ночь в театре» и «Ночь искусств», инициированные Министерством культуры РФ. И если «Ночь в

театре» сохраняла определенную привязку к типу учреждений, а ее отличительной чертой можно было считать возможность увидеть «закулисье» и внутреннюю жизнь театра, посетив уникальные экскурсии и встречи с режиссерами и актерами, то «Ночь музыки» и «Ночь искусств» объединяли различные площадки, в том числе активно реализовывая принцип «выхода в город», превращения всего городского пространства в культурное благодаря концертам, перформансам, постановкам не только в стенах государственных учреждений, но и на улицах города, на независимых концертных площадках, в деловых и торговых центрах, на станциях и вокзалах. Как и «Ночь в музее», помимо позднего времени проведения, все ночные акции в Москве сохраняли всеобщий принцип бесплатности (с предварительной регистрацией). Масштаб этих акций также рос: «Ночь в театре» в 2013 году прошла на 17 площадках с 4 тыс. зрителей, в 2014 – на 46 площадках с 12 тыс. зрителей, «Ночь музыки» в 2013 году объединила 150 площадок и привлекла 30 тыс. посетителей, в 2014 году – 300 площадок и 50 тыс. посетителей, на «Ночь искусств» было задействовано 150 площадок и пришло 200 тыс. горожан, в 2014 году – 250 площадок и 700 тыс. москвичей. Все это говорило не только о небывалом внимании городских властей к сфере культуры, но и о растущей заинтересованности и вовлеченности москвичей в культурную жизнь города, обеспечивающей успех таких проектов.

Городские фестивали. Помимо обновления и реформирования городских учреждений культуры, парков и общественных пространств и проведения тематических акций, так или иначе привязанных к определенной сфере искусств, необходимо было работать с городской атмосферой, в связи с чем был пересмотрен подход к общегородским праздникам и уличным мероприятиям. Был введен стандарт городского мероприятия (безопасность, техническое оснащение, наличие точек питания и продажи воды, общие

визуальные решения и др.), началось освоение нестандартных и удаленных пространств в соответствии с принципом децентрализации, события стали охватывать большее число площадок и районов Москвы одновременно, количество массовых мероприятий выросло с 90 в 2012 до 1200 к 2015 году. У всех «сетевых» мероприятий появился собственный фирменный стиль, единое оформление площадок, информационные материалы и общая навигация.

В 2013 году впервые прошел длившийся все лето фестиваль «Лучший город земли», объединявший самые разнообразные площадки по всей Москве, направления и форматы, ориентированные на различные типы аудиторий, позволяя создать актуальное культурное предложение для максимального количества москвичей:

- Фестиваль граффити;
- Фестиваль открытых улиц – серия мероприятий на пешеходных зонах в выходные дни;
- гастрономические фестивали – Фестиваль местной еды, Фестиваль клубники, Фестиваль хлеба, Фестиваль мороженого, Яблочный Спас;
- вечер пятницы – кинопоказы, концерты, театральные постановки под открытым небом;
- дни великих – специальные мероприятия, приуроченные к юбилеям поэтов, писателей, музыкантов;
- культпикник – серия концертов-соревнований окружного и районного масштаба;
- специальные форматы: концерты на воде, фестивали лётной техники.

Другим ярким общегородским фестивалем стал «Лучший город зимы», проходивший в дни новогодних и рождественских каникул. В рамках фестиваля в городе появилось единое стилистическое оформление центральных улиц, бульваров, пешеходных зон, парков и других общественных пространств, были установлены световые инсталляции и арт-объекты, проходили ярмарки и концерты, были реализованы благотворительные проекты. За два года проведения фестиваля (2012/2013 и 2013/2014) к участию в уличных мероприятиях удалось привлечь 1,5 млн человек, которые никогда не интересовались массовыми мероприятиями: студентов, людей старшего возраста, представителей творческой интеллигенции. В дни фестиваля во всех музеях городского подчинения действовал свободный вход, расписание праздничных мероприятий в учреждениях культуры включалось в информационные материалы фестиваля, что позволило значительно улучшить информированность москвичей о возможностях культурного досуга в дни новогодних каникул.

В соответствии с новыми принципами проведения массовых мероприятий изменился День города: если в 2012 году мероприятия проходили на 190 площадках, преимущественно центральных, то в 2014 году было задействовано порядка 14 тыс. площадок, охвативших все районы города и предлагавших программы разной направленности, ориентированной на разные аудитории. При подготовке программы были учтены результаты интернет-голосования, что позволило привести ее в большее соответствие с пожеланиями москвичей. Самыми заметными событиями дня стали шоу Славы Полунина в Саду культуры и отдыха имени Н. Э. Баумана, концерт на воде на Патриарших прудах, первый городской фестиваль благотворительных фондов «Добрая Москва» и велофестиваль «Велобульвар», балетные постановки под открытым небом и театральные шествия в парках, фестиваль духовых оркестров. Количество посетителей

Дня города в 2014 году выросло до 6 млн человек по сравнению с 2,8 млн в 2012 году. Порядка 15% посетителей городских массовых мероприятий стали составлять те, кто раньше никогда на них не ходил. По результатам исследований 2014 года, 65% горожан рассмотрели бы варианты участия в городских праздниках в дни их проведения: если раньше многие жители стремились покинуть город в это время, то теперь они, напротив, предпочитали остаться и выбрать площадку в соответствии со своими интересами.

Формирование городской атмосферы: световое оформление, арт-объекты и инсталляции, граффити; уличная еда; городские сообщества. 90-е годы и начало нулевых внесли немало хаоса на московские улицы, когда офисы новых фирм принялись плодить фальшфасады со своими вывесками, не считаясь ни с обликом здания, ни с тем, как «украшают» себя соседние подъезды. В 2013 году студия Артемия Лебедева по заказу Комитета по архитектуре и градостроительству Москвы совместно с Главным архитектурно-планировочным управлением Москомархитектуры в студии разработала архитектурно-художественную концепцию размещения рекламно-информационных конструкций для одиннадцати центральных улиц столицы[244]. Он был утвержден Правительством Москвы, и это была новаторская практика для российской столицы, хотя в европейских городах она используется достаточно широко; так, по утверждению экспертов, в Лондоне подобные правила действуют еще с 1666 года, когда британская столица начала отстраиваться после разрушительного пожара[245].

---

[244] Дизайн-код Москвы: Руководство по размещению вывесок на центральных улицах Москвы // Студия Артемия Лебедева. 19.06.2013 [Электронный ресурс]: URL: https://www.artlebedev.ru/moscow/design-code

[245] Зарубежный дизайн-код: как работают правила на европейских улицах // Архсовет Москвы. 10.09.2014 [Электронный ресурс]: URL: http://archsovet.msk.ru/article/city-design/zarubezhnyy-dizayn-kod

Говоря о работе с городской атмосферой, необходимо упомянуть и о других ее составляющих, а также об инструментах, позволяющих работать в этом направлении как в рамках специально спроектированных общественных пространств и мероприятий, так и на других городских территориях. Одним из таких инструментов стало создание граффити: адаптировав опыт западных стран по взаимодействию городских властей с субкультурой граффитистов, удалось интегрировать граффити в городскую среду в виде настоящих художественных полотен, украшающих скучные стены и задающих определенное настроение, интеллектуальный и культурный тон города. После появления первых граффити на центральных улицах и пешеходных зонах в Департамент культуры стали поступать запросы на их создание на стенах домов в отдаленных районах города и в Подмосковье. Всего с 2013 по 2014 год было реализовано более 180 проектов уличных граффити.

Другим направлением взаимодействия города и современных художников и изменения эстетического облика города стало размещение арт-объектов как в парках и пешеходных зонах, так и на других улицах Москвы. Некоторые из объектов были растиражированы и заимствованы другими городами. Еще одним инструментом визуальной трансформации городской среды стала архитектурная подсветка и размещение световых объектов. Работа в этой области началась в 2012 году после успешного оформления пешеходных зон, затем было разработано концептуально продуманное новогоднее украшение города, стали появляться световые инсталляции и арт-объекты, выполненные известными дизайнерами, стали проходить световые шоу, для традиционных символов и объектов были предложены нестандартные визуальные решения. Световые инсталляции Департамента культуры дали начало художественному оформлению Бульварного кольца и разработке поэтапной программы по освещению исторических зданий в центре города.

Еще одним изменением городской среды стало развитие отрасли уличной еды принципиально нового формата и качества. Сначала уличная еда и фуд-траки появились на пешеходных зонах и в парках, затем стали проходить гастрономические фестивали, к участию в которых приглашались не сетевые компании, а фермеры, частные предприниматели и нераскрученные проекты, что позволило значительно разнообразить предложение и поддержать развитие малого бизнеса.

Наконец, необходимо отметить социальные трансформации, отчасти ставшие результатом трансформации городских и общественных пространств, создания необходимой физической среды и инфраструктуры, а также специализированных мероприятий. Ярким примером здесь может служить развитие спортивных сообществ и в целом формирование устойчивой моды на занятия спортом. Так, в городе появились первые велопрокаты и веломаршруты, велодорожки стали обязательным элементом стандарта благоустройства парков, значительно возросло число горожан, для которых велосипед стал новым элементом досуга или повседневным транспортом. По-настоящему массовыми стали существующие, а также появились новые акции, направленные на популяризацию велодвижения: ночные катания «Велоночь», массовый заезд по бульварам и фестиваль «Велобульвар», собиравшие до 10 000 посетителей. В 2014 году в области развития велодвижения была вручена премия «Золотая педаль». Также благодаря появлению многочисленных воркаут- и многофункциональных спортивных площадок, выделенных беговых дорожек, организации бесплатных занятий и клубов настоящим городским трендом стали регулярные спортивные занятия на открытом воздухе. Одними из самых популярных и востребованных направлений стали беговые клубы и проект «Йога в парке».